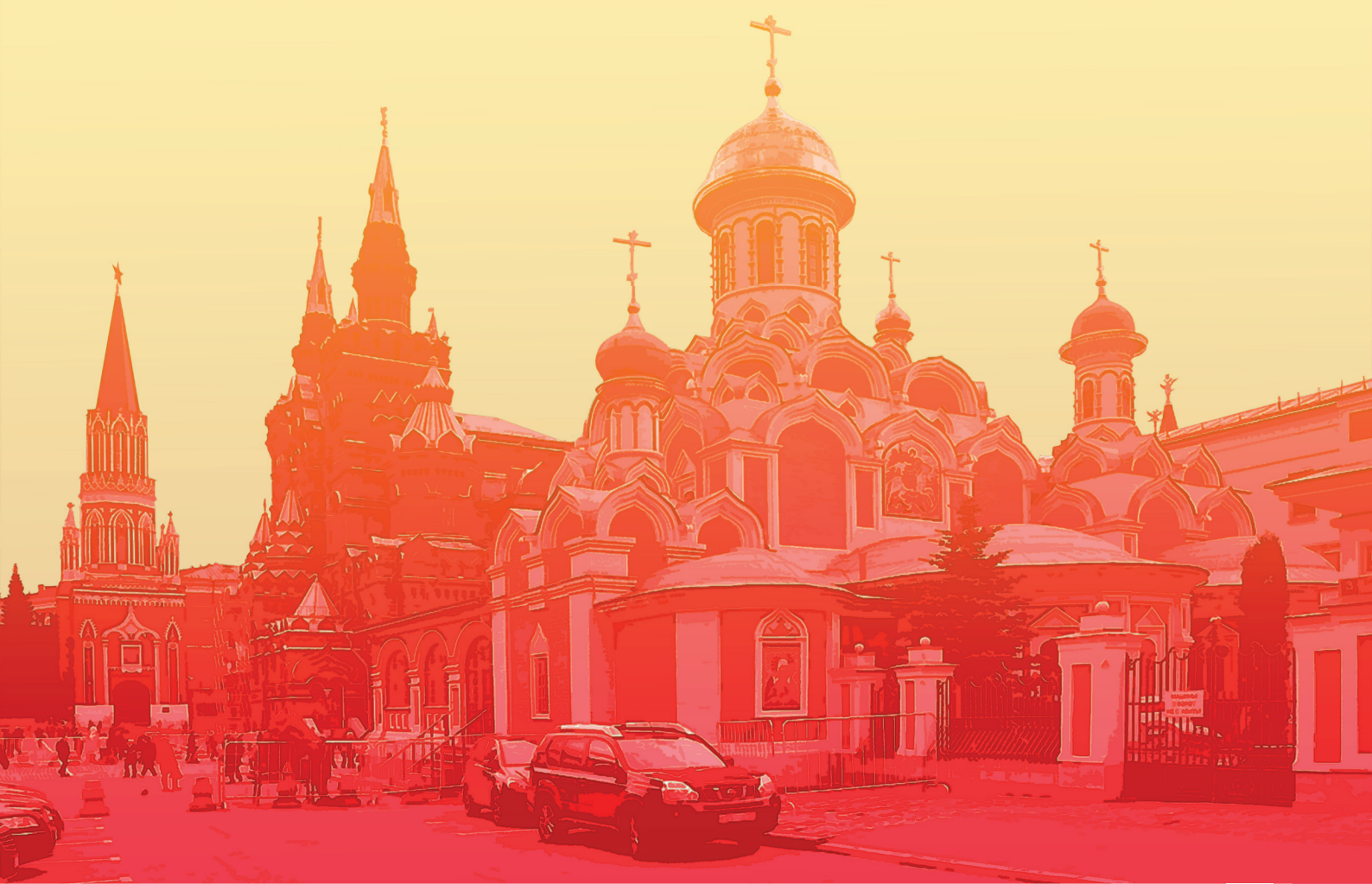




Международная научная конференция

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ



Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1
Ф54

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственные редакторы: *Е. И. Осянина, Л. Н. Вейса*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

Ф54 Филология и лингвистика в современном мире : материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2017 г.). — Москва : Издательский дом «Буки-Веди», 2017. — vi, 106 с.

ISBN 978-5-4465-0938-6

В сборнике представлены материалы Международной научной конференции «Филология и лингвистика в современном мире».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1

ISBN 978-5-4465-0938-6

© Оформление.
ООО «Издательство Молодой ученый», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ**Воронин Р.А.**

Виды и функции пейзажных описаний в литературе 1

Суровцева Е.В.

Н.Н. Асеев и его эпистолярные обращения к властям 4

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Бурцева Е.А., Устюгова П.О., Мельникова К.С., Кочергина Н.Г.

Интертекстуальные особенности русской лирики (на материале поэзии Ф. Тютчева и А. Пушкина) 7

Бурцева Е.А., Хасаншина А.И., Валиева Э.Д.

Контекст стихотворения А. Ахматовой «Лотова жена» 9

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Садокова А.Р.

Символика окуня-тай в японских народных приметах и пословицах 12

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Джамбаева Ж.А., Толемысова К.М.

Фольклорно-этнографический компонент в художественной структуре произведений А. Кекильбаева . 15

Меденцева Н.П.

Виды сравнений в поэтической речи А. Ахматовой 18

Никонов С.С.

Сравнительный анализ образов Константина Левина и Алексея Вронского из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» 20

Никонов С.С.

Мотив раздвоения личности в повести Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» 22

Селезнева Т.А.

Функции монструозного тела в современном англоязычном жанре фэнтези (на примере романа «Игра престолов» Дж. Мартина) 23

Усачева В.С.

Ономастическое пространство в произведении Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» 26

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Баяндурова Е.А.

Анализ семантических и функциональных связей слов и их синонимии в современном английском языке 29

Ван Синхуа К вопросу возникновения, роли в обществе, источниках пополнения молодежного жаргона в русском и китайском языке: сопоставительный аспект	32
Ivanova S.A., Toleubekova A.T., Tugambekova M.A. Language picture of the world.	34
Конькова И.И. Термины и терминологические словосочетания как маркеры вторичного текста в англоязычном научно-техническом дискурсе (сфера оптоволоконной техники)	36
Muminov A.M. A new approach to distinction between polysemy and homonymy	40
Сардалова Л.Р. Философско-психологические предпосылки изучения феномена адресата в гуманитарных исследованиях	41
Фан Сян Морфемная деривация как способ номинации болезней в современном английском и китайском языках	45
Чувасова О.С. Пути формирования терминологии банковского дела в сфере «кредит/кредитование» в немецком языке	48
Щукина Г.О. Развитие переносных значений отдельных слов в английском и немецком языках (на материале фразеологизмов и словарных статей)	52
МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ	
Бондаренко Н.Г. Языковые средства создания комического эффекта в анекдоте	56
Nurutdinova M. Specificity of mass information as forms of the fourth power	59
ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ	
Багиян А.Ю., Бжинаева М.В., Нерсесян Г.Р. Комплексная лингвистическая характеристика и анализ переводческих стратегий элементов англоязычной терминосистемы сферы финансового менеджмента	62
Паршина Т.В. Об этике переводчика	67
Турчанинова К.А. Особенности перевода образного компонента значения лексических единиц	76
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	
Bakirova H.B. About some problems of specialized terminology in teaching foreign language	79
Ibragimov N.T. Formation of lexical skills in teaching foreign languages.	81
Ibragimova Z.N. The role of reading in the process of foreign language teaching.	83
Ibrokhimova L.I. A research of the concept “intercultural competence” and its role in language teaching at the educational establishments	85
Kamalova D.A. Forming the communicative competence of learners at using the communicative technologies in the English lessons	87

Radjabova D.K. About some problems of English teaching methods at high schools	90
Turaeva M.A. Culture of speech: the subject and discipline problems in foreign language learning.	92
Усманова З.Ф., Заяц Т.В., Мукажанова Г.Ж. Реализация технологии CLIL в условиях полилингвального обучения	94
Usmanova L.A. Formation of pronunciation skills in teaching Russian in the national school	97
Eghamov S.A. Innovative ways of forming the phonetic competence in a foreign language at the secondary schools.	99
Yusupova N.K. The role of home reading in foreign language teaching and its organization at the English lessons	101

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Виды и функции пейзажных описаний в литературе

Воронин Роман Алексеевич, аспирант

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

В настоящее время объектом значительного числа филологических работ становится литературный пейзаж как комплексный художественный феномен, рождающийся на пересечении культурно-специфического и индивидуально-авторского видения природы. В данной статье представлен обзор основных подходов к классификации многообразия литературных пейзажей, а также описаны ведущие функции литературных пейзажей в произведении.

Ключевые слова: пейзаж, литературный пейзаж, классификация, функция

Виды литературного пейзажа

Литературный пейзаж можно трактовать как создаваемое при помощи языковых средств визуальное или мультисенсорное (при обязательном наличии визуального компонента) изображение первозданного или содержащего следы человеческого присутствия открытого природного пространства, несущее информационную и эмоционально-эстетическую нагрузку [3; 2].

Как мы можем видеть из данного определения, литературный пейзаж как художественное явление глубок и многогранен, поэтому в научной литературе неоднократно предпринимались попытки создания классификаций литературных пейзажей по различным основаниям. Рассмотрим наиболее часто упоминаемые из таких классификаций.

Одной из наиболее часто встречающихся является классификация пейзажей по локальному признаку, то есть по географическому расположению изображаемых природных объектов или общему характеру местности [6, с. 30]. По данному критерию выделяют такие пейзажи, как степной, лесной, морской (марина), горный, городской/урбанистический, деревенский и так далее [6, с. 30]. По сезонному критерию пейзажи легко поделить на весенний, летний, осенний и зимний. Темпоральный критерий, то есть учёт времени суток, позволяет говорить об утреннем, дневном, вечернем и ночном пейзажах [6, с. 30].

Литературные пейзажи могут также классифицироваться с учётом позиции, которую они занимают в структуре и композиции художественного произведения. На основании этого признака выделяют инициальные, интертекстуальные и финальные пейзажи [11; 15].

Интерес представляет классификация литературных пейзажей, построенная на базе анализа объёма и локального расположения пейзажа в тексте. В данном случае выделяются следующие виды пейзажей: контурный, или штриховой (пейзаж представляет собой краткое описание,

к которому автор обращается лишь единожды); дисперсивно-штриховой (несколько штриховых пейзажных описаний распределены по всему произведению); компактно-дескриптивный (пейзаж представлен одной объёмной текстовой единицей); дисперсивно-дескриптивный (по всему повествованию рассеяны подробные ёмкие пейзажные описания) [1, с. 190–194; 5].

Одним из наиболее содержательных критериев для выделения пейзажа служит также его жанровая принадлежность. Так, можно говорить о лирическом, драматическом, идиллическом, историческом, утопическом пейзажах [6, с. 31]. Возможно также выделение описаний природы по их принадлежности к произведениям, созданным в рамках того или иного художественного метода — сентименталистский, романтический и реалистический пейзажи [6, с. 31].

Наряду с упомянутыми классификациями пейзажа, носящими более или менее универсальный и общепризнанный характер, существует и ряд индивидуально-авторских типологий.

Так, К. В. Пигарев, избирая в качестве основы классификации пейзажей жанровый и идейно-тематический признаки, рассматривает такие виды пейзажных описаний, как эпические, драматические, лирико-психологические, социально-направленные, исторические, национальные и философские. По мнению учёного, выделять типы пейзажей следует в зависимости от того, какие характеристики являются преобладающими в том или ином образе природы [12, с. 8].

Е. Н. Себина в зависимости от предмета и фактуры описания предлагает разграничивать следующие виды пейзажа: деревенский и городской/урбанистический, степной, морской, лесной, горный, северный и южный, а также экзотический, контрастным фоном для которого служит флора и фауна родной автору местности [13, с. 272].

Развёрнутую классификацию пейзажей предлагает М. Н. Эпштейн в работе, посвящённой системе пейзажных образов в русской поэзии [16]. Среди эстетических разновидностей пейзажа исследователь выделяет идеальный, бурный и унылый пейзажи. Идеальный пейзаж сформировался в рамках античной литературы и впоследствии постоянно развивался и трансформировался. Неотъемлемыми составляющими идеального пейзажа являются ветерок, источник воды, цветы, деревья и птицы, вместе образующие то, что в латинской терминологии обозначается как *locus amoenus*, то есть *приятное место* [16, с. 131]. Бурный, или грозный, пейзаж отличается динамикой и смещением основных его составляющих частей с привычных позиций, в чём находит выражение непреодолимое могущество сил природы. Унылый, или мрачный, пейзаж ориентирован на трансляцию грустно-мечтательных мотивов, составляющих жанровую особенность элегии [16, с. 148].

Наряду с эстетическими разновидностями пейзажа М. Н. Эпштейн выделяет национальный и экзотический пейзажи, а также зимний и летний пейзажи. Особой разновидностью пейзажа являются фантастические пейзажи, передающие максимальную степень эмоциональной насыщенности [16].

По мнению Н. Мурадалиевой, на основании объёма и функциональной нагрузки следует различать три типа пейзажа: пейзажную деталь, пейзажную картину и пейзажное произведение. Пейзажная деталь не составляет объекта изображения, а является средством изображения. Как правило, под ней подразумевается какой-либо троп, выражающий эстетическую оценку и позицию автора. Пейзажная картина есть пейзаж в традиционном понимании, то есть является самоценным объектом описания. Что касается пейзажного произведения, оно представляет собой самостоятельную жанровую форму в поэзии [11].

Р. С. Луценко в основу своей классификации кладёт степень полноты и развёрнутости пейзажа, выделяя пейзажный штрих (упоминание элемента пейзажа без дальнейшей конкретизации и детализации), пейзажное вкрапление (более протяжённое по сравнению с пейзажным штрихом описание отображаемой местности), пейзажный сюжет (пространные описания составляющих пейзаж элементов) и пейзажную зарисовку (полноценное описание местности, которое может корректировать архитектонику произведения, замедляя повествование и реализуя функцию ретардации) [9, с. 11].

Пейзажи также можно классифицировать на основании родов литературы, в которых они фигурируют. Так, лирический пейзаж отличается значительной психологической нагрузкой, он подчёркнуто экспрессивен и часто символичен: при его создании часто используются психологический параллелизм, персонификации, метафоры и другие тропы [13]. Кроме того, в некоторых произведениях пейзажные описания могут выходить на передний план и приобретать самоценность [4]. В произведениях эпического характера пейзаж может изображать часть действительности

как фон разворачивающихся действий, либо быть самостоятельным объектом изображения. Кроме того, в эпосе пейзажные описания часто выполняют сюжетную функцию, влияя на ход событий. Что касается драматического пейзажа, он по сравнению с лирическим и эпическим пейзажами обычно значительно редуцирован [13], а функцию фактографического описания выполняют образы замкнутого пространства.

Очевидно, что сегодня в науке отсутствует единая исчерпывающая классификация литературных пейзажей, что объясняется комплексностью и многоликостью пейзажа как жанра словесного искусства и возможностью различных подходов к его изучению.

Функции литературного пейзажа

Как отмечает Л. М. Крупчанов, пейзаж как один из содержательных и композиционных компонентов художественного произведения выполняет многие функции в зависимости от стиля автора, литературного направления (течения), метода писателя, а также рода и жанра произведения [7]. Действительно, в художественном произведении картины природы появляются неслучайно и всегда несут значительную смысловую нагрузку, обычно выступая либо в качестве эмоционально насыщенного фона разворачивающихся действий, либо как форма отражения внутреннего мира автора или персонажа. Однако этим перечнем выполняемых пейзажем в структуре литературного произведения функций не исчерпывается. Рассмотрим подробнее наиболее значимые функции пейзажа.

1. Большинство исследователей ведущей функцией пейзажа в литературном произведении считают *психологическую функцию* [6, с. 37; 8, с. 138; 14, с. 161; 13, с. 268]. Данная точка зрения представляется вполне правомерной, поскольку пейзаж по своей природе антропоцентричен и выступает не как цель, а как средство характеристики персонажа и его состояния [8, с. 138]. Искусно созданный пейзаж позволяет передать душевное состояние героя, в некоторой степени постичь его внутренний мир, эмпатически прочувствовать испытываемые им эмоции. Кроме того, пейзаж может оказывать психологическое воздействие на читателя, настраивая его на определённую эмоциональную волну восприятия художественного текста.

2. Одной из ведущих функций пейзажа является *хронотопическая функция*, состоящая в указании на место и время действия, а также на обстановку действия [13, с. 265; 14, с. 160]. Пейзаж в данном случае служит для читателя своеобразным ориентиром, благодаря которому можно наглядно представить, где и когда разворачиваются описываемые события.

3. *Функция развития действия* [7, с. 233], или *сюжетной мотивировки*, заключается в том, что отражённые в пейзажных описаниях природные и в особенности метеорологические явления могут потенциально направить развитие сюжета в ту или иную сторону, послужить переломным моментом повествования, мотивировав

героев на то или иное действие. Пейзаж также может на некоторое время прерывать повествование, предоставляя читателю обдумать происходящие в произведении события и осознать их глубину и значимость [10, с. 15].

4. Пейзаж может выполнять *функцию акцентуации кульминации*. Подобная функция свойственна пейзажам, которые вводятся в текст в самый торжественный и важный момент и, тем самым, придают своеобразие композиции произведения [10, с. 15].

5. Нередко пейзаж выступает как *форма присутствия автора* [13, с. 268]. Являясь продуктом субъективного творчества, пейзаж не может не выражать позицию автора, его отношение к происходящему и оценку разворачивающихся событий.

6. *Идейно-художественная функция* пейзажа состоит в выражении философских, социальных, эстетических и этических взглядов. Пейзаж как полноценный компонент произведения принимает участие в раскрытии его темы и идейного содержания. Созерцание и вдумчивый анализ видов природы побуждают автора и его героев к размышлению о различных аспектах природы и её взаимоотношений с человеком. Так, предметом рассуждения может становиться роль природы в жизни человека, первопричина природы, соотношение жизни и смерти, проблемы

природопользования и защиты природы, законы взаимоотношений в природной и человеческой среде и так далее. Как отмечает С. В. Зеленцова, в подобных рассуждениях раскрывается не только система представлений автора и персонажей, их взгляд на мир, но и идейно-художественный уровень произведения в целом [6, с. 38].

7. *Функция создания национального колорита* заключается в том, что пейзаж редко носит максимально отвлечённый характер, изображая, как правило, виды конкретной географической местности и обладая поэтому национальным своеобразием. Примечательно, что художественное воссоздание свойственных определённой территории природных особенностей может становиться выражением патриотических чувств [13, с. 269].

8. Следует также выделить *эстетическую функцию* пейзажей, состоящую в отражении глобальных представлений о мире природы в целом, который во все времена рассматривался как мерило ценностей и категорий прекрасного, возвышенного [5, с. 64].

Итак, литературный пейзаж предстаёт как пёстрый многофункциональный феномен, впечатляющий своей полифоничностью. Несомненно, дальнейшие исследования различных аспектов литературного пейзажа являются в высшей степени перспективными.

Литература:

1. Боева, Н. Б. Особенности синтаксической организации пейзажных контекстов в современных английских и американских рассказах // Научная мысль Кавказа. — 2004. — № 12. — С. 190–194.
2. Воронин, Р. А. Арктический пейзаж в произведении Джека Лондона «Белый клык» // Актуальные проблемы современной науки. — 2016. — С. 5–9.
3. Воронин, Р. А. Пейзаж как объект филологического исследования // Актуальные проблемы современной науки. — 2015. — С. 165–167.
4. Горкин, А. Н. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. — М.: Росмэн, 2006. — 984 с.
5. Гостева, Т. Ф. Лингвостилистические особенности и текстообразующий потенциал пейзажных описаний в американской прозе XIX–XXI вв.: дис. на соискан. учён. степ. канд. филол. наук. — Барнаул, 2007. — 237 с.
6. Зеленцова, С. В. Функции пейзажа в малой прозе И. А. Бунина: на материале произведений 1892–1916 гг.: дис. на соискан. учён. степ. канд. филол. наук. — Орёл, 2013. — 192 с.
7. Крупчанов, Л. М. Введение в литературоведение: учеб. пособие. — М.: Оникс, 2005. — 413 с.
8. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста: учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1988. — 192 с.
9. Луценко, Р. С. Концепт «пейзаж» в структуре англоязычного прозаического текста: автореф. дис. на соискан. учён. степ. канд. филол. наук. — Саранск, 2007. — 21 с.
10. Мельникова, Л. В. Пейзаж как средство воплощения эстетического идеала в поэзии М. В. Ломоносова // Пейзаж как развивающаяся форма авторской концепции. — М., 1984. — С. 3–17.
11. Мурадалиева, Н. Романтический пейзаж в литературе. — Баку: Язычы, 1991. — 204 с.
12. Пигарев, К. В. Русская литература и изобразительное искусство: очерки о русском национальном пейзаже середины XIX в. — М.: Наука, 1972. — 125 с.
13. Себина, Е. Н. Пейзаж // Введение в литературоведение: учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др. / под ред. Л. В. Чернец. — М.: Высшая школа, 2004. — С. 264–275.
14. Тамарченко, Н. Д. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. — М.: Издательство Кулагиной, 2008. — 358 с.
15. Толова, Г. Н. Пейзаж в литературе и искусстве // Пейзаж в литературе и живописи. — Пермь: Издательство Пермского государственного педагогического института, 1993. — 52 с.
16. Эпштейн, М. Н. Природа, мир, тайник вселенной: система пейзажных образов в русской поэзии. — М.: Высшая школа, 1990. — 303 с.

Н.Н. Асеев и его эпистолярные обращения к властям

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Николай Николаевич Асеев (28.06/10.07.1889, Львов Курской губернии — 16.07.1963, Москва) родился в семье страхового агента (биографические сведения даются по [3]).

В 1907 г. окончил Курское реальное училище, в 1908–1910 гг. учился в Московском коммерческом институте, недолгое время — в Харьковском университете, был вольнослушателем историко-филологического факультета Московского университета. Писать стихи начал рано, первые публикации относятся к 1911 г. Входил в литературное объединение «Лирика», затем — «Центрифуга» (вместе с Пастернаком), еще позже — «Лирень» (в Харькове). В его первых стихах прослеживается влияние как символизма, так и футуризма. Первая его книга («Ночная флейта») относится к 1914 г. Сильное влияние на лирику Асеева оказал Маяковский. В октябре 1915 г. поэт был призван в армию, в феврале 1917 г. — избран в Совет солдатских депутатов. Асеев восторженно принял Октябрьскую революцию; он считал, что искусство должно служить революции. Эта идея стала основной в его выступлениях. Постепенно его лирика приобретает публицистические и эпические краски (например, в поэме «Семен Проскаков»).

1930-е гг. — трудная пора для русской литературы, когда критике подвергаются многие оригинальные литераторы. На пленуме, проводимом Союзом писателей в честь столетия со дня смерти Пушкина, Асеев был в числе ошельмованных (см. об этом [7, с. 532]). Его упорно не хотят печатать.

Публикатор писем Асеева Д. Бабиченко отмечает: «Расцветом асеевской поэзии стали 20-е годы. У него вышло около полутора десятков сборников. Он входит в группу поэтов ЛЕФ (Левый фронт искусств). <...> В конце 30-х годов Асеев был уже признанным поэтом» [5, с. 134]. Н. И. Бухарин на Первом съезде писателей (1934 г.) в докладе «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР» высоко оценил поэзию Асеева [1].

9 октября 1940 г. Асеев написал письмо А. А. Жданову [4, с. 55–57]. В нем речь шла о состоявшемся накануне Правлении ССП, на котором обсуждался новый сборник Т. В. Чурилина «Стихи» и на котором Асеев (а также поддержавшие его Тренев, Шкловский и Маршак) «был поставлен товарищем Фадеевым в тяжелое и глупое положение». Асеев пишет: «Тов. Фадеев, зная мое положительное суждение о талантливости Чурилина вообще и, не предупредив меня о том, что книжка резко осуждена вами, нашел нужным вовлечь меня в длительный спор о ней, спор, имевший очевидной целью противопоставить мою скромную литературную убежденность вашему непрерываемому политическому авторитету?» Асеев говорит о том,

что в ходе этого достаточно неприятного спора Фадеев подменил вопрос — вышло, будто кто-то защищал данную книгу, хотя на самом деле защищали талантливого, пусть даже и заблуждающегося, поэта. Асеев полагает, что, возможно, весь этот спор был затеян для того, чтобы дискредитировать его литературные вкусы и лишний раз показать его непригодность к организационной работе. Тут Николай Николаевич говорит, что никогда не просил, не добивался участия в руководстве СП. Тон письма спокойный, вежливый. Письмо это — просьба о помощи.

«Впервые публикуемые документы (см. [5] — Е. С.) раскрывают малоизвестные страницы жизни и творчества Н. Асеева во время Великой Отечественной войны. Первые четыре характеризуют взаимоотношения поэта с главным редактором газеты «Правда» П. Н. Поспеловым и его заместителем Е. М. Ярославским. Известно, что с начала войны, буквально на второй ее день, на страницах газеты появились стихи «Победа будет за нами», а до конца года еще четыре стихотворения. Этот факт говорит о многом — автора ценили, его творчество было необходимо. Произведения этого времени в основном носили агитационный характер, были направлены против фашистских захватчиков, воспевали подвиги героев войны. Именно жанр стихотворений-листовок в наибольшей мере отвечал требованиям времени. Хотя от этого жанра «замечательный лирик, поэт, по преимуществу с прирожденной слагательской страстью к выдумке и крылатому, закругленному выражению», по оценке Б. Пастернака (1939), стал постепенно отходить. Ему не было свойственно слепое подчинение злобе дня. Вдохновение требовало описания не только героических деяний, но и прочих сторон жизни суровой военной! поры. И в этом ценность его поэзии.

Как известно, ССП располагал планом эвакуации членов писательской организации. А. Толстой и Вс. Иванов, например, были в Ташкенте, М. Зощенко — в Алма-Ате, в Уфе — А. Довженко и т. д. Большая группа писателей: Гладков, Леонов, Пастернак, Фадеев, Федин — была эвакуирована в Чистополь. Среди них был и Асеев, возглавлявший там Литфонд.

Находясь в Чистополе (Татарская АССР) и окупившись в жизнь тыла, он не идеализировал ее, в то время как его редакторы хотели бы видеть в ней исключительно слаженный, без изъянов механизм, действующий под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!». Искренние стихи Асеева, не укладывавшиеся в этот трафарет, не устраивали. Его обвиняли в очернительстве» [5, с. 134–135].

К декабрю 1941 г. относятся два письма Асеева П. Н. Поспелову из Чистополя — первое из них написано 24 декабря [5, с. 141–142], второе — 25 декабря [5, с. 143]. «Из ... писем явствует, что Асеев много и вдохновенно

работает, не считаясь со здоровьем, верит в победу, отстаивает свое право на свободу творчества, болезненно воспринимает вынужденные паузы в работе над поэмой «Пламя победы», первоначально называвшейся «Отмщение». Естественным было и желание поэта быстрее опубликовать свои работы, и забота о том, чтобы их прочли по радио» [5, с. 135].

5 января 1942 г. датировано ответное письмо П. Н. Поспелова и Я. М. Ярославского Асееву [5, с. 144–145]. «Из письма к Николаю Асееву Е. М. Ярославского и П. Н. Поспелова от 5 января 1942 года видно, что последние, с одной стороны, советовали ему набраться боевых впечатлений, быть ближе к фронту и ближе к жизни. С другой стороны, они упрекали, и, возможно, несправедливо, Асеева в стремлении отсидеться в тылу. И все же это письмо не похоже на «начальственный окрик», как его характеризовал обиженный поэт. Ответ его, конечно, был резок. Но в данной ситуации заслуживала упрека и другая сторона. Асеев здесь упоминает о взаимоотношениях между редактором К. Марксом и поэтом Ф. Фрейлигратом в качестве примера, достойного подражания. К. Маркс действительно чутко относился к этому поэту и советовал, например, своему другу и редактору газеты И. Вейдеменеру: «Позаботься, чтобы стихотворение напечатали как следует... Не скупись и на комплименты, та к как все поэты, даже лучшие, в большей или меньшей степени избалованы — их нужно приласкать, чтобы заставить петь». Как следует из данной переписки редакторов с Асеевым, определенная скупость на комплименты очевидна» [5, с. 135].

«На ... ранимость эмоционально впечатлительной, нервно возбудимой природы наверняка рассчитывали Поспелов и Ярославский, упрекая пожилого поэта, давно вышедшего из призывного возраста, к тому же страдающего туберкулезом, в том, что он трусливо отсиживается в тылу. Так опробовался на нем морально неопрятный, нравственно нечистоплотный прием, к которому вскоре прибегнет Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград», где в открытую назовет алма-атинскую эвакуацию Михаила Зощенко дезертирством, роняющим честь советского патриота [6, с. 170].

В ответном письме (январь 1942 г.) [5, с. 145–146] высказывается «... сокровенная его (Асеева — Е. С.) мысль о «возвращении поэзии... естественного права литературного первородства», и стойкое убеждение, что недопустимо понимать стихи прагматически, утилитарно, сиюминутно — «только как гарнир к политическим событиям, в то время как стихи сами суть события». Правда, все это высказано в письмах, пусть в самые высокие инстанции, но сугубо личных письмах, которые предназначались для узковедомственного круга лиц посвященных. Вот и письмо Ярославскому и Поспелову было скорее эмоциональным выражением уязвленного творческого самолюбия, нежели гражданским актом сознательного противодействия сталинской политике, проводимой в области литературы

и искусства идеологическими верхами партийного аппарата [6, с. 161].

«Конфликт поэта с «Правдой» разрешился в сентябре 1942 года, когда в ней появилось стихотворение «Спасите, братья!». С этого времени вплоть до конца 1943 года поэт активно работает. Его стихи появляются в «Красной звезде», «Труде», «Гудке», журналах. Но затем наступает период затишья. Вплоть до конца войны его стихи не появляются в «Правде», других центральных газетах или крупных журналах. Причина становится ясной из письма Асеева Сталину, озаглавленного «Личное письмо». В нем, как и в прежних, автор отстаивает свободу творчества. В черновом наброске письма к Сталину более эмоционально, резко и прямо, чем в отосланном оригинале, выражены обуревавшие его чувства» [5, с. 136].

3 декабря 1943 г. Асеев пишет вождю поэтическое письмо. Письмо Сталину — «это резкий протест против сложившегося положения вещей — рабской зависимости поэта от воли политиканствующих редакторов. Он высмеивает «послушание и сноровку» одних, вынужденных приспособляться, и «сфинкса упрощенное подобье, вздетое к партийным небесам», — других. Естественно, что такая критика не могла пройти бесследно. Даром что письма па имя Сталина во время войны (не только Асеева) до адресата не доходили (как правило, они переправлялись А. Щербакову)» [5, с. 137].

Анализируя этот текст, современный исследователь отмечает: «Конечно, не в русле идеологии сталинизма, а в духе авторского непокорства ей выдержано «Личное письмо» поэта Сталину, дерзость которого, попадись оно на глаза адресату, могла обойтись дорого. К примеру, за отнюдь не смиренные, как им полагалось бы быть, строки: «...если к Вам доверье потеряю, значит — больше нечего терять». Мало сказать непозволителен — преступен самый допуск мысли о возможной утрате писательского доверия к «вождю и учителю», который на то вождь и учитель, что ему надлежит внимать безоговорочно, не ставя никаких условий, не ведая и малого намека на сомнение. А яростная защита искусства от неких «песнопевцев безголосых од», что «не бумагу — веру в жизнь изводят», — уж не покушается ли строптивец на светлое, оптимистическое начало социалистического реализма, не считает ли его искусством благостным, лакировочным?! А наставительные строки о том, что «нельзя ж поэзию — по шпалам воинских различий отмечать!» — неужто самого, страшно молвить, «великого и мудрого» учит зарвавшийся поэт уму-разуму?!

А полемический выпад против «послушанья и сноровки», в которых он видит не писательскую добродетель, а губительную унификацию талантов, выстроенных, выровненных на ранжир Маяковского, которого не кто иной, как Сталин, назвал лучшим и талантливейшим?! Не с этим ли спорит самонадеянный автор письма, иронизируя над тем, кто полагает, будто «Маяковского потерю можно длинным ростом заменить»? Этак, начав чего доброго с Маяковского, доберутся и до «Краткого курса», катехизиса сталинской

эпохи, предпочтя назубок заученным параграфам живую память и незаёмное знание?! И наконец, что, если не издевка над партией, славным орденом меченосцев, и ее проводителем-магистром, — «сфинкса упрощенное подобье, вздетое к партийным небесам»?! Куда ни шло, коли, по черновому варианту, в одного лишь «Емельяна пыльные усы» метит вольнодумец, да, видать, неспроста в чистовом автографе Емельян Ярославский заменен обобщенно безымянным редактором: в кругу партийно-правительственной элиты его «усища», по выражению другого пасквилянта, не самые «тараканьи...» [6, с. 161–162].

«Не дождавшись ответа Сталина и обратившись с просьбой о содействии в публикации сборника «Годы грома» к первому заместителю Государственного Комитета Обороны В. Молотову, Асеев здесь вновь отстаивает право на свободу творчества...» [5, с. 137]. 2 декабря 1943 г. Асеев пишет письмо В. М. Молотову [5, с. 152–153; 4, с. 87–88], члену ЦК, тогдашнему министру иностранных дел, человеку, входящему в ближайшее политическое окружение Сталина. Это просьба о помощи. Поэту нужно только одного: иметь возможность печататься, ведь «неопубликованные стихи, как не скошенное поле, не дают место новым». Письмо отличается особым лиризмом, поэтичностью языка; тон послания очень спокойный, сдержанный.

«Данный документ (письмо Молотову — Е. С.) развенчивает высказывавшиеся мнения о якобы имевшем место творческом упадке, застое поэта. Асеев сообщает, что «стол мой завален стихами». Но со времени обращения его к Сталину отношение к нему «властей держащих» меняется. Ему приходится «складывать свои стихи в стол». Такая же участь постигает и сборник «Годы грома». Молотов направил письмо Асеева (без резолюций или комментариев) А. Щербакову и Г. Александрову, то есть тем лицам, которые запретили издание книги, уже набранной и сверстанной. Если тогда Асеев не мог понять

причин отказа в ее издании, то из письма Г. Александрова к А. Жданову ясно, что речь шла о «политически ошибочных» стихотворениях, которые «клеветнически изображают наш советский тыл», а потому «вредных» [5, с. 137].

К ноябрю 1943 г. относится докладная записка Г. Ф. Александрова о книге стихотворений Асеева «Годы грома» (согласно одной публикации она датирована 26 ноября и адресована А. С. Щербакову [2, с. 503–507], согласно другой она датирована 30 ноября и адресована А. А. Жданову [5, с. 153–157]). Рассуждая о нечистоплотных приёмах, к которым прибегали партноменклатурщики, исследователь отмечает: «Того же поля ягоды и та же красная цена им — разнос Г. Александровым и последующий запрет на издание сборника Николая Асеева «Годы грома», объединившего стихи 1941–1943 годов. В них, уверяет тогдашний начальник управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), освящая своей должностью откровенную ложь, «жизнь в нашем советском тылу представлена... как «утробное существование», азиатская дикость и бескультурье». Особое его раздражение, как понял читатель, вызвало стихотворение «Москва — Кама», названное одним из «политически ошибочных». И все потому, что «клеветническим» показалось описание парохода, плывущего по Каме «во время эвакуации осенью 1941 г.»» [6, с. 171–172].

«Отстаивая свое достоинство поэта в письмах Поспелову, Ярославскому, Молотову, в стихотворном послании Сталину, он объективно защищал литературу и искусство от политического и идеологического диктата, на котором строилось партийное руководство художественным творчеством» [6, с. 186].

Уже в эпоху оттепели поэт выпускает новые сборники, в которых сказывается обостренное чувство истории, в последние годы занимается переводами.

Литература:

1. Бухарин Н. И. Избранные труды. Л., 1988.
2. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 2002.
3. Карпов А. С. Асеев Николай Николаевич // Русские писатели 20 века. Биографический словарь. М., 2000. С. 45–46.
4. «Литературный фронт»: История политической цензуры. 1932–1946 гг. Сб. документов. М., 1994.
5. Неизвестный Асеев // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 133–157.
6. Оскоцкий В. Как управляли литературой // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 158–187.
7. Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Интертекстуальные особенности русской лирики (на материале поэзии Ф. Тютчева и А. Пушкина)

Бурцева Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент;

Устюгова Полина Олеговна, студент;

Мельникова Ксения Сергеевна, студент;

Кочергина Нина Геннадьевна, студент

Бирский филиал Башкирского государственного университета

В статье анализируется интертекстуальность как литературоведческая категория и пути интертекстуального анализа с точки зрения его применения при анализе лирики русских поэтов XIX века.

Ключевые слова: интертекст, лирический герой, прецедентный текст, лирика, функции интертекстуальности

Интертекстуальность как литературоведческая категория была введена в активный научный оборот в 60-е годы XX века теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой. Этим термином она обозначила общие свойства текстов, которые могли бы быть разных жанров и даже эпох, но при этом явно или неявно ссылающихся друг на друга. Эти общие свойства, по мнению исследовательницы, могли выражаться в неких связях\параллелях, разных текстов или их частей. Свою концепцию интертекстуальности Ю. Кристева сформулировала на основе переосмысления работы М. Бахтина 1924 г. «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», в которой автор отметил, что помимо современной художнику действительностью, он, создавая свои художественные тексты, имеет дело и с предшествующей ему литературой, с которой автор находится в некоем постоянном диалоге (2).

Профессор МГУ, философ М. Мамардашвили об интертекстуальности текстов писал: «Великие произведения как раз и отличаются тем, что в них есть голос, есть латентный текст в отличие от явного содержания» [5, с. 161], а лингвист А. Жолковский справедливо отмечал: «В начале всякого слова всегда было какое-то чужое слово, литература занята собой и собственной генеалогией больше, чем всем остальным, и поэтому пронизана интертекстуальностью» [3, с. 18].

Общепринятые канонические формулировки понятиям «интертекстуальность» и «интертекст» дал Р. Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур,

фрагменты социальных идиом и т. д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [1, с. 417].

В литературоведческой науке выделяют три основные формы интертекстов: цитация (дословное воспроизведение фрагмента какого-либо текста, сопровождаемое ссылкой на источник), косвенный пересказ (когда берутся выдержки и главные мотивы\значения в виде цитирования без ссылки на источник или перефраз) и фоновая ссылка на идею или теорию, опубликованную ранее. Выделяют и несколько функций интертекстуальности: аутентичная функция (позволяющая определить точный источник высказывания), текстообразующая (позволяющая создать содержательную основу нового материала), информационная (выделяет и передает какие-то смыслы) (6, с. 204–205).

По сути, каждый текст является интертекстом, так как не существует сведений, которые бы раньше никогда не упоминались или не существовали хотя бы отсылки к ним. Новый текст, как и текст вообще, можно сравнить с тканью, которая соткана из цитат и утверждений, использовавшихся в художественном творчестве разных писателей ранее.

При использовании интертекстуального подхода при изучении текста, можно предложить следующий алгоритм анализа:

— Определение литературной эпохи, года написания анализируемого текста.

— Выявление: а) инотекстовых вкраплений в анализируемом тексте; б) **прецедентного** текста, которому эти вкрапления принадлежат (прецедентный текст (лат. *textus praecedens* «предшествующий текст») представляет собой текст, послуживший ассоциативной базой для интертекста. Существует два ассоциативных типа прецедентных текстов: а) текст-источник, служащий донором для таких извлечений из него, как цитаты, крылатые слова и аллюзии; б) производящий текст, служащий основой для производства нового текста) (4, с. 297–302).

— Определение эпохи, года написания прецедентного текста.

— Определение формы и функции интертекстовых вкраплений.

— Выводы по сделанным интертекстуальным параллелям, дающие возможность более глубоко проанализировать «новый» текст.

Анализируя интертекстуальные связи русский классиков, очень часто исследователи приходят к выводу о том, что первоисточником, из которого русские поэты «послепушкинского периода» черпали образы, мотивы, лирические сюжеты было творчество нашего русского гения — Александра Сергеевича Пушкина. Но всегда ли это было так? Не случалось ли наоборот — вдохновляло ли А. Пушкина творчество других поэтов? Как оказалось — да. И подтверждению этому служит анализ интертекстуальных связей стихотворений Ф. Тютчева «Осенний вечер» и А. Пушкина «Осень».

Ф. Тютчев написал свое стихотворение в 1830 году в Мюнхене. Вспомним его текст:

Осенний вечер

Есть в **светлости** осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землей,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем

Та кроткая улыбка увяданья,

Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья. (10, с.39)

Если коротко и бегло попытаться передать идейный смысл этого стихотворения, то можно выразиться следующим образом: *в зловещей, туманной осени на грустно-сиротливой земле, когда во всем чувствуется ущерб, изнеможенье и увядание — ощущается и что-то светлое и даже божественное.* Не потому ли поэт выразил эту идею о «светлости» страдания, что ему были хорошо известны строки из Евангелия от Матфея: «...народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» (Матф.4:14–16). Ф. Тютчев как поэт-романтик чувствует в природе вечное, Божественное начало, как христианин

он понимает, что только Бог является источником духовного возрождения. Образ осеннего вечера, в котором поэт видит некую «светлость», можно рассматривать по-разному. Светлость — это природный, естественный свет осеннего солнца. Его вечерний свет изменяет лик земли: краски становятся насыщеннее, чище и ярче («зловещий блеск», «пестрота деревьев», «багряные листья»). Но светлость, свет для поэта является и источником духовного очищения. Эта светлость «умиленная», «таинственная», «кроткая», именно с ней поэт сравнил и в ней увидел «Божественное страдание» — прообраз человеческой нравственности.

По форме это фоновая ссыла на идею, которая была выражена задолго до Ф. Тютчева. Мы можем воспринимать эту отсылку к Библии как аллюзию, помогающую воспринимать образ света, как символический образ, который делает это стихотворение не просто пейзажным, но и наполняет глубоким философским смыслом.

Интересен и биографический контекст этого стихотворения: во время его написания Ф. Тютчев находился далеко от России, в Мюнхене и, безусловно, остро ощущал тоску по Родине, которую нежно любил. Библейская цитата может быть прецедентным текстом для этого стихотворения еще и потому, что полный библейский текст указывает на ситуацию отчуждения от родной земли. Поэт мог обратиться к этой цитате еще и потому, что она была ему понятна в момент разлуки с Родиной как никому другому.

Н. Некрасов, читая это стихотворение, восклицал: «Превосходная картина! Каждый стих хватается за сердце, как хватают за сердце в иную минуту беспорядочные, внезапно набегающие порывы осеннего ветра; их и слушать больно и перестать слушать жаль. Впечатление, которое испытываешь при чтении этих стихов, можно только сравнить с чувством, какое **овладевает человеком у постели молодой умирающей женщины, в которую он был влюблен**» (7, с. 192). И хотя дальше Н. Некрасов сравнил это стихотворение Ф. Тютчева с лермонтовскими стихами, все же последняя мысль, выраженная Н. Некрасовым, не может не навести мысль на другой знаменитый текст. И он, конечно же, пушкинский. Это стихотворение «Осень»:

...

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.
Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,

И отдаленные седой зимы угрозы (8, с.246).

Пушкинский образ осени — это образ умирающей чахоточной девы, прекрасной в своей прощальной, увядающей красе. Не так явно как А. Пушкин, но и Ф. Тютчев использует образ человека в строчке «*Та кроткая улыбка увяданья*», который, может быть, стал первоосновой для более полного и емкого пушкинского образа умирающей девушки-природы («*На смерть осуждена, \ Бедняжка клонится без ропота, без гнева. \ Улыбка на устах увянувших видна; \ Могильной пропасти она не слышит зева; \ Играет на лице еще багровый цвет. \ Она жива еще сегодня, завтра нет*»).

Если вспомнить о том, что Ф. Тютчев написал свое стихотворение в 1830 году, а А. Пушкин — в 1833, то мы вполне можем предположить, что текст стихотворения Ф. Тютчева мог стать для пушкинского текста прецедентным текстом, а само пушкинское стихотворение — интертекстом, так как имеет явную отсылку к другому, ранее написанному тексту. Более детальный текстовый анализ способен укрепить эту мысль, так как явные параллели

прослеживаются и в использовании лексики, создающий очень похожий образ осени — в ее последнем пышном наряде перед приходом зимы. Звуки, шумы окружающего мира, само дыхание предстоящего изменения природы очень явственно передается поэтами.

Таким образом, прослеживается очень интересная интертекстуальная связь трех текстов — библейского — как прецедентного текста для стихотворения Ф. Тютчева, и тютчевского текста — прецедентного для стихотворения А. Пушкина. Интересно это еще и потому, что становится очевидным, что А. Пушкин как непревзойденный мастер поэтического слова, внимательно прислушивался к поэтическим находкам не только своих предшественников, но и современников, в горниле своего творчества переплавляя то лучшее, что имела литература того времени. Еще будучи лиценстом, юный А. Пушкин записал в своем дневнике: «*Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец*» (9, с. 301). А. Пушкин стал великим поэтом, в том числе и потому, что учился своему «ремеслу» всегда, в том числе и у своих современников.

Литература:

1. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989.
2. Бахтин М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. М., 1924.
3. Жолковский А. К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. М., 1992.
4. Костомаров В. Г. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова Язык как творчество. М., 1996.
5. Мамардашвили М. К. Литературная критика как акт чтения // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990.
6. Москвин В. П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. 3-е изд. М., 2015.
7. Некрасов Н. А. Русские второстепенные поэты // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем В 15 т. М, 1950. Т. IX.
8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1977—1979. — Т. 3.
9. Там же. Т. 7.
10. Тютчев Ф. И. Осенний вечер («*Есть в светлости осенних вечеров*»...) // Ф. И. Тютчев. Лирика: в 2 т. М., 1966. Т. 1.

Контекст стихотворения А. Ахматовой «Лотова жена»

Бурцева Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент;

Хасаншина Алина Ильхамовна, студент;

Валиева Эндже Даниловна, студент

Бирский филиал Башкирского государственного университета

В статье используются новые подходы в контекстном анализе стихотворения А. Ахматовой, делается попытка более детально проследить мировоззренческую позицию поэта в один из самых сложных периодов ее жизни, что позволяет более широко трактовать поэтическое творчество А. Ахматовой в целом.

Ключевые слова: лирика, контекст, историческая эпоха, биографический автор, лирический герой

При анализе поэтического текста применяются самые разнообразные подходы к анализу. Существует более десятка различных методик, связанных

с литературоведческими школами, но, всех их можно, по большому счету, поделить на две группы: анализ, основанный на изучении текста как текста, без привлечения

контекста и анализ, основанный на изучении с привлечением контекста. При этом под контекстом понимают все то, что выходит за границы текста: историю его создания, литературную эпоху, литературную критику на этот текст, отзывы читателей, биографию автора, его мировоззрение, психологическое состояние в момент написания этого текста, интертекстуальные связи этого текста с другими текстами. Конечно, есть тексты, которые самостоятельны их изучение не предусматривает привлечение контекста. Но есть тексты, которые изучать без привлечения контекста невозможно, так как это обедняет восприятие текста и не дает полного понимания его идейного содержания. Примерный алгоритм контекстного анализа может включать в себя следующие элементы:

1. Первоначальная реакция на этот текст.
2. Предварительные сведения о тексте: время создания; чем вызвано его появление на свет; кому или какому событию посвящено; с какими событиями в жизни поэта связано.
3. Смысл заглавия (очень часто смысл заглавия помогает понять суть текста, заглавие может быть соотносено с содержанием текста или противопоставлено ему, особенно в текстах иронического, сатирического плана, заглавие может быть «прозрачным» или завуалированным).
4. Тема и основная идея текста.

Свое стихотворение «Лотова жена» А. Ахматова опубликовала в журнале «Русский современник» (№ 1). По сути, это была последняя возможность публикации текста на библейскую тему, так как скоро началась борьба с религией, затянувшаяся на многие десятилетия и вытравившая из народа исконное понимание священных текстов. Для А. Ахматовой же обращение именно к этому библейскому сюжету было не литературным, а мировоззренческим актом, потому что развернувшаяся перед ее глазами катастрофа привела к тому, что потоком хлынули из России, спасая, кто себя, кто свои ценности, а кто и идеалы тысячные толпы ее вчерашних соотечественников. И еще в 1917 году на призыв присоединиться к ним, А. Ахматова ответила строчками:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,
Когда приневская столица,
Забыв величие своё,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берёт ее, —
Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно

Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.
Осень 1917, Петербург (1).

Конечно, в этом стихотворении лирическая героиня — сама А. Ахматова, через поэзию громко заявившая о том, что не собирается покидать Родину, предпочитая разделить ее участь. А ведь А. Ахматовой было тогда всего 28 лет, она не могла не понимать, что все происходящее вокруг — это не временное явление и «излечиваться» от хаоса революции России придется десятилетиями. Ее выбор был абсолютно сознательный и об этом А. Ахматова заявит еще раз в своем, в каком-то отношении, программном стихотворении на ту же патриотическую тему:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.
Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.
А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.
И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.
Июль 1922, Петербург

Но столь смелый, рискованный, а может быть и самоубийственный поступок, конечно, нуждался и в объяснении, и в осмыслении. И А. Ахматова, как большой поэт, опять делает это через поэзию. Она обратилась к библейскому мифу, широко известному каждому. Но ее обращение позволило увидеть в истории спасенного Лота другую сторону, малозаметную и, кажется, малозначущую. Ведь даже имени той, кто заинтересовала А. Ахматову, не осталось. Это просто безымянная «жена Лота, превратившаяся в соляной столб». Но для А. Ахматовой именно этот малозначительный факт становится наиважнейшим и ключевым в объяснении собственной жизненной позиции. В Книге Бытия XIX рассказывается история Лота, закончившаяся тем, что: «...мужи те [Ангелы], по милости к нему Господней, взяли за руку его и жену его, и двух дочерей его, и вывели его и поставили его вне города. Когда же вывели их вон, то один из них сказал: спасай душу свою; не оглядывайся назад и нигде не останавливайся в окрестности сей; спасайся на гору, чтобы тебе не погибнуть. <...> **Жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столбом**» — последние строки и стали эпиграфом к стихотворению (2).

Лотова жена

*Жена же Лотова оглянулась позади
его и стала соляным столпом.*

Книга Бытия

И праведник шёл за посланником Бога,
Огромный и светлый, по чёрной горе.
Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь ещё посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.
Взглянула — и, скованы смертною болью,
Глаза её больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.
Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце моё никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

Эпиграф стихотворения переключается с заключительной строфой стихотворения, которая звучит как риторический вопрос: «Кто женщину эту оплакивать будет? \ Не меньшей ли мнится она из утрат? \ Лишь сердце моё никогда не забудет \ Отдавшую жизнь за единственный взгляд» — кто будет ее оплакивать? — никто! И тут лирическая героиня А. Ахматовой восклицает: лишь я! А ответом — почему, станет первая часть стихотворения, в котором звучит тема малой Родины, переплетающаяся с психологическим образом «обернувшейся» жены Лота. Зачем она это сделала? Не затем ли, что уйти оттуда, где была счастлива — смерти подобно и даже более того,

смерть предпочтительнее побега с Родины. Очень символичен тот факт, что жена Лота превращается именно в соляной столб, словно ее переполнили невыплаканные от потери родного дома слезы. А образ родных мест создается, казалось бы, штрихами. Но за каждым таким штрихом рисуется яркая и многозначная картина: «Но громко жене говорила тревога: \ Не поздно, ты можешь еще посмотреть \ На красные башни родного Содома, \ На площадь, где пела, на двор, где пряла, \ На окна пустые высокого дома, \ Где милому мужу детей родила». «Красные башни», «площадь» — и библейский образ, благодаря этим деталям, превращается в реальный образ знакомой Москвы, которую уже покинули и которую продолжают покидать те, кто не может жить при новой власти. Для лирической героини А. Ахматовой, как и для нее самой, это совершенно невозможно. И «Лотова жена», может быть, это поэтический упрек эмигрантам, покинувшим родной край в годы тяжелых испытаний.

Контекстный анализ стихотворения «Лотова жена» позволяет нам расширить понимание поэтического творчества А. Ахматовой, выходя за рамки восприятия ее как автора только любовной лирики. Этот анализ помогает анализировать творчество А. Ахматовой в целом как творчество поэта гражданского пафоса. Опираясь на библейский миф и библейский образ А. Ахматова создает свой индивидуальный, глубоко психологичный образ лирической героини, который рассматривается в контексте конкретной исторической эпохи и дает нам понимание того, что сама А. Ахматова, глубоко сочувствующая горю и страданиям библейской героини, увековечивая ее образ, тем самым сама остается на позиции человека, не изменяющему своей Родине.

Литература:

1. Все тексты А. Ахматовой по: Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. е. Евтушенко. Минск, Москва: Полифакт, 1995.
2. Книга Бытия 19:17; 19:26.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Символика окуня-тай в японских народных приметах и пословицах

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В японском языке словом *тай* издавна было принято обозначать рыб окуневых пород, которых в Японии и сегодня насчитывается более 20 видов. Не будет преувеличением сказать, что *тай* всегда была одной из самых значимых рыб в японской культуре на протяжении всей ее истории и известна еще с мифологических времен. Впервые окунь-*тай* встречается в мифологическом своде «Кодзики» («Записи о делах древности», 712 г.) в известном эпизоде о «перемене занятий». В нем два брата — охотник и рыбак решили освоить ремесло друг друга. В результате брат-охотник потерял чудесный крючок брата-рыбака, что привело его в поисках крючка в Подводный дворец. Затем последовали женитьба на морской царевне и рождение сына, появление которого сыграло, согласно японской историографии, чрезвычайно важную роль для истории всего императорского рода Японии, поскольку этот чудесный ребенок был одним из предков японских императоров.

Как известно, приведенный здесь в столь кратком изложении эпизод на самом деле изобилует массой важных и интересных подробностей (см., например, [2, с. 165–177]), но в свете нашей проблематики важен факт потери крючка, который утащила на морское дно именно рыба-*тай*. По сути это было первое упоминание окуня-*тай* в письменных японских источниках. В переводе Е. М. Пинус это упоминание выглядело следующим образом: «И вот, морской бог всех морских рыб — с плавниками широкими, с плавниками узкими — созвал-собрал и спросил: «Нет ли рыбы, что взяла этот крючок? — так спросил. И вот все рыбы сказали: «Недавно рыба Тай жаловалась, что [у нее] в горле колючка застряла, и [она] не может есть. Потому, непременно, это [рыба] взяла, — так сказали. Тут поискали в горле у Тай, [а там] крючок оказался» [2, с. 171].

Интерпретировать этот эпизод, безусловно, необходимо как сюжетобразующий, ибо он явился причиной целой цепи знаковых событий. При этом обратим внимание и на то, что этот эпизод оказался и судьбоносным, во всяком случае, для брата-охотника. Вероятно, с тех пор так и повелось: рыба-*тай* и магическое понятие «поворота судьбы» в японской народной традиции стали неразделимы. Эта взаимосвязь сохраняется до сих пор, и окунь-*тай* является той «счастливой» рыбой, которая, как считают японцы, обязательно повернет судьбу к лучшему.

Однако надо сразу отметить, что рыба-*тай* благодаря этому своему чудесному дару всегда была промысловой

рыбой, которую с древности употребляли в пищу. При этом как бы одновременно существовало два восприятия рыбы-*тай*. С одной стороны, это была высококачественная рыба, идеально подходящая для приготовления блюда из сырой рыбы — *сасими*, а с другой стороны, *тай* отводилась важная обрядовая роль, и даже существовал целый ряд жизненно важных поверий, связанных с этой рыбой.

В японском фольклоре сохранилось довольно много подтверждений того, что *тай* почиталась как «благородная» рыба. Прекрасными иллюстрациями этой мысли могут служить народные японские пословицы, во всех без исключения которых рыба-*тай* понимается как синоним самого лучшего и достойного. Например, когда хотят насмешливо заметить, что к чему-то никчемному вдруг добавилось что-то стоящее (по принципу «дураку выпало счастье»), говорят: «*Иваси амии-дэ тай га какару*» — «В сети с селедкой-*иваси* попала рыба-*тай*». Попутно заметим, что рыба *иваси* очень часто в японских паремиях выступает в паре с рыбой-*тай*, как многозначный антоним: маленький-большой, бедный-богатый. Есть и другая пословица: «*Эби-дэ тай-о цуру*» — букв. «На креветку поймали рыбу-тай». Креветка-*эби*, как правило, бывает очень небольшого размера, и часто действительно применяется, как наживка при ловле *тай*. Здесь же *эби* понимается как «незначительная цена», и пословица приобретает такой смысл: «За бесценку приобрели сокровище».

Полна сарказма следующая пословица. Ее употребляют, когда хотят сказать, что кто-то не очень достойный приобретает что-то, с точки зрения окружающих, не соответствующее его уму, способностям и прочему: «*Ари га тай нара имомуси я кудзира*». Смысл ее в следующем: «Ну, уж если муравей стал рыбой-*тай*, то почему же зеленой гусенице не стать китом?!» [6, с. 76, 109, 37].

Приведенная выше пословица интересна глубиной заложенного в нее смысла, а также содержит еще и оригинальную игру слов, дающую ключ к пониманию образа рыбы-*тай* в японской народной традиции. Слова «муравей» и «рыба-*тай*», соединенные показателем именительного падежа «га», все вместе дают чтение «аригатай», что является совершенно самостоятельным словом японского языка со значением «благодатный, желанный». Добавим также, что, по мнению некоторых

японских ученых, фонетическая близость названия рыбы-*тай* и ряда «благопожелательных» слов японского языка сыграла не последнюю роль в превращении рыбы-*тай* в устойчивый символ счастья и процветания. Например, речь идет также о слове «мэдэтай» со значением «радостный, счастливый» [1, с. 154].

А в том, что *тай* — это всегда, при любых обстоятельствах, рыба «счастливая», убеждает еще одна пословица, для понимания которой следует обратиться к древним японским обычаям. Пословица эта довольно популярна и звучит так: «*Кусаттэ мо тай*» — «Хоть и протухла, но *тай*». На бытовом уровне ее употребляют при подчеркивании вечной ценности чего-либо или всепрощении кого-либо, по принципу: «Плохо поступил, но ведь талант!». Однако история возникновения этой пословицы связаны с распространенным и существующим во многих районах страны до сих пор особым обычаем употребления рыбы-*тай*.

Дело в том, что благодаря своей красной окраске (хотя среди этих рыб есть немало видов с темной, серо-черной окраской), рыба-*тай* особенно под Новый год приобретала ярко выраженный благопожелательный смысл. Красный цвет всегда считался в Японии счастливым, предохраняющим от болезней. Таким образом, рыба-*тай* издавна входила в состав праздничных блюд и подношений божествам. Вместе с тем существовали строгие правила, определяющие время, когда можно было есть новогоднюю рыбу-*тай*. Так, в ряде мест рыбу-*тай* можно было есть только на праздник бога рыболовства Эбису, а именно 10 числа 1-го месяца [4, т. 2, с. 2].

Известны случаи, когда двух сцепленных вместе соленых рыб-*тай* подносили богам, подвешивая их над очагом или раскладывая на домашнем алтаре. Рыбы должны были находиться на указанных местах строго до 1 июня, после чего обязательно съедались. Только четкое выполнение этого правила гарантировало выздоровление больных и защиту здоровых от всякого рода недугов [3, т. 14, с. 302].

Но, пожалуй, самой удивительной была традиция не есть сырую новогоднюю рыбу-*тай* до 20 января [6, с. 203]. Конечно, рыба к этому моменту уже начинала портиться, и появлялся неприятный запах, но она еще была пригодна к употреблению, правда, уже в жареном виде. Именно из этого обычая и родилась, по мнению Токита Масамидзу, пословица «Хоть и протухла, но *тай*» [6, с. 203].

Кроме пословиц, ярко отразивших отношение японцев к рыбе-*тай* и возникших как прямое отражение обычаев и обрядов, связанных с этой рыбой, широкое распространение получили также многочисленные народные приметы, к которым японцы издавна относились весьма серьезно. Так, например, в преф. Тотиги считалось счастьем увидеть рыбу-*тай* во сне, так как это означало долгую жизнь. Для благополучия роженицы и новорожденного, по поверьям, бытовавшим в преф. Окаяма, нужно было три дня после родов есть только рыбу-*тай*. Интересно, что в ряде мест в той же префектуре, наоборот,

существовал запрет на употребление именно рыбы-*тай* именно в первые три дня после родов. Известны случаи запрета на употребление рыбы-*тай* и в период работ по посадке риса (преф. Акита).

Происхождение такого рода примет и запретов не всегда удается объяснить, однако, совершенно очевидно, что целью их часто была забота о здоровье и долголетию. Известно, например, что в преф. Хёго именно с целью «призывания» здоровья ежегодно в августе, когда проходил праздник, во время которого дети, нарисовав рыбу-*тай* и цветы глицинии, обходили дома, где в этот момент были больные и немощные, и таким образом отгоняли болезни [5, с. 335].

Интересно, что представления об окуне, как о благопожелательной рыбе, были связаны, прежде всего, с синтоизмом. Недаром в главном синтоистском храме Японии — храме богини Солнца Аматэрасу — Исэ дзингу в священной трапезе сушеная рыба-*тай* стоит на втором месте, уступая первенство только моллюску-*аваби*. При этом рецепт приготовления сушеной рыбы-*тай*, известный еще с эпохи Хэйан (IX—XII вв.), сохраняется до сих пор. Также как неизменно и место ее приготовления — остров Синодзима в заливе Исэ. Там рыба сушится на специальных приспособлениях прямо на морском берегу, естественным путем впитывая морской воздух и нежась на ярком солнце. Приготовленная таким образом рыба известна как *омбэтай* [3, т. 14, с. 302].

Велико значение рыбы-*тай* и в синтоистской празднично-обрядовой культуре японцев. Среди современных японских праздников годового цикла найдется немало таких, которые прославляют эту рыбу, призывая людей рассчитывать на ее благосклонность.

Самый известный из них — *Тай-мацури*, название которого буквально как раз и означает «Праздник рыбы-*тай*». Этот праздник проводится ежегодно в середине июля в преф. Аити. Его кульминацией является появление на улицах города огромной объемной рыбы-*тай*, сделанной из ткани. Длина этой рыбы 20 метров, а высота — 5 метров. Рыба внутри полая, поэтому там без труда помещается небольшой оркестр — флейты и барабаны, а также огромное количество детей. В сопровождении длинной праздничной процессии, рыба-*тай* за счет детских ног проплывает по улицам города, желая жителям здоровья и процветания. Затем она направляется к морю, чтобы на берегу молить богов о будущем богатом улове и безопасном мореходстве [3, т. 14, с. 302].

Очевидно, что у рыбы-*тай* было множество причин стать в японской традиции носителем счастья и иметь «свой собственный цикл» пословиц и примет. Упомянув эту рыбу, а также приобретая изображение рыбы-*тай*, сделанные из папье-маше и керамики, а то и просто нарисованные на открытке, японцы просят высшие силы о здоровье и долголетию, обращаются за помощью в нелегком рыбацком труде и верят, что красная рыбка обязательно будет оберегать тех, чья судьба связана с морем.

Литература:

1. Кандзаки Норитакэ. Кайун. Энги ёмихон (Поворот к лучшему. Книга о благопожелательных символах). — Токио, 2000.
2. Кодзики. Записи о деяниях древности. Свиток 1. Пер. Е. М. Пинус. — СПб., 2000.
3. Нихон дайхякка дзэнсё (Большой японский энциклопедический словарь). Encyclopedia Japonica. — Токио, 1994.
4. Нихон миндзоку дайджитэн (Большой японский этнографический словарь) в 2 т. — Токио, 2000.
5. Судзуки Тодзо. Нихон дзокугэн дзитэн (Словарь японских народных примет). — Токио, 1982.
6. Токита Масамидзу. Иванами котовадза дзитэн (Словарь пословиц и поговорок, выпущенный издательством «Иванами»). — Токио, 2000.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Фольклорно-этнографический компонент в художественной структуре произведений А. Кекильбаева

Джамбаева Жанар Абинсериковна, доктор филологических наук, доцент;

Толемысова Куралай Муратовна, магистр педагогических наук, преподаватель Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Ключевые слова: фольклор, фольклорный образ, А. Кекильбаев, этнографизмы, казахская литература

Абиш Кекильбаев — видный представитель казахской литературы второй половины XX века. Его прозаические произведения четко определили основной круг проблем творческих интересов и замыслов и раскрыли его склонность к неторопливой сказовой манере, к философичности, к психологизму. С детства писатель не только прекрасно знал устное народное творчество, но впитал его в себя. Можно сказать, что его художественные вкусы сформировали легенды, предания, притчи и баллады, поэтому Абиш Кекильбаев нередко обращался к истории и народному творчеству казахского народа.

Здесь уместно вспомнить слова П. С. Выходцева: «подавляющее большинство писателей — это выходцы из народной гущи, для которых народное творчество — родная и близкая стихия. Поэтому они не столько «обращаются» в нужных случаях к фольклорным источникам для решения своих профессиональных задач, сколько несут в себе эти начала, смелее идут на сближение литературных и фольклорных традиций» [1, с. 28].

Начало творческого пути А. Кекильбаева совпало как раз с довольно бурным периодом пристального и обостренного внимания многих казахских литераторов к прошлому своего народа, к своей почти неведомой истории. Писатель пошел совершенно по иному пути. В повестях «Баллада забытых лет», «Хатынгольская баллада», «Колодец», «Состязание», прибегая к искусной аранжировке древних преданий, сказов, притчей, он воссоздает не только нравственный облик яркого и сурового прошлого, но и затрагивает глобальные проблемы современности.

Поднимая общечеловеческие проблемы и широко используя фольклорные мотивы и сюжеты, А. Кекильбаев раскрывает глубину духовного мира героев. События, сюжеты многих его произведений известны в народном представлении из фольклора, но стиливые и содержательные акценты, интонации уже резко окрашены индивидуальным видением мира писателя.

Раскрывая фольклоризм А. Кекильбаева, известный писатель Г. Бельгер отметил, что «достоинство и сила художественной палитры А. Кекильбаева в том, что он

по-современному историко-философски переосмысливает «сказанья старины глубокой» извлекает из древних легенд общечеловеческие гуманистические корни-формулы, по-новому, очень актуально высвечивая «осколок древней правды» [2, с. 83].

В современной казахской литературе особое место отводится национально-фольклорным образам. В повестях «Баллада забытых лет» и «Хатынгольская баллада» А. Кекильбаева выделяются образы степи, кюйши, коня, мудрого старика, мудрой девушки, дьявола, которые определяют специфику национального колорита его произведений. Так, образ коня в литературе, сохранив фольклорно-эпические черты, получает различные интерпретации: 1) конь как неизменный спутник и друг; 2) конь как спаситель; 3) конь как символ жизни.

Культ коня и его идеализация, характерный для казахского народа, во всех своих ипостасях отражен в повести «Хатынгольская баллада», где он воспринимается не только как спутник, но друг своего хозяина, верный союзник и помощник. Можно сказать, что между хозяином и конем существует тесная связь и взаимопонимание: «Сивый аргамак, выпучив глаза, кружился поодаль, боясь приблизиться к связанному, распластанному на землю хозяину, на котором восседал свирепый Дюймкара» [3, с. 540]. Такое взаимопонимание, осознаваемое, скорее всего на подсознательном уровне, помогает героям преодолеть тот страх, который поглощает их с неимоверной силой, страх перед смертью. И конь и хозяин (Кокборе) надеются не только на себя, но и друг на друга.

К фольклору восходят и женские образы повести. Так, образ тангутской ханши Гурбельжин, предстает в разных ролях: мудрой девушки, мстительницы, красавицы. Она выступает и как мудрая дева, и как невинная жертва Чингисхана. Рассмотрим образ Гурбельжин как мудрой девы и девы-воительницы. Отметим, что автор не ставит перед своей героиней трудных задач, как в женских сказках. Не обнаруживаются и сюжеты, связанные с глупым ханским сыном или со спасением хана из неволи. В чем заключается ее мудрость?

На наш взгляд, мудрость героини не только в том, что она обладает знаниями (знание традиций, законов и тайн природы), которые ставят ее выше других людей, а в том, что в образе девушки воплотилась гармоничная природа, универсальная духовная культура народа, что позволяет говорить о метонимичности образа. Возможно поэтому ее образ, как никакой другой, оказывается наиболее полным по насыщенности фольклорным. Вспомним, сказки и легенды казахского и русского народов, в которых изображена мудрость женщины: «Василиса Премудрая», «Жиренше шешен мен Қарашаш сұлу».

Мудрость раскрывает в характере ханши уверенность в себе, терпение, и спокойствие в любых ситуациях. Эти качества можно увидеть тогда, когда Чингисхан после гибели города тангутов, сказал последнему тангуту, хану Шидургу: *«Теперь, кроме тебя, на всей земле не осталось ни одного мужчины-тангута! Все брюхатые бабы заколоты, ни один тангут не родится больше на свет! Скажи, кто будет мстить за тебя?»* [3, с. 648]. Наблюдая за этой сценой, ханша Гурбельжин еле сдерживала себя. И благодаря своей мудрости, сумела отомстить хану, коварным образом войдя в доверие: *«Чингисхан только было приник к ложбинке меж ее тугих, будто гранат грудей, как вдруг охнул, задрожал и обмяк. Его скрученное от боли тело мешком свалилось рядом с ханшей. Гурбельжин схватила что-то случайно оставшееся от ее одежд и бросилась из шатра. Великий повелитель сел на корточки, с ужасом взирая на кровь, оросившую его дряблые ляжки»* [Там же, с. 651].

Автор подробно не описывает тот момент, когда Гурбельжин убивает хана. Так, писатель оставляет нас в неведении, но согласно легенде Гурбельжин зубами причинила смертельную рану Чингисхану. Почему же автор приводит свою героиню к фатальному исходу — к ее гибели? Здесь важным становится раскрытие образа как метонимического. В ее образе, вобравшем в себя вечное, а потому и мудрое, представлена сама земля (государство) тангутов.

Люди нашли останки тангутской красавицы и бережно захоронили их на вершине холма. Оседают горы, но холм этот становится все выше, потому что в памяти поколений образ Гурбельжин остался как символ свободолюбия, и каждый кому довелось увидеть ее курган, добавляет к нему горсть земли. Смерть Гурбельжин — это гибель тангутской империи. На наш взгляд, ей не остается ничего, кроме самоубийства: она потеряла своего мужа, свой народ, свою Родину. Ханша отомстила Чингисхану за смерть своего мужа, за гибель земли. Смерть ханши утверждает непокоренный дух воли и человеческого достоинства, перед которым бессилён и обречен сам Чингисхан, покоривший полмира.

Отметим, что при описании портрета героини автор прибегает к традиционной сказочной формуле красоты *«ай десе — аузы, күн десе- көзі бар бір сұлу»* (сказал бы «луна» — да у нее рот есть, сказал бы «солнце»

да у нее глаза есть). Интерпретация в переводе: *«с яркими, как звезды, глазами»* [3, с. 604]

К фольклорным средствам можно отнести и прием психологического параллелизма, сопоставляющего состояние девушки с животным миром — *«қақпанға түскен еліктей өз-өзінен үркіп тұрған аруға»* («она дрожала как косуля в какпане») [3, с. 603]. Указанные средства не только рисуют внешний вид ханши, но и характеризуют ее духовный мир. Отметим также, что автор часто прибегает к белому цвету, как символу чистоты и доброты.

В повести «Баллада забытых лет» можно указать на генетическую связь образа главного героя *күйіші* с образом мифического и легендарного Коркута, который с помощью своего магического инструмента *кобыз* тщетно пытался победить время и достичь бессмертия. Күйіші искусной игрой на домбре повествует о трагической гибели сына Жонеута, о жестокости и бессмысленности межнациональных распрей, сеющих вокруг смерть.

А. Кекильбаев не только переосмысливает притчу-күй (фабульный музыкальный жанр казахского фольклора), но и сама повесть деавтоматизирует фабулу. Писатель создает свою интерпретацию жанра *күй-аныз* (күй-легенда), создав образ жестокого воина и простого человека. В пределах фольклора жанр повторяется, сохраняя все свои «правила»: «күйіші-музыкант — талантливая жертва, Жонеут — жестокий тиран». Таково черно-белое (положительно-отрицательное с самого начала) изображение фольклорного жанра» [4, с. 343].

В данной повести автор показывает нам, что музыка (күй) неподвластна смерти своего творца. Герой в повести умирает, как и Коркут. Это не просто музыкант, но и человек, сумевший передать чувства и переживания народа на подсознательном уровне. К таким людям издревле относились с почтением, считая их представителями духов. Мелодия домбры, проникая в глубину души, призывая к миру, дружбе и согласию победила Жонеута, но не спасла от смерти күйіші. Күй — это выражение духа казахского народа, звучащая нить, связывающая прошлое и настоящее.

Кроме вышеизложенных фольклорных образов, автор органично вводит и другие. К примеру, в художественной ткани повести «Баллада забытых лет» можно встретить и метафорическую интерпретацию демонологических персонажей фольклора — *шайтанов и джинов*. Они выступают не как самостоятельные образы, а как средство художественной выразительности и экспрессивности: *«Что тогда началось! Длинные пики, которые только что прокалывали тела, начали тыкаться в окна домов, эти слепые глаза шайтана. Тяжесть дубин крошила двери, кривые сабли повисли над затылками стариков, женщин и детей»* [3, с. 601].

Или же: *«И как бы ни было много их, монгольских, облаченных в овечьи шкуры воинов, как бы ни копошились они вокруг, они были бессильны против хитростей этой дьявольской крепости, наскакивали и тут же откатывались назад»* [Там же, с. 619].

Мистический образ *джинна* служит выражением народных суеверий и представлений о людях талантливых и незаурядных. Так, согласно поверьям джинны вселяются чаще всего в шаманов, представителей искусства и акынов-импровизаторов: «*Душа Даулета — обиталище джиннов. Они заставили его забыть честь и кровные обиды...*» [3, с. 544]. Или же: «*И тогда ему вспомнился бедняга Кок-боре. Не такой уж он был наивный, когда не уставал твердить, что кюйши и бахши — порождение нечистой силы. Не помогай им дьявол, могли бы они околдовать толпу?*» [Там же, с. 569].

Таким образом, писатель в повестях «Баллада забытых лет» и «Хатынгольская баллада» плодотворно использует фольклорные образы. Автор является свидетелем недавнего прошлого и раскрывает современникам собственное видение пережитого и выстраданного, показывая глубину и многогранность происходящего. Фольклор нужен писателю не для буквального воспроизведения, а, как правило, служит истоком для его индивидуальных художественных открытий.

Одной из характерных черт творчества А. Кекильбаева становится, безусловно, не только обращение к этнографическим материалам, но и их глубокое осмысление, передающее колорит эпохи и определенной национальной среды, что делает сюжет не только художественным и достоверным, но и интересным.

В «Балладе забытых лет» и «Хатынгольской балладе» повествуется об отдаленных от читателей тысячами, сотнями лет событиях и людях, находит отражение этническое многообразие, быт, обычаи, обряды, традиции, ритуалы тюркских народов. Этнографизмы сохраняют в себе духовное и материальное наследие народа каждой эпохи. Они описывают общественную жизнь народа, национальную историю или культуру, также являются одним из источников культурно-духовного богатства. Так, поскольку доминирующим в «Балладах» становится мотив смерти, на страницах повести встречается множество упоминаний, связанных с похоронными обрядами — погребения, совершение ритуалов и культов, тризны, чтение заупокойных молитв, жертвоприношения и пр., которые естественно и гармонично вплетаются в повествование. Вводя их в текст, писатель подчеркивает разницу между традициями казахов и туркмен.

Сравним: «*Когда у казахов траур, в ауле неспокойно. Кто-то приезжает, кто-то уезжает. Снова и снова оплакивают покойника. Он день-деньской лежит в правом углу юрты, доступный всем для прощания...*» [3, с. 604]. Отмечается, что обряд похорон у казахов совершается неспешно, не в день смерти, а спустя сутки, а то и два: усопшему «предоставляют» возможность последний раз «переночевать» дома, а родичам и сородичам из дальних мест, успеть попрощаться с покойным и отдать последнюю дань уважения.

А вот сцена, которую наблюдает пленник-казак в туркменском ауле: «*А здесь тихо, мрачно. Здесь спешат*

передать тело земле. Такой, видно обычай: похоронить до захода солнца, на худой конец до полуночи оставлять тело непогребенным — великий грех. Что же, размышляет пленный, у каждого народа свои законы. То-то и спешат туркмены с покойниками на кладбище, спешат с кладбища» [Там же, с. 560].

Как и у других народов Средней Азии, у казахов и туркмен похороны и поминки были общественным событием, и в них принимал самое непосредственное участие род умершего человека. Как только становилось известным о смерти человека, почетные старики аула шли в дом умершего и приступали к организации похорон.

Важная роль при похоронах отводится подготовке к тризне — поминального обеда — «ас», в котором центральное место занимает жертвоприношение. Вот как описан этот обряд у туркмен: «*Пятеро джигитов закатав рукава, свалили белого верблюжонка и, не дав издать стоны, разделались с ним. Все свершалось быстро, с каким-то привычным иступлением. Вырыты ямы, над ними укреплены котлы, налита привезенная в дубовых кадках вода. В ямах разложен огонь. Запах сочной, еще не утратившей влаги травы плывет над утренней степью. Густые кольца бурого дыма тянутся к пробуждающемуся небу*» [3, с. 524]. Эта картина дается глазами пленных казахов, которым «все в диковинку» и которые с мальчишеским любопытством взирают на нее с мыслью «вон оно как туркмены справляют поминки». Они удивлены тому, как все происходит чинно-благородно и невольно сравнивают с тем, как подобное действие совершается в родных аулах, где на поминках есть место всему — и непомерному расточительству, шуткам и смеху, ссорам-перебранкам, песням и кюям.

В народной традиции с похоронными обрядами тесно связаны культ предков и поклонение святым мощам с целью заручиться их поддержкой и очиститься от скверны. В «Балладе забытых лет» Жонкут и Даулет совершают намаз у могилы святого Темир-баба: «*Оба преклонили колени, зашептали молитву. Даулет взял горсть земли и бросил на холмик под которым спал святой*» [3, с. 551].

Бросание горсти земли в могилу — это один из древнейших и сакральных ритуалов. Уходит корнями в те времена, когда стихиям придавалось определенное одушевленное значение. Бросая землю, человек отпускает от себя умершего и одновременно становится причастным к самой земле, как к энергетической силе. Принимающая покойника сама земля издревле считалась чудотворной. У казахов, когда бросают горсть земли, нужно произнести: «*Жатқан жері жайлы болсын*» (в значении — «*пусть земля будет пухом*»). В приведенном отрывке отец и сын посещают могилу накануне предстоящих боевых походов.

На могиле святого не только искали поддержки и помощи, но и давали клятву. Этот обычай также нашел отражение в повести А. Кекильбаева: «*Когда они подошли к концу старейшины обеих сторон поднялись*

на гору, где в пещере под скалой покоился прах святого Карамана. Тут дали они клятву положить конец вражде, жить, как подобает братьям, в мире и согласии» [3, с. 531].

Необходимо отметить, что в оригинале повести старейшины дают клятву держа руку на Коране (*құран ұстасып*), но переводчик опускает эту важную деталь, видимо, из идеологических соображений — в 1960-х годах, в период неистового атеизма, лишнее упоминание Священной книги признавалось нежелательным.

Таким образом, на примере рассмотренных фольклорных образов и этнографизмов можно констатировать, что фольклорно-этнографический компонент представляет неотъемлемую часть эстетического арсенала повестей

А. Кекильбаева. Он оказывает «заметное влияние на семантическую, структурную, поэтическую основы эпики, присутствуя в художественной основе романов и повестей имплицитно, в глубинных слоях текста» [5, с. 21].

Фольклор и этнография вбирают в себя различные сферы духовной и материальной этнической культуры. Они исторически взаимосвязаны и определяются как кладезь мудрости народа, в которой сконцентрирован его многовековой опыт эстетического освоения действительности. Фольклорно-этнографический компонент как яркое жанровое качество баллад А. Кекильбаева придает особую экспрессивность и выразительность повествованию, позволяет отразить самобытность характера и психологии народа.

Литература:

1. Выходцев П. С. На стыке двух художественных культур (проблема фольклоризма в литературе) // Русский фольклор. Вопросы теории фольклора: АНССС. — 1979. — С. 3–30.
2. Бельгер Г. К. Брат среди братьев: Статьи-размышления, литературные портреты. — Алма-Ата: Жазушы, 1981. — 148 с.
3. Кекильбаев А. Конец легенды. Роман и повести. Перевод с казахского. — Астана: Аударма, 2009. — 656 с.
4. Исмакова А. Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль (начало XX века и современность). — Алматы: Ғылым, 1998. — 394 с.
5. Ашуба А. Е. Фольклорные традиции в художественной структуре абхазского исторического романа // Гуманитарная мысль Северного Кавказа в общероссийском научном пространстве. — 2014. — С. 18–21.

Виды сравнений в поэтической речи А. Ахматовой

Меденцева Наталья Петровна, ассистент

Ташкентский университет информационных технологий имени аль-Хорезми (Узбекистан)

Ахматова вошла в поэзию в ту пору, которая известна теперь как серебряный век в истории русского искусства. Лишь недавно ушел из жизни И. Анненский, которого поэтесса называла своим учителем, в расцвете дарования находился Блок, перед которым она благоговела. Завершалась блестящая эпоха символизма, представленная именами К. Бальмонта и В. Иванова, В. Брюсова и А. Белого. Громко — откровенно скандально — заявили о себе футуристы: Ахматовой запомнился «бурный... расцвет Маяковского — она вспоминала впоследствии, как его «... Еще не слышанное имя Молнией влетало в душный зал». Радостной была для нее встреча со стихами Бориса Пастернака, который, по ее словам, «... Мир наполнил новым звоном В пространстве новом отраженных строф...», встреча с поэзией М. Цветаевой.

Символизм, недавно еще безраздельно господствовавший в русской поэзии, переживал кризис — Ахматова, как сказано в автобиографической заметке, «сделалась акмеисткой».

Впервые о появлении в русской поэзии нового течения, названного акмеизмом, было сказано в статьях Н. Гумилева

«Наследие символизма и акмеизм» и С. Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии», появившихся в сентябрьской книжке журнала «Аполлон» за 1912 год. Здесь отвергалась необходимость и даже возможность выхода поэзии к потустороннему миру, к «непознаваемому», «зыбкости слов», что была свойственна стихам символистов, противопоставлялось их «устойчивое содержание», наконец, не принималась обязательная для символизма «иерархия в мире явлений» — все они объявлялись равноценными в поэтической системе. Из запредельных высот, куда был устремлен стих символистов, поэзия должна была выйти к реальной жизни, в конкретный, вещный мир.

Ахматова не случайно оказалась среди тех, кто прикнул к новому поэтическому направлению: в ее стихах встает реальный, выписанный с достоверностью мир, который воссоздается с помощью всех художественно-образительных средств русского языка. Поэзия Ахматовой развивается в русле традиций русской поэтической классики, рамки собственно акмеистического направления были для нее тесны.

Исследования в области стилистики в настоящее время вызывают большой интерес у ученых. Производится стилистический анализ русского языка в синхронии и диахронии, изучение стиля целых литературных направлений и отдельных авторов.

Период серебряного века русской литературы подарил миру большое количество талантливых, незаурядных поэтов, чей стиль может служить эталоном употребления художественно-изобразительных средств. Заметное место среди этих поэтов занимает Анна Ахматова, представительница акмеистического направления.

В наше время не прекращается исследование ее произведений учеными-литературоведами и лингвистами, ведь индивидуальные особенности писателя в употреблении образных средств языка (сравнений) определяются состоянием норм грамматики и стилистики в данную эпоху и зависят от эстетических его воззрений.

Постановка вопроса о лингвистическом подходе к изучению сравнений обусловлена задачей создания общелитературного языка, проблемами истории русского литературного языка и языка художественной литературы, что вызывает необходимость детального освещения образных речевых средств.

Лингвистический подход к анализу сравнения как широко используемого в родном языке речевого средства заключается в описании его лексической, морфологической и синтаксической природы, в описании приемов употребления сравнения в речи в соответствии с его семантикой и в характеристике его значения в языке общенародном и в языке художественной литературы.

Изучение художественно-изобразительных средств в целом и сравнений в частности имеет прямое отношение к исследованию поэтического языка Анны Ахматовой. Здесь важной задачей является установление типического в использовании образных речевых средств. Необходимо уловить то, что определяет индивидуальный стиль поэтессы, ведь интерес к ее произведениям со стороны ученых все возрастает.

Лирические произведения Анны Андреевны Ахматовой отличаются своей оригинальностью, необычностью словоупотребления, которая, однако, не затрудняет понимания. Поэтесса использует все средства языковой образности русского языка. В ее поэзии наблюдаются широкая и глубокая метафоричность, образность единиц разных языковых уровней. При создании образов-символов проявляется яркая индивидуальность поэтессы, неповторимость и свежесть выражения образов отличает ее идиолект. Усиления выразительности речи Ахматова достигает

использованием тропов и фигур. Особое место в этом ряду занимает сравнение.

В ее поэтической речи сравнение выражается различными способами.

В стихотворениях А. А. Ахматовой встречаются три способа лексического выражения сравнения:

- 1) сравнения, непосредственно выраженные словами «сравнить», «сравнение»,
- 2) сравнения, вводимые посредством слов «подобный», «похожий»,
- 3) сравнения, в состав которых входят слова «казалось», «чудилось».

Морфологически сравнение у Ахматовой выражается формами именительного, творительного и родительного падежей.

Синтаксически выраженные сравнения подразделяются на:

- 1) сравнения, вводимые союзом «как» (они являются самыми распространенными),
- 2) сравнения, вводимые посредством союзов «словно», «как бы», «как будто» («ирреальные» сравнения),
- 3) сравнения, вводимые посредством союза «чем» при наличии сравнительной степени.

Сравнения могут выступать во взаимодействии друг с другом, образовывать сложные «узоры», которые подразделяются на:

- 1) «оторванные» сравнения,
- 2) органическое слияние двух словесных рядов при сочетании сравнений с основным символом,
- 3) «обрамляющие» сравнения,
- 4) «цепные» сравнения,
- 5) сравнения, разрастающиеся в крупные фразовые объединения,
- 6) сравнения с «привесками»,
- 7) отрицательная форма сравнения с разрушенным параллелизмом частей.

Особое место в творчестве поэтессы занимают тавтологические сравнения и сравнения-оксюмороны.

В стиле Ахматовой индивидуально-авторские сравнения преобладают над общеязыковыми. Их в восемнадцать раз больше.

Метафора в поэтической речи Анны Ахматовой нередко вступает во взаимодействие со сравнением, один троп служит средством развертывания другого.

В произведениях поэтессы гармонично сочетаются все средства словесной образности. Особое место среди них занимает сравнение. Преобладание в ее идиолекте авторских сравнений формирует своеобразие поэтической речи и в целом идиостиль А. Ахматовой.

Литература:

1. Ахматова А. А. Не тайны и не печали... Ташкент, 1988.
2. Виноградов В. В. Стилистика. Поэтика. М., 1963.
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.

4. Ушакова Е. М. Лингвистический аспект в изучении сравнений // Язык и текст в пространстве культуры. С.-Петербург; Ставрополь: СГУ, 2003.

Сравнительный анализ образов Константина Левина и Алексея Вронского из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»

Никонов Семен Семенович, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (г. Якутск)

Статья посвящена сравнению Константина Левина и Алексея Вронского. Автор выявляет общее начало у обоих героев, которое скрыто за занавесом контраста. Это «общее» еще более раскрывает мысль семейную, которое является центральной идеей романа. Таким образом, мы приходим к выводу, что Толстой изобразил в романе единый закон жизни — веру в Бога.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, роман Анна Каренина, мысль семейная, Левин и Вронский, мировоззрение героев, жизненный путь, сходства и различия, общее начало

Современным читателям сложно полностью понять художественный текст, написанный десятки, а то и сотни лет назад. Для современников Софокла было естественно, что Эдип, в страхе перед оракулом, бежал из отчего дома, а позже был подавлен, узнав, что убил отца и женился на матери: человек XXI века может отнестись к этим фактам иначе. Так же естественно было для современников Шекспира, что тень отца Гамлета выходит из могилы и повелевает мстить за себя: мы можем принять это иначе. Им не надо делать усилие над своим сознанием, чтобы понять произведение. Что делать нам, читателям нынешнего века, когда мы читаем творения ушедших веков? Нам остаётся лишь трактовать по-своему.

Для полного понимания художественного текста, его специфику и идею автора необходимо проводить множество сопоставлений между произведениями как отечественных, так и зарубежных, сравнивать как главных, так и второстепенных героев. Сравнивая характер и поведение героев, мы можем совершенно иначе истолковать текст.

Л.Н. Толстой имел дар создавать и изображать в своих произведениях сложную систему героев, которые иногда даже не вмещаются в единую схему, но четко укладываются в сознании читателя.

Статья будет посвящена сравнению двух центральных персонажей романа «Анна Каренина»: Константина Дмитриевича Левина и Алексея Кирилловича Вронского. Данная тема является актуальной, поскольку между исследователями и читателями до сих пор существует спор о жизнях этих героев и об их роли в осмыслении романа. Жизненное восхождение к вере и к семейным ценностям Левина многими не видится как гармоничный путь и действительный нравственный рост, а Вронский воспринимается как ограниченный, не целостный человек. Мы попытаемся доказать, что эти два героя являются важной частью в осмыслении романа, что их образы способны к нравственному восхождению. Тем более

что и сам автор во многом проводит скрытое сравнение между Левиным и Вронским: чуткий взгляд Анны отмечает сходство героев: «...Несмотря на резкое различие, с точки зрения мужчины, между Вронским и Левиным, она, как женщина, видела в них то самое общее, за что и Кити полюбила и Вронского, и Левина» [1, с. 811]. Что это за «общее» и из-за чего Анна полюбила Алексея Вронского, может быть, именно из-за этого его основополагающего начала?

На первый взгляд Левин и Вронский являются противоположными друг к другу людьми. «Вронский — это один из сыновей графа Кирилла Ивановича Вронского и один из самых лучших образцов золоченой молодежи петербургской... Страшно богат, красив, большие связи, флигель-адъютант и вместе с тем — очень милый, добрый малый» [1, стр. 69] — так, описывается Вронский в начале романа, а Левин как простой помещик, типичный идеалист, который неотделим от природы, от родного дома и презирающий столичную жизнь. Еще одна противоположность видится в целях и желаниях героев: Левин мечтает о семейной жизни с Екатериной Александровной Щербатской, возлагает на него большие надежды, а Вронский «еще меньше мог поверить тому, что он должен жениться» [1, с. 89]. Левин, чувствуя духовную связь с Кити, стремится поскорее сделать ей предложение, а Вронский не знает, что предпринять, когда «почувствовал, что та духовная тайная связь, которая существовала между ним и Кити, утвердилась нынешний вечер так сильно» [1, с. 89].

Можно сопоставить также и окружение двух героев. Левин живет среди мужиков и работает вместе с ними: «Левин посмотрел, как шагала Мишка, ворочая огромные комья земли, налипавшей на каждой ноге, слез с лошади, взял у Василья севалку и пошел рассеивать» [1, с. 200], а Вронского мы видим с его другом Яшвиным — игроком и кутилой. Описание Яшвина следующее: «не только человек без всяких правил, но с безнравственными

правилами» [1, с. 221], напоминает самого Вронского с его жизненными установками. Оба офицера раскрывают картину праздной, столичной жизни, в которой время занято не трудом, а хересом, рейнвейном и водкой. Если для Левина и мужиков стоит вопрос: как сеять, то для Яшвина — что выпить: «Ты лучше скажи, что выпить; такая гадость во рту, что...» [1, с. 223].

Также сравнивая романтические чувства героев, мы видим, что любовь Вронского и Анны превращается в животную страсть и это доказывает то, как Вронский, сидя в карете, потирает икру своей ноги, ощущая телесность — он приземлен. А Левин в свою очередь, ожидая объяснения с Кити, «чувствовал себя совершенно независимым от тела: он двигался без усилия мышц и чувствовал, что все может сделать» [1, с. 346] — это значит, что у героя настолько возвышена любовь, что он не ощущает своего тела и чувствует, что у него выросли крылья.

В романе есть интересная деталь как книга, она дает характеристику герою, например чувства Анны мы узнаем, когда она читает английский роман: «Анна Аркадьевна читала и понимала, но ей неприятно было читать, то есть следить за отражением жизни других людей. Ей слишком самой хотелось жить» [1, с. 136]. Так, Левин на протяжении всего романа сам пишет книгу, а Вронский лишь смотрит на книгу французского романа. Символично, что книга эта лежит на тарелке: писатель подчеркивает, что она не может быть духовной пищей. Более того, Вронский смотрит в книгу, не читая.

Другим отличием героев можно назвать воспитание. Мысль семейная, заложенная в детстве, помогли Левину окончательно не запутаться и не отчаяться в жизни: «Теперь ему ясно было, что он мог жить только благодаря тем верованиям, в которых он был воспитан» [1, с. 753]. Левин видит жизнь умерших родителей, как «идеал всякого совершенства», который «он мечтал возобновить с своею женой, с своею семьей» [1, с. 92]. У Вронского всё иначе: «Вронский никогда не знал семейной жизни. Мать его была в молодости блестящая светская женщина... Отца своего он почти не помнил» [1, с. 164]. Мать для него не является

примером семейного счастья, потому что опыт у графини Вронской богат лишь в плане интриг и увлечений. Вронский относится к своей матери лишь «в высшей степени покорно и почтительно» [1, с. 138], он не чувствует к своим родителям благоговения, нежели Левин, для которого это стало залогом правильной жизни.

Однако на протяжении всего романа Алексей Вронский вырастает до мысли семейной. Он под влиянием любви к Анне меняется и преобразуется. Вспомним слова Вронского из разговора с Долли в Воздвиженском: «Мы соединены святыми для нас узами любви. У нас есть ребенок, у нас могут быть еще дети. <...> И завтра родится сын, мой сын, и он по закону — Каренин, он не наследник ни моего имени, ни моего состояния, и как бы мы счастливы ни были в семье и сколько бы у нас ни было детей, между мною и ими нет связи», — говорит Вронский Долли [1, с. 442]. Также доказательством того, что Вронский встал на путь самосовершенствования, являются его слова о поведении Алексея Каренина: «Разумеется, — сказал он мрачно, — это одна из этих фарисейских жестокостей, на которые способны только эти люди без сердца» [1, с. 567]. Вронский точно замечает, что в Каренине происходят странные перемены, когда тот начинает увлекаться фарисейством, под воздействием графини Лидии Ивановны. Также не случайно, что в одной из частых ссор с Анной, описанных автором в седьмой части романа, Вронский теряет терпение, когда Каренина назовет его «человеком без сердца» [1, с. 831].

Таким образом, за этим контрастом скрывается общая черта. У обоих героев присутствует стремление к нравственному росту и преобразению. Вронский обладает скрытым и неизвестным ему самому запасом жизненных сил, душевной глубиной, которые сближают его с Левиным. Анна полюбила Вронского, почувствовав возможность его нравственного роста, ту которую видела Кити у обоих героев, их общее начало — силу жизни, способность поверить в Бога всем сердцем и всей душой, пройти через трудности, сомнения и выйти к вере как необходимости для дальнейшего существования.

Литература:

1. Толстой Л. Н. Анна Каренина. — М.: Эксмо, 2014. — 961 с.

Мотив раздвоения личности в повести Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»

Никонов Семен Семенович, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (г. Якутск)

Статья посвящена анализу мотива раздвоения личности главного героя повести «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Автор выявляет не совсем традиционное раздвоение личности (шизофрению) у главного героя, которое помогает иначе трактовать повесть Стивенсона. Мы приходим к выводу, что Стивенсон уделяет больше времени в своей повести философии и проблеме морали. Он рассуждает о том, что каждый человек в принципе двойственен по своей природе.

Ключевые слова: Р.Л. Стивенсон, биография, повесть, «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», мотив раздвоения личности, доктор Джекил, двойственность человека, зло и добро

Роберт Льюис Стивенсон (1850—1894) — шотландский писатель и поэт, автор приключенческих романов и повестей, крупнейший представитель английского неоромантизма. Его писательский талант яркий и многогранный. Первая книга Стивенсона, «Пентландское восстание», вышла в 1866 году. Мировую славу писателю принёс роман «Остров сокровищ» (1883) — классический образец приключенческой литературы. Затем последовали историко-приключенческие романы «Принц Отто» (1885), «Похищенный» (1881), «Чёрная стрела» (1888), «Катриона» (1893), «Сент-Ив» (1897). Все эти романы отличаются сочетанием увлекательных авантурных сюжетов, глубокого проникновения в историю и тонкой психологической проработки персонажей.

Еще при жизни Стивенсон стал легендой. Творцом этой легенды в значительной степени был он сам. На островах Океании, где жил писатель, отправлялись толпы паломников. В его доме подолгу гостили друзья. Интерес к личности Стивенсона, к его жизни на островах, к его приключениям был огромным. Стивенсон создал вокруг себя приключенческий мир, а его жизнь только усиливало впечатление от написанных им книг, его жизнь была как бы приложением к его произведениям.

В своих произведениях Стивенсон сочетает ужасы человеческой души с отвращением к викторианской важности репутации. Викторианское общество в Англии было настолько увлечено нравственностью и добродетелью, что многие вещи, которые считались «забавными» или «приятными», назывались грехом. На протяжении своей жизни Стивенсон исследует эту двойственность человеческой природы, его интересуют морально-этические проблемы. В их решении он опирался как на традицию романтиков, так и в определенной степени на творчество Ф. М. Достоевского.

В 1885 году Стивенсон прочитал во французском переводе роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Впечатление от романа русского писателя, тема раздвоенного существования главного героя, проблема добра и зла в человеческой натуре, раскрылось в повести «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde). Эта повесть имела

грандиозный успех среди читателей, именно тот успех, ради которого Стивенсон работал всю свою жизнь.

Одним из персонажей, которого можно привести как пример раздвоения личности из произведений зарубежной литературы является доктор Джекил. Интересно эту повесть читать и размышлять с философским подходом, потому что сам автор прозрачно намекает на то, что каждый человек двойственен по своей природе и только от нас зависит какая натура станет во главе. В произведении Стивенсона мы видим шизофрению не в чистом виде. Главный герой не болен. Больные шизофренией не понимают, что имеют дело с самим собой, а доктор Джекил знает и понимает это, знает то, что мистер Хайд это он сам, что Хайд является его второй личностью.

Объяснения доктора Джекила мы видим в главе под названием «Полный рассказ Генри Джекиля», где герой говорит: «Худшим же из моих недостатков было всего лишь нетерпеливое стремление к удовольствиям, которое для многих служит источником счастья; однако я не мог примирить эти наклонности с моим настойчивым желанием держать голову высоко и представляться окружающим человеком серьезным и почтенным» [1, с. 92] — этими словами Стивенсон доказывает, что человек двойственен сам по себе и что Генри Джекил лишь усилил и выпустил наружу свою двойственную природу, приняв лекарство. Сравнивая других людей и доктора Джекила, можно сказать, что он был более порядочным и «чистым» человеком, чем остальные, которые погрязли в своих грехах и темных поступках, но главный герой повести горевал и убивался больше других.

«Немало людей гордо выставляли бы напоказ те уклонения со стези добродетели, в которых я был повинен, но я, поставив перед собой высокие идеалы, испытывал мучительный, почти болезненный стыд и всячески скрывал свои вовсе не столь уж предосудительные удовольствия» [1, с. 93] — отсюда видно, что поступки доктора Джекила были нормальнее и менее предосудительны, чем действия остальных людей, которые даже не думают о своих поступках, они просто наслаждаются ими. У главного героя были такие же моральные ценности, как и у большинства, он великолепно осознавал что такое хорошо, а что плохо,

но Джекил признавая две стороны его личности, разделяет их на интеллектуальную и нравственную, захотев познать каждую от начала до конца. Он считает, что нравственность не контролирует интеллектуальную сторону и то, что нравственная сторона, ограничиваясь моральными ценностями, более стеснена, сжата и не видит всего, что есть в жизни.

Какая была его вторая личность? Мы узнаем его внешность со слов Энфильда: «Его наружность трудно описать. Что-то в ней есть странное... что-то неприятное... попросту отвратительное. Ни один человек еще не вызывал у меня подобной гадливости, хотя я сам не понимаю, чем она объясняется. Наверное, в нем есть какое-то уродство, такое впечатление создается с первого же взгляда, хотя я не могу определить отчего» [1, с.25]. Выходит, что нравственная личность героя выглядит более красиво, она чиста и здорова, а интеллектуальная сторона, которая стремилась к убийствам и развлечениям, была как мистер Хайд — уродлива, низкого роста и на вид неприятна. Благодаря такому гротеску и контрасту мы видим то, каким разным может быть человек внутри самого себя.

Важно упомянуть и то, что герой сам насильно прожил эту болезнь, с помощью лекарства, он не думал о том, что Хайд начнет вытворять и к чему приведут его действия. Выходит, что Джекил действовал лишь как доктор, согласно научным любопытствам, не подозревая о последствиях.

Важно заметить еще одну вещь. Выпустив Хайда, Джекил сказал: «С первым же дыханием этой новой жизни я понял, что стал более порочным, несравненно более порочным — рабом таившегося во мне зла, и в ту минуту эта мысль подкрепила и опьянила меня, как вино» [1, с.41]. Этот отрывок подталкивает на следующие выводы: интеллектуальная сторона личности подчиняет волю человека, не смущает, не ограничивает его в действиях, этот широкий масштаб и размах свободы подкупает человека, а нравственная наоборот — ограничивает свободу, руководствуясь правилами, нормами и моралью, разделяя хорошее от плохого. Генри Джекил опьянен этой свободой

интеллектуальной стороны его личности и из-за этого он сходит с ума, позволяя своей темной стороне всё больше и больше.

Но почему Хайд уродлив и почему у него страшные, поражающие своей жестокостью поступки? Герой объясняет это следующими словами: «Зло в моей натуре, которому я передал способность создавать самостоятельную оболочку, было менее сильно и менее развито, чем только что отвергнутое мною добро. С другой стороны, самый образ моей жизни, на девять десятых состоявшей из труда, благих дел и самообуздания, обрекал зло во мне на бездеятельность и тем самым сохранял его силы. Вот почему, думается мне, Эдвард Хайд был ниже ростом, subtilнее и моложе Генри Джекила» [1, с.46]. Читая эти слова, мы понимаем, что на протяжении всей своей жизни доктор Джекил был мирным и благочестивым, он воспитывал в себе доброту, не оставляя места для злой природы, лишая его своего внимания. Поэтому он был так уродлив и жесток. Но рассуждая о Хайде, Джекил говорит: «И все же, увидев в зеркале этого безобразного истукана, я почувствовал не отвращение, а внезапную радость. Ведь это тоже был я. Образ в зеркале казался мне естественным и человеческим» [1, с. 49]. Здесь он резонирует уже не как доктор, а как шизофреник. Однако Генри Джекил не болен. Переходя из одной личности в другую, он держит оба разума отдельно и даже думает достаточно разумно, чтобы убить свою вторую личность — Хайда. Его трезвость ума доказывает самому себе, что Хайд это не он, что это чистое зло сама по себе, а не наша внутренняя сторона, не потому что оно принадлежит нам. Зло будет убивать, уничтожать и совершать отрицательные, негативные действия, просто потому что это чистое зло по своей натуре, а не мы сами.

На примере Генри Джекила Стивенсон показывает свою философию: он рассуждает о том, что у каждого человека есть и светлая и темная сторона, что каждый человек двойственен, что все люди должны бороться со злом внутри самого себя. Какая из них возьмет вверх — зависит только от нас самих.

Литература:

1. Стивенсон Р.Л. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда / Р.Л. Стивенсон. — М.: АСТ, 2003. — 121 с.

Функции монструозного тела в современном англоязычном жанре фэнтези (на примере романа «Игра престолов» Дж. Мартина)

Селезнева Татьяна Александровна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Концепт монструозного тела был рассматривается с позиции истории возникновения и теоретических положений данного явления в контексте когнитивной лингвистики, и конкретным примером концепта монструозности

в современном англоязычном жанре фэнтези может служить роман «Игра престолов» из серии книг «Песнь Льда и Пламени» Джорджа Мартина. Одним из ключевых героев актуального на сегодняшний день сюжета является

Тирион Ланнистер, принадлежащий к одному из самых богатых и знатных домов Вестероса.

Тирион по своему физическому воплощению — карлик, что в контексте культурно-пространственного концепта описываемой эпохи делало его существование невозможным в рамках того общества, но благодаря высокому происхождению он получил право на жизнь. Его самое близкое окружение — семья Ланнистеров — всегда относились холодно к своему кровному родственнику не только из-за мутации тела, но сколько из-за смерти матери, которая умерла в муках при его родах. Детство и юность персонажа были не самым счастливым временем его жизни — он подвергался постоянным насмешкам и козням со стороны своих кровных брата и сестры — Джейме и Серсеи. Самым сильным потрясением для него ста отцовский урок того, что никто не полюбит человека в теле карлика, и что «любовь» в его случае покупается только за деньги. Всю сюжетную линию данный персонаж балансирует на грани жизни и смерти, в большинстве случаев подвергаясь со стороны общества нападкам и критике своего физического облика.

Тем не менее, все вышеперечисленные факторы окружающего социального мира не умалили его желания и возможностей находиться в центре развивающихся политических событий и быть одной из значительных фигур влияния на процесс формирования истории. Однако, наличие такого персонажа в литературно-художественной системе нередко является отражением конфликта двух противоборствующих сторон, являющиеся резонаторами борьбы карлика за выживание.

Монструозное тело, помещенное в рамки враждебного, но все же принимающего его общества, развивается в нем относительно концепта «исключительности» данного явления. Вот как выглядит персонаж в первых вводных главах книги:

“Tyron Lannister, the youngest of Lord Tywin’s brook and by far the ugliest. All that the gods had given to Cersei and Jaime, they had denied Tyron. He was a dwarf, half his brother’s height, struggling to keep pace on stunted legs. His head was too large for his body, with a brute’s squashed-in face beneath a swollen shelf of brow. One green eye and one black one peered out from under a lank of hair so blonde it seemed white.” [1, с. 36]

Как видно по описанию, это просто уродливый карлик, у него разные глаза, ужасные волосы, ассиметричное лицо, и после битвы при Черноводной он становится еще более уродливым существом — ему отрубают около 3/4 части носа, часть губы и все лицо пересекает еле-еле зарубцовывающийся шрам. В глазах людей он выглядит он выглядит как источник всех бед — при такой внешности его готовы изобличить в любом преступлении, а оправдаться — невозможно. Тирион, несмотря на такое давление со стороны социума по поводу его монструозности, не теряет самообладания и чувства собственного достоинства. Сам он нередко подшучивает над своим физическим обликом, пряча настоящее высокое чувство долга и желание быть принятым за манерностью и сарказмом. Несмотря

на стратегическое мышление и политические способности, он — огромное разочарование для отца, и тем не менее, он старается преодолеть все трудности чтобы завоевать признание отца, которого он ненавидит. Такие лексемы, как “the ugliest”, “to deny”, “dwarf”, “struggling”, “stunted legs”, “large”, “body”, “brute”, “squashed-in face”, “swollen”, “black and green” ярко демонстрируют языковой стилистический облик Тириона, окрашенный коннотацией уродливой, неприятной монструозности тела, и данное описание полностью вербализует данный феномен неказистости героя, и каждая языковая единица относится к определенной дефиниции представления концептов.

Тирион, несмотря на серьезный психологический барьер, ведет себя спокойно и сдержанно, и реальный моральный облик карлика можно увидеть в диалоге с Джоном Сноу. Отчасти их судьбы похожи, один признан незаконнорожденным бастардом, другой же резонирует поговорке «в семье не без урода».

“You are your mother’s trueborn son of Lannister”.

“Am I?” the dwarf replied, sardonic. “Do tell my lord father. My mother died birthing me, and he’s never been sure”.

“I don’t even know who my mother was”, Jon said.

“Some woman, no doubt. Most of them are”. He favored Jon with a rueful grin. “Remember this, boy. All dwarfs may be bastards, yet not all bastards need be dwarfs”.

And with that he turned and sauntered back into the feast, whistling a tune.

When he opened the door, the light from within threw his shadow clear across the yard, and for just a moment Tyrion Lannister stood tall as a king.” [2, с. 57]

В выше представленном фрагменте диалога можно увидеть, что Тирион, несмотря на свою физическую оболочку «stood tall as a king», является прообразом настоящего короля, соблюдающего моральные кодексы чести и достоинства, не принижая обделенных и изгнанных. Очевидно, что это человек с огромным грузом ответственности на плечах просто за то, что он таким родился, и реабилитировать репутацию «карлика-изгоя» несмотря на все успехи не так уж и просто, постоянно получая непредвиденные удары судьбы.

За безнравственное распутство, хитрость, острый язык и изощренный ум, он приобретает прозвище “The Imp”, а за свой маленький рост — “The Halfman”.

“The dwarf lifted an eyebrow.

— Would you rather be called the Imp? Let them see that their words can cut you and you’ll never be free of the mockery. If they want to give you a name take it make it your own. Then they cant hurt you with it anymore.” [3, с. 128]

В данном фрагменте мы видим, что Тирион, понимая ущербность своего облика, опирается на такие защитные механизмы от вербального негативного воздействия как действие от противного, которое удается ему с удивительным изяществом и непринужденностью.

Стилистическая коннотация “Imp” является прямым концептом монструозности, и смысловая нагрузка несет

в себе эмоционально-окрашенную характеристику монструозного тела, языковым приемом, т. е. прозвищем, воздвигая героя на пьедестал «козла отпущения». “Mockery” есть не что иное, как прямая, не скрытая ирония по отношению к Тириону, которая также стилистически определяет данный концепт как понимание «отчужденности», «одиночества», делая метонимический перенос на такое выражение, как «всеобщее посмешище».

Тирион остается человеком в любой неблагоприятной ситуации, и рациональное мышление дает ему возможность прощать своих обидчиков и не стремится к отмщению.

Обратимся же к следующему высказыванию Тириона:

“I’m guilty of a far more monstrous crime. I’m guilty of being a dwarf”.

“Guilty”. Данный концепт в достаточной мере олицетворяет полное существование персонажа в мире. Чувство вины в случае Тириона это неотъемлемый атрибут жизни, акцентирующий внимание на его монструозном теле. Далее следует словосочетание “monstrous crime”, стилистически раскрывающий гиперболизированное и метафоричное понятие “dwarf”. Эмфаза данного высказывания есть не что иное, как сложная аллегория с элементами метафоры, эпитета и анафоры, позволяющее понять не сколько сам факт существования монструозного тела, но по большей части эмоциональную окрашенность чувств и сознания героя-карлика.

Герой осознает себя монструозным, пугающим людей созданием, которого все стремятся обвинить во всех грехах, и данная реплика звучит как крик души измученного человека, который старается быть как все, получать от жизни удовольствие и нести пользу, но тот факт, что его сознание заключено в столь деформированную телесность не мешает ему быть и функционировать как значимая для общества личность. Все его таланты, умения, знания он применяет не только в островах и вербальных «перепалках» — он возглавил битву при Черноводной и благодаря своему стратегическому мышлению сумел привести войско к победе, разбив Станниса Баратеона. Образование и развитый интеллект, приобретенные в ходе долгого самоанализа того, что он изгой, позволили ему компенсировать свои физические недостатки, и это знание представляет практическую значимость для его существования в целом. Данную идею компенсаторности мы можем проследить в нижеследующем высказывании:

“Well, my brother has his sword, and I have my mind. And a mind needs books like a sword needs a whetstone. That’s why I read so much, Jon Snow.” [4, с. 86]

Герои, особенно те, с кем Тирион состоит в открытой конфронтации (довольно встречающееся явление в сюжете), напрямую наносят ему оскорбления по причине его физического воплощения, однако Тирион не опускается до уровня нелепых порицаний и стойко терпит вербальную агрессию и поношение, зная, что монстры на самом деле те, кто его таковым считает, ибо мы видим в других то, что есть в нас.

“I wish I was the monster you think I am. I wish I had enough poison for the whole pack of you. I would gladly give my life to watch you all swallow it. I will not give my life for Joffrey’s murder. And I know I’ll get no justice here, so I’ll let the gods decide my fate. I demand a trial by combat!” [5, с. 287]

“Monster”, “poison”, “murder”, “no justice”, “fate” настолько точно отражают концепт монструозности, что фактически являются его синонимами. Вся атмосфера вокруг Тириона стилизована под его внешний облик, и является его «судьбой», «злым роком», что аллегорично и метафорично осуществляется перенос языковых единиц с концептом.

И тем не менее, у такого неполноценного персонажа есть преданные друзья. Они понимают, что Тирион если и мутант, то только физически. Карлик предстает если не положительным, то уж точно не отталкивающим персонажем.

Монструозность, с которой ему приходится мириться лишь результат природного, и с точки зрения культурно-исторического дискурса, появление таких персонажей означает некую борьбу, конфронтацию между оппозиционными феноменами. Родиться в таком теле и в нужном месте — является своего рода предназначением, ведь именно «исключенные» люди способны на великие свершения, оказывающие сильнейшее влияние на ход истории.

Таким образом, удалось выделить такие функции монструозного тела, как:

1) Телесность «монстра» функционирует как репрезентация «инога», «нетрадиционного», «ненормального» феномена, позволяющая разграничить концепты «монструозного» и «нормального» по внутренним и внешним признакам.

2) Культура традиционного общества вводит концепт монструозного тела в маргинальный дискурс, и приобретение антропоморфного тела является маркером принятия в локальную структуру социума.

3) В результате развития постиндустриальной культуры, становления политкорректности и толерантности, монструозное тело воспринимается как полноправный участник межкультурной коммуникации.

4) Концепт монструозности становится актуальным в рамках современного культурного дискурса, в условиях глобализации монстры становятся мейнстримными персонажами.

5) Монструозное тело является идентификатором того, что быть «единичным» в поликультурной системе мира возможно, при этом сохраняя собственную идентичность и неприкосновенность.

Соответственно, понятие монструозного тела с течением веков заметно изменилось и приобрело более глобальный характер имеющий культурную значимость для современного поколения. В литературе концепт монструозного находит выход в персонажах, явно отличающихся от традиционных представлений о монстрах и чудовищах. В современных интерпретациях монструозность проявляется как дисгармоничные отношения «изгоя», который обычно

наделен монструозными чертами, и обществом, как среды, в которой он функционирует на культурно-историческом, социально-экономическом и политическом уровнях, и также как отдельно взятая единица социума.

Литература:

1. George R. R. Martin — “A Game of Thrones” book one: “A Song of Ice and Fire”. — Publishing house “Harper Voyager”, 2011, с. 36.
2. George R. R. Martin — “A Game of Thrones” book one: “A Song of Ice and Fire”. — Publishing house “Harper Voyager”, 2011, с. 57.
3. George R. R. Martin — “A Game of Thrones” book one: “A Song of Ice and Fire”. — Publishing house “Harper Voyager”, 2011, с. 128.
4. George R. R. Martin — “A Game of Thrones” book one: “A Song of Ice and Fire”. — Publishing house “Harper Voyager”, 2011, с. 57.
5. George R. R. Martin — “A Game of Thrones” book one: “A Song of Ice and Fire”. — Publishing house “Harper Voyager”, 2011, с. 287.

Ономастическое пространство в произведении Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда»

Усачева Валерия Сергеевна, учащаяся 10 класса
МБОУ гимназия имени А.В. Кольцова г. Воронежа

В статье проанализировано ономастическое пространство в произведении Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Выявлен смысл использования автором того или иного имени собственного. Рассмотрены особенности и функции антропонимов и топонимов.

Ключевые слова: ономастическое пространство, литературная ономастика, антропоним, топоним, Н.С. Лесков, «Леди Макбет Мценского уезда», имя собственное

Понимание роли имен собственных в художественном тексте и исследование уникальных возможностей ономастикона произведения для выражения авторского замысла способствует более точной интерпретации текста, в связи с чем очевидно, что изучение языка художественной литературы невозможно без комплексного анализа онимов, заключенных в том или ином тексте.

Это представляет собой теоретический и практический интерес. Раздел ономастики, который занимается исследованием в художественных текстах антропонимов (собственных имен героев) и топонимов (собственных имен географических объектов) вылился в самостоятельную науку под названием **литературная, или поэтическая ономастика**.

Мы обратились к творчеству **Н. С. Лескова**, который известен оригинальностью, яркостью и непохожестью своего языка. Выбор имени в текстах Лескова определяется замыслом автора, который стремится вовлечь читателя в круг ассоциаций и через употребление того или иного имени либо дополнительно охарактеризовать героя или ситуацию, либо создать соответствующий эффект. Языковая игра Лескова с читателем определяет его, по мнению современников, великим мастером изящных лингвистических находок, которые, по нашему мнению, ярко отражены в очерке «Леди Макбет Мценского уезда». В нем писатель обращается к проблеме эмансипации, показывая трагические последствия

отсутствия у женщины второй половины XIX в. представлений о границах дозволенного, и как ответ в ещё более острой полемике своего времени о возможностях в недрах русской жизни истоков настоящей драмы.

Как утверждает лесковед О. В. Евдокимова, память определяет структурное и смысловое единство исследуемого произведения» [2, с. 43]. В «Леди Макбет Мценского уезда» память вынесена в название: это прямая реминисценция из трагедии Шекспира «Макбет», а также косвенное обращение к произведению Н. С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда». Благодаря наличию ономастических элементов, заглавие выполняет следующие функции: указывает на главную героиню, на место действия (Мценский уезд) и одновременно выражает отношение автора к героине.

Перед читателем разворачивается история купеческой жены Катерины Львовны Измайловой, выросшей в деревне (поэтому автор выбрал антропоним *Катерина*, а не *Екатерина*), в бедной семье, но на свободе и среди людей, нестерпимо страдающей от скуки среди полного материального достатка и богатства. Героиня словно и замуж вышла от скуки: «Выдали ее замуж за нашего купца Измайлова с Тускари из Курской губернии, не по любви или какому влечению, а так...» По христианским канонам, брак есть освящаемый Церковью союз мужчины

и женщины; Тайнство, в котором супруги от Бога через священнослужителей получают особую благодатную силу и способность хранить любовь. Именно поэтому Лесков дает купчихе имя Катерина (от греч. *Экатерины* — «вечно чистая» «непорочная»), которое должно символизировать читателю о душевных силах, терпении женщины; ее верности и чистоте. Стоит заметить, фамилия *Измайловы* выбрана Лесковым не случайно. В переводе с древнееврейского она означает: «Услышит Бог» и образовалась от собственного арабского имени Измаил, широко известного и популярного у народов, исповедующих ислам. Так, писатель хочет донести до нас мысль: ни Катерина Львовна, ни Зиновий Борисович (ее муж) не могут быть услышаны Богом, поскольку их фамилия не имеет отношения к христианству ровно так же, как и они сами. Мы предполагаем, что, выбрав данную фамилию для действующих лиц, автор, вероятно, хотел сделать отсылку к произведению М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей», место действия которого происходит на Кавказе, где господствующей религией является ислам.

У Лескова показана трагедия разрушения дома Измайловых, и вершит ее именно женщина. Влюбившись в Сергея («Всем вор взял — что ростом, что лицом, что красотой...»), Катерина испытывает страсть. Имя *Сергей* имеет римские корни и переводится как «знатный», «статный», «высокий», именно поэтому главная героиня проявила к нему симпатию: уже само имя ее избранника словно имеет «магическое притяжение»

Пик влюбленности Катерины, как кульминация ее чувств, произошел в саду. Именно время суток здесь является определяющим и полно раскрывает особенности антропонима *Катерина*. «Все это, плескаясь в лунном свете...» [1, с. 32]. По одной из версий, этимология ее имени восходит к имени *Гекаты*, древнегреческой богини лунного света и покровительницы колдовства. Это не случайно. Ведь луна в литературной эстетике символизирует чистую, искреннюю любовь и тоску.

Каждое испытание Катерина и Сергей преодолевают через убийство. Но при этом не только обстоятельства смерти, но и выбор самой жертвы идет по нарастающей.

Первым главная героиня убивает свекра, Бориса Тимофеевича, отравив его крысиным ядом. (Выше говорилось о связи с богиней Гекатой, которая являлась также богиней ведьм, ядовитых растений и многих других колдовских атрибутов) Лесков, вероятно, прибегнув к мнению Макса Фасмера, утверждающего, что имя *Борис* имеет монгольское происхождение и означает «маленький», интерпретирует представленный антропоним согласно сюжету: Катерина не испытывает к свекру никакого уважения, не принимает его за человека.

Однако Катерина не приняла во внимание, что Борис Тимофеевич некогда спас «изменника» и, будучи истинным христианином, следовал заповедям Божьим: седьмой, согласно которой возбраняет прелюбодеяние, и шестой, запрещающей убивать. В связи с этим, можно говорить

о не случайности выбора антропонима *Борис*: в переводе с древнеперсидского оно означает «наследник». То есть, Борис является последователем Христа, а также наследником своего отца, имя которого — *Тимофей* (образовано от греческого *τιμάω* («почитать») и *θεός* («Бог»)), то есть, имеет значение как «почитающий Бога» [3, с. 3].

Важно отметить, что Лесков вводит мотив привидения в «Леди Макбет...», представляющий собой композиционный узел, который выражает одну из главных идей о необходимости преодоления грехопадения. Катерине Львовне является кот, чей образ, очевидно, пришел из русского фольклора, близкого сознанию героини народной среды: «А кот промежду ее с Сергеем трется, такой славный, серый, рослый да претолстый-толстый». Облик привидения является зеркалом пробуждающегося сознания Катерины Львовны: сначала привидение является в виде кота, и его необычную природу выдаёт лишь то, что он проходит сквозь пальцы, героиня на это почти не обращает внимания. Этим может трактоваться одно из этимологических значений — Катерина — «покровительница колдовства» (др. — греч. *Ἐκάτη*) Важно отметить, что привидение кота выбрано Лесковым намеренно: согласно болгарскому профессору Бешевлиеву, имя Борис переводится как «снежный леопард» (барс). Можно провести параллель с произведением Лермонтова «Мцыри»: Барс символизирует мощь дикой природы, для которой и он, и Мцыри — равнозначно важные части. Для Мцыри битва с барсом служит проверкой его сил, возможностью показать свою силу, не найдя должного применения в монастыре.

Второй жертвой оказывается внезапно вернувшийся муж, который смог предугадать обман жены. Здесь прослеживается историческая реминисценция, потому что Зиновий, подобно Зевсу, сумел предвидеть будущее («*Зиновий*», — с греческого «*сильный как Зевс*», «*жизнь Зевса*»).

Можно отметить антисвязь Катерины Львовны и святой великомученицы Екатерины, что во многом усиливает кульминацию очерка — убийство племянника Зиновия Борисовича, Фёдора Лямина, который оказался в числе наследников наряду с Катериной Львовной. Лесков намеренно выбирает герою фамилию *Лямин*. Она произошла от прозвища «Ляма», которое в говорах имеет значение «сума, кошель». Фамилия, словно имеющая материальное начало, противопоставляется имени Фёдор, в переводе с греческого языка обозначающее «Божий дар». Это соответствие позволяет провести параллель с Феодором Стратилатом, благородным, трудолюбивым воеводой, пострадавшим в 319 году за свою веру в Христа. Насильственная кончина Феди оказалась созвучной мученической казни его святого покровителя.

Интересно проследить, как происходит градация значений имени *Сергей*: от «высокий», «знатный» до «низший», «слуга». Это же происходит и с поведением героя: возвышенное красноречие сменяется на сухие, колкие фразы. (Имя Сергей произошло от латинского «*Servus*», что переводится как «слуга»)

Последнее жертвой Катерины Измайловой становится Сонетка, относительно которой необходимо сказать, что ее имя не является производным от *Софья* (др. — греч. *σοφία* — «мудрость, разумность, наука») Толковые словари дают следующее значение нарицательного слова «сонетка» — «шнурок». Такое семантическое свойство наиболее точно вписывается в ономастикон произведения: «...схватила Сонетку за ноги и одним махом перекинулась с нею за борт парома».

Немаловажную роль в «Леди Макбет Мценского уезда» играют топонимы. Топонимы в художественном произведении создают «своего рода контурную карту, на которую накладывается действие». Они обязательно взаимодействуют с другими языковыми способами воспроизведения действительности, играя в контексте стилистическую и экспрессивную роль. Так, Лесков с первых строк создает литературно-географический пласт, в рамках которого читатель и наблюдает за происходящим. Основные события очерка происходят, как правило, в границах Орловской губернии, воистину подлинном литературном гнезде Центральной России» [4, с. 61].

Не случайно Н. Лесков выбрал именно Мценск в качестве главного места действия. Существует множество противоречащих друг другу гипотез о происхождении топонима: от финского *metsan* (лесной), по другой версии — *пчела*, отсюда «мчельник», то есть пчельник. Исходя из этой гипотезы, можно провести параллель непосредственно с текстом произведения Лескова, где люди словно «превращаются» в пчел: «Где поют певчие, там у нас собирается чуть не половина города...», «... в ограде яблоку упасть негде», «Толпа увеличивалась каждое мгновение».

На наш взгляд, главным значением здесь является следующее: от прилагательного *Цна* < балт. **tusna* — «тихий» [5, с. 4]. Интересно предположить, что, как и в случае с антропонимом «Катерина» и его носителем, комоним «Мценск» также будет противоположностью к начальному авторскому замыслу и воплощает собой обратную сторону видимого, чтобы читатель мог полнее оценить происходящее.

В «Леди Макбет Мценского уезда» город рассматривается не только как место действия, но и исторический пункт; памятник прошлому и традициям России, ведь Мценск — город с многовековой историей.

Недалеко от Мценска располагаются Ливны — небольшой город в Орловской области. Интересна этимология комонима. Ученые отмечают тесную взаимосвязь

одних видов топонимов с другими. Особенно очевидно эта взаимосвязь проявляется в гидронимах (названия водных объектов) и ойконимах (название населенного пункта). Так, имя города выводят от реки, в связи с его расположением при впадении в Сосну реки Ливна (ныне Ливенка, гидроним от глагола «лить»). Город является родиной большого человека — Федора Лямина, который оказывается следующей жертвой после мужа Катерины Измайловны, Зиновия Борисовича.

Сам Зиновий Борисович «с Тускари из Курской губернии». Имеет место быть биографический оттенок: Орел — город, где родился сам писатель, а Курск — место, которое Лесков, будучи торговым агентом коммерческого заведения в Орле, часто посещал.

Лесков охватил большой диапазон топонимов в произведении: «в Аравию счастливую занес бы», «солдатка Фиона из Ярославля», «дошли они до Нижнего Новгорода», «вести из Петербурга», «партия следовала в Сибирь», «от Нижнего к Казани».

Безусловно, главным топонимом в произведении является Волга. В последней сцене с привидениями (на пароме) пространство разомкнуто (Волга), и время действия — день. Катерине Львовне, с глаз которой спала пелена любви к Сергею, становится очевидной суть совершенных ею поступков — с этим и связано вхождение в повествование открытого пространства и светлого времени суток. Вероятно, именно поэтому Лесковым была выбрана именно Волга. Слово «Волга» заимствовано из финского «*Valken*» (валкеа) — белый. Главное и исходное значение этого цвета — свет. Белый тождествен солнечному свету, а свет — это божество, благо, жизнь, полнота бытия. Смотри на реку через призму народной самобытности, Лесков сопоставляет Волгу-матушку, словно представляющую собой родительницу, воспитывающую не одно поколение детей, и Катерину Львовну, которая была беременна на момент совершения ею всех убийств.

Однако мы видим, как на уровне хронотопа работает приём повторяемости. Концентрическое строение произведения завершается в финале семантически насыщенной картиной самоубийства героини, ее погружения в воду, как в воронку, куда она утягивает за собой еще одного человека.

Таким образом, все имена собственные в повести «Леди Макбет Мценского уезда» находятся в гармоничной системе, в котором каждое из имен работает на все произведение в целом.

Литература:

1. Лесков Н. С. Леди Макбет Мценского уезда / Н. С. Лесков. — М.: Художественная литература, 1981. — 43 с.
2. Евдокимова О. В. Мнемонические элементы поэтики Лескова. — Тюмень: Алетей, 2011. — С. 55
3. Ковалев Г. Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях. — Воронеж: Истоки. — 2016. — С. 3.
4. Литературное наследство. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860—1890 гг. — М.: Наука, 1977. Т. 87.
5. Ююкин М. А. К этимологии названия города Мценск. — Воронеж: Вестник, 2014. — С. 4.

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Анализ семантических и функциональных связей слов и их синонимии в современном английском языке

Баяндурова Екатерина Александровна, преподаватель
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

В данной статье рассматривается анализ семантических и функциональных связей слов и их синонимии в современном английском языке.

Ключевые слова: синонимические отношения, семантическая структура слова, синоним, стилистическая функция, эмоционально-экспрессивная окраска

Понимание сущности синонимических отношений слов связана с пониманием структуры языкового значения слова. В. Г. Вилюман семантической структуре слова даёт определение как набору семантических признаков, которые выявляются при установлении семантической смежности слов — синонимов [4, с. 126].

Проблемы сопоставления лексики в различных языках были также отмечены в работах Л. В. Щербы, Б. А. Успенского, В. Н. Ярцевой, Ш. Балли, С. Ульмана и многих других лингвистов [3, 10, 11, 14, 15].

Большинство лингвистов полагают, что необходимо сопоставлять между собой небольшие системы, члены которых связаны между собой семантически. Это в свою очередь даёт возможность определить лексические элементы каждой системы, отметить совпадения между ними путём анализа описания значений этих слов в толковых словарях, а также объяснить, почему семантические контуры каждого слова, имеющие одинаковую предметную отнесённость, оказываются различными.

Для функционального использования тех или иных изучаемых слов в языке необходимо понимать определение слову синоним, так как оно в контексте употребления может иметь различие в оттенке значений; эмоционально — экспрессивной окраске, и помимо этого стилистической функции.

В свою очередь синонимы, отличающиеся оттенками значений, называют смысловыми или идеографическими.

Например:

lucky — удачливый, happy — счастливый, to say — сказать (вымолвить), to tell — сказать (сообщить).

Те синонимы, которые отличаются эмоционально — экспрессивной окраской могут различаться различным отношением к обозначаемому явлению в связи с тем, что являются стилистическими.

Например:

clothing — costume — dress — attire — decoration — vestment;

to begin — to commence;

to come — to arrive

В вышеприведённых примерах, первые слова являются стилистически нейтральными, а вторые — имеют стилистическую окраску.

В языке очень часто встречаются такие синонимы, которые могут и не иметь отличия друг от друга по значению, а наоборот иметь тесную взаимосвязь в любом контексте без каких-либо различий. Такие синонимы носят название абсолютных синонимов или дублетов (фр. double — двойной).

Например:

word-formation и word-building — словообразование
compounding — composition — словосложение

Наряду с перечисленными признаками различий в синонимическом ряду следует отметить то, что синонимы могут совпадать не во всех словарных (многозначных) и комбинаторных (различающихся сочетаемостью) значениях, а также могут различаться по компонентному составу значений; по месту распространения, времени использования и по сфере употребления [4, с.60].

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие виды синонимов:

- 1) полные и частичные
- 2) комбинаторно-тождественные и комбинаторно-нетождественные
- 3) одинаковые по компонентному составу (семантические дублеты) и различные по компонентному составу (эмоционально-нетождественные, дефинирующе-нетождественные)
- 4) одностилевые и разностилевые
- 5) американо-британские синонимы — наименования одних и тех же

предметов, принятых в американском и британском вариантах английского языка [4, с.68]

— у полных синонимов совпадают все словарные значения

Например:

airman — flyer — flying man — лётчик

screenwriter — scriptwriter — scripter — scenarist — сценарист

— у частичных синонимов, которые являются многозначными словами,

совпадают только некоторые словарные значения

Например:

Convince	Persuade
1. заставить поверить чему-то	1. заставить поверить чему-то
2. —	2. уговорить кого-то сделать что-то

Survive	Outlive
1. пережить кого-либо, жить дольше, чем кто-либо	1. пережить кого-либо, жить дольше, чем кто-либо
2. выжить, остаться в живых	2. —

— у комбинаторно-нетождественных синонимов словарные значения совпадают, а комбинаторные — нет. Они имеют различную сочетаемость и не могут заменять друг друга во всех однотипных контекстах.

Например:

Prison	Jail
1. in prison	1. in jail
2. put smb. in prison	2. put smb. in jail
3. release smb. from prison	3. release smb. from jail
4. —	4. jail bird (заключённый, разг.)

— у эмоционально-нетождественных синонимов существует различное эмоционально-оценочное отношение у одних и тех же предметах, и как правило они принадлежат к разным стилям речи.

Например:

soldier (стилистически немаркирован) — warrior (торж.)

get arrested — get nailed (груб.)

get married — get buckled (шутл.)

he saw a girl (стилистически нейтральный) — he beheld a girl (торж., книжный стиль) [5, с. 84]

— у ассоциативно-нетождественных синонимов выделяется разное ассоциативное значение. Они могут являться семантически производными от разных корней и соотносить один и тот же предмет с разными классами предметов.

Например:

money: cabbage, chips, berries, dough, brass

prison; cage, den, cooler, school, can, hotel [5, с. 89]

— у дефинирующе-нетождественных синонимов один выражает бытовое, а другой — научно отработанное понятие о том же самом предмете.

Например:

die, pass, away, join the great majority, take the ferry, kick the bucket, go the way of all flesh [5, с.97].

Синонимический ряд принято считать определённой подсистемой моделей, объединяющихся разными грамматическими конструкциями и синтаксическими отношениями. Синонимический ряд путём двух или нескольких слов, имеющих различные между собой отношения:

1) каждое слово имеет свой смысловой оттенок; одно из слов может иметь более общее значение: to look, to glance, to stare, to view, to eye, to peep — слово to look — смотреть, называет действие вообще, а в оттенках значения остальных слов отражена характеристика данного действия: to glance — мельком взглянуть, to stare — смотреть пристально, to view — рассматривать, to peep — подсматривать, to eye — пристально разглядывать. Таким образом, замена в контексте какого-нибудь слова словом — синонимом ведёт к изменениям в смысловом оттенке высказывания;

2) в стилистическом ряду одно из слов может быть нейтрально по стилистической окраске, тогда как другие эмоционально окрашены: to eat (нейтр.) — есть, to partake (возв.) — вкушать, to wolf (жарг.) — жрать. Замена слов одним из его синонимов может нарушить стиль высказывания или придать ему иную эмоциональную окраску;

3) синонимический ряд могут составлять слова, которые отличаются друг от друга различной сочетаемостью с другими словами. Так, в ряду: piece, morsel, lump, slice, chunk — слово piece — кусок имеет широкий круг сочетаемости, остальные слова могут сочетаться только с ограниченным числом слов: a morsel of bread (meat) кусок хлеба (мяса); a slice of cheese (sausage), a lump of sugar, a chunk of wood;

4) слова одного синонимического ряда могут сочетать в себе ещё и другие значения и иметь различное употребление, в таких случаях они уже не являются синонимами друг другу и входят в другие синонимические ряды.

Например: to get, to receive, to obtain — являются названием действия — «получать», но каждое имеет свои смысловые оттенки: to receive подразумевает получать при пассивности субъекта, to obtain «получить что-нибудь с преодолением трудностей»; to get называет действие как таковое, т. е. имеет более общее значение. Но каждое из этих слов имеет и другие значения: to get — «получать», «доставать», «приобретать»; to receive — «получать», «вмещать», «принимать гостей»; to obtain — «получать», «достигать», «добывать», «добиваться», и в этих второстепенных значениях данные слова не синонимичны друг другу;

5) многозначное слово может входить в несколько синонимических рядов, способствуя обогащению языка новыми синонимами. Так, английское to ask входит в следующие синонимические ряды:

a) to ask — to inquire — спрашивать, осведомляться;

b) to ask — to beg — to request — просить (с различными оттенками);

в) to ask — to invite — приглашать, звать [1, с.163]

В синонимический ряд могут входить не только отдельные слова, но и фразеологические единицы, функционально равные слову и выражающие то же понятие: to try — пробовать, to make an attempt — сделать попытку; to decide — решать, to make up one's mind — принять решение.

Основываясь на вышеперечисленных примерах и определениях можно заключить, что синонимический ряд обладает иерархией. Немаловажным в изучении современного языка также является и такое понятие как литературный синоним — стилистически окрашенный и отличающийся по дополнительной характеристике выражаемого им понятия.

На примере анализа синонимического ряда глагола «go on» — продолжать, явным видится выражение литературных синонимов в использовании. Литературными синонимами глагола «go on» являются «to continue» и «to proceed».

1) To continue продолжать (какое-либо дело или что-либо делать); имеет наиболее обобщённое значение и может заменять все остальные члены этого ряда; стилистически нейтрально и употребляется:

1. С беспредложным дополнением (to continue a: speech):

The story will be continued in our next month's issue. — Продолжение рассказа будет напечатано в следующем номере (доел, рассказ будет продолжен в выпуске следующего месяца).

You must continue your study of French. — Вам надо продолжать изучение французского языка.

2. В составе сказуемого (to continue speaking, to speak): His father continued reading. — Его отец продолжал читать.

Следует отметить, что глаголы to continue и to go on имеют также значение продолжать говорить, рассказывать — главным образом при введении прямой речи.

«Well», he continued, «we got to the top». — Ну, — продолжал он, — мы достигли вершины.

After a sip of water, the speaker continued. — Сделав глоток воды, докладчик продолжал (говорить).

And then turning to the rose-tree, she went on, «What have you been doing here?» — И затем, повернувшись к кусту роз, она продолжала: — Что вы здесь делаете?

Lessons began and continued till five o'clock. — Уроки начались и продолжались до пяти часов.

2) To go on отличается от to continue тем, что имеет более разговорную окраску и употребляется:

1. С предложным дополнением, вводимым предлогом with (to go on with somebody's work):

Pray, go on with your next story. — Пожалуйста, продолжайте следующий рассказ.

2. Входит в состав сказуемого (to go on working; to go on -f — инфинитив — невозможно):

I hope it won't go on raining all day. — Я надеюсь, что дождь не будет продолжаться весь день.

Глаголы to continue и to go on, будучи употреблены с дополнением или в составе сказуемого, взаимозаменяются, сохраняя при этом присущую им стилистическую характеристику.

Please, continue your story. — Пожалуйста, продолжайте ваш рассказ.

Pray, go on with your next story. — Пожалуйста, продолжайте следующий рассказ.

She did not answer but continued staring at the letter. — Она не отвечала, а продолжала пристально смотреть на письмо.

She kept fanning herself all the time she went on talking. — Она обмахивалась веером всё время, пока продолжала говорить.

3) To proceed отличается от предыдущих членов данного синонимического ряда тем, что имеет официальную или торжественную окраску и принадлежит к числу слов книжного стиля и употребляется:

1. С предложным дополнением, вводимым предлогом with.

Please, proceed with your work. — Пожалуйста, продолжайте вашу работу.

Proceed with what you are doing. — Продолжайте делать то, что делаете.

2. В составе сложного сказуемого, вторым компонентом которого является герундий (но не инфинитив).

In this manner Perennius proceeded sacrificing numbers of the Senate. — Таким путём Перенний продолжал жертвовать количеством членов Сената.

As the feast proceeded, a discussion arose amongst the banqueters. — Пока продолжался пир, между участниками банкета возник спор [4, с.68].

Литература:

1. Liberman, A. Word origins. Oxford University Press, 2005. — 312 p.
2. Marchand, H. Studies in Syntax and Word-Formation. Munchen, Wilhelm Fink, 1974. — 439 p.
3. Антрушина Г.Б., Афанасьева В.Н. Лексикология английского языка. 6-е изд., стереотип. — М.: Дрофа, 2006. — 287 с. — На англ. яз., Морозова.
4. Аракин В.Д. История английского языка / под ред. М.Д. Резвевой. — 2-е изд. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. — 272 с.
5. Шток Н.А. Когнитивные механизмы формирования новых сложных существительных в современном английском языке. Автореф.дис.канд.филол.наук: 10.02.04 / Моск. гос. лингвист.ун-т. — М., 2008. — 24 с.

К вопросу возникновения, роли в обществе, источниках пополнения молодежного жаргона в русском и китайском языке: сопоставительный аспект

Ван Синхуа, старший преподаватель
Томский государственный педагогический университет

В статье рассматривается проблема возникновения, функционирования и пополнения лексического состава китайского и русского молодёжного социолекта в сопоставительном аспекте. На основании собственного анализа эмпирического материала, а также изучения специальной литературы по теме исследования делается вывод о некоторых общих и различных чертах, свойственных китайскому и русскому молодёжному жаргону.

Ключевые слова: молодёжный жаргон, жаргонизм, китайский и русский молодёжный жаргон, сопоставительный аспект, лингвокультура

Молодёжный жаргон как продукт молодежной субкультуры в представлении русских ученых-лингвистов осмысливается сегодня как языковой феномен, бурно развивающийся в системе национального языка наряду с другими его формами. Об этом свидетельствуют многочисленные работы исследователей (Ю. Н. Никитиной, С. А. Шмачкова, О. В. Цибизовой, О. В. Библиевой, М. Б. Бахтиной и др.), в том числе количество издаваемых специализированных словарей (М. А. Грачёва, Т. Г. Никитиной, В. С. Елистратова, О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, Р. И. Розиной и др.). Жаргонизмы рассматриваются в качестве интереснейшего социокультурного факта, отражающего особенности картины мира молодежи как части социума. Такое понимание далеко от определения жаргона как «испорченного и дурного языка», не представляющего интерес для науки (а именно такой подход наблюдался в XX веке).

Не будет преувеличением сказать, что молодёжный жаргон — это явление, функционирующее в любой языковой системе на протяжении всех ключевых периодов ее исторического развития. Так, в последнее время в связи с произошедшими изменениями в жизни китайского общества стало изменяться соотношение нормированных и ненормированных элементов китайского языка в результате расшатывания языковой нормы. Сегодня учёные едины во мнении: общая тенденция развития большинства языков сведена к их демократизации и жаргонизации. Такая тенденция, несомненно, характерна и для китайского языка, одного из древнейших в мире. Она обусловлена введением в Китае в конце 70-х годов XX века курса реформ во всех сферах национальной жизни и постепенным расширением связей со внешним миром.

Язык отражает реальную действительность во всем ее разнообразии. Особенно ярко это проявляется в строе речи молодежи — молодёжном жаргоне. Молодёжный социолект выступает мощным средством выражения специфики национального склада ума, репрезентирует значимый фрагмент языковой и концептуальной картин мира молодых людей. Отметим, что молодежный жаргон можно считать наиболее динамичной частью социолекта, поскольку именно молодежь всегда активно и инициативно реагирует на изменения в окружающей их жизни. Сказанное выше

в полной мере относится к молодежному жаргону разных языков, несмотря на присутствие ярко выраженной лингвокультурологической специфики.

С целью наиболее объективного исследования сущности такого языкового явления, как жаргон, обратимся к сопоставительному анализу жаргонных систем, функционирующих в речи молодежи Китая и России.

Сопоставительный анализ китайского и русского жаргонов в диахронии позволяет выявить сущностные различия между ними в аспекте генезиса, функционирования, лексического состава и фиксации, а также изучить их характерные особенности, обусловленные условиями функционирования в рамках двух разных лингвокультур.

Возникновение молодёжного жаргона и оформление в качестве подъязыка национальной языковой системы.

Формирование русского молодёжного жаргона начинается с описания языка бурсаков — воспитанников духовных и семинарий XVIII—XIX веков. Юноши обучались в духовных школах, имеющих замкнутый характер. Обособленная и замкнутая жизнь и жёсткое духовное воспитание оставляли неизгладимый след в психике и сознании бурсаков-семинаристов. «В целом своём, — отмечал один из писателей XIX века, — семинаристы составляют совершенно самостоятельное общество, отдельное от всех других обществ или сословий. Они имеют свои, им только свойственные привычки, свои нравы и обычаи, свои игры, песни и шутки, свои предания и легенды, свой взгляд на вещи, своё общественное мнение и даже свой условный язык» [1. с. 68]. Сегодня в лексический состав молодёжного жаргона входят единицы речи учащейся молодежи (школьников, учащихся ПТУ, студентов техникумов и вузов), солдат и матросов срочной службы, представителей неформальных молодёжных объединений: хиппи, панков, металлистов, фанатов и проч., жаргоны молодых людей, объединённых общими интересами как в спортивном, так и в компьютерном отношении (подробнее: [2]).

Китайский молодёжный жаргон находится на этапе своего исторического формирования. Термин обозначает широко употребляемые представителями молодежи особые — модные — единицы речевого общения. В настоящее время это понятие приравнено в своем

осмыслении к представлению о «молодёжном интернет-сленге», создателем и носителем которого выступает молодежь [3].

В этом отношении содержание термина «русский молодёжный жаргон» намного шире и богаче, чем применительно к китайскому эквиваленту. Предположительно можно утверждать, что на сегодняшний момент в состав китайского молодёжного социолекта в основном входит интернет-сленгизмы — такие единицы, которые являются составной частью любого национального языка, вернее, компонентом социального подязыка последнего.

Функции молодёжного жаргона.

О. А. Анищенко выделяет следующие функции русского молодёжного жаргона: коммуникативная, адаптивная, функция преодоления страхов, протеста, самоутверждения, опознавательная, интегральная, дезинтегративная, конспиративная, номинативная, эмоционально-оценочная, экспрессивная, смеховая, эстетическая, творческая, функция экономии речевых средств, мировоззренческая [4]. Другими учеными данный перечень функций жаргонных слов дополнен за счет выделения посреднической функции [5], функции снижения стилистического уровня [6], функции выброса в речь избыточной энергии [7].

По сравнению с русским аналогом китайский молодёжный жаргон выполняет намного меньше функций. Ученые-китаисты отмечают в этом плане следующие: творческую, игровую, номинативную, эмоционально-оценочную, экспрессивную, смеховую, функцию экономии речевых средств, функцию самореализации, функцию нарушения социальных и языковых запретов [3]. Отметим, что состав функций молодёжного жаргона не остаются неизменным. Как подчеркивает О. А. Анищенко, число функций с течением времени может увеличиваться или сокращаться; меняется и их иерархия [4]. Некоторые функции в определённых сферах коммуникации могут оказываться ведущими. В числе актуальных и для китайского, и для русского молодёжного жаргона можно обозначить следующие функции: номинативная, эмоционально-оценочная, экспрессивная, смеховая функции. Функций, реализуемых русским молодёжным жаргоном в обществе, больше, что отражает разные пути развития молодёжного жаргона в китайской и русской лингвокультурах.

Источник пополнения лексического состава молодёжного жаргона и способы образования его единиц.

Литературный язык является одним из наиболее значительных источников жаргонной лексики в молодёжных социолектах обоих сравниваемых языковых системах. Жаргонизмы, как правило, «являются стилистическими дублетами литературных слов» [8, с. 35]. Переосмысление значения имеющихся в литературном языке слов является максимально эффективным и продуктивным способом создания жаргонных единиц на основе метафоризации и метонимизации.

Например, такие китайские молодёжные жаргонизмы как «单身狗 (*dān shēn gǒu*): «狗» (*gǒu*) в китайском языке значит «собака», в прямом смысле одинокая собака, в переносном обозначается бедный холостяк или незамужняя девушка», «小鲜肉 (*xiǎo xiān ròu*): «鲜肉» (*xiān ròu*) обозначает свежее мясо, в переносном обозначается звезда шоу-бизнеса мужского пола (с 13 до 30 лет)», «恐龙 (*kǒng lóng*): «динозавр», о очень страшной девушке», «青蛙 (*qīng wā*): «лягушка», о очень страшном парне», «包子 (*bāo zi*): «манты», некрасивый человек, или его внешность похожа на манты», «网虫 (*wǎng chóng*): «интернетный червяк», люди, которые очень часто сидят в интернете», «菜鸟 (*cǎi niǎo*): «птица на блюде» новичок в какой сфере» (примеры взяты из источника: [9]).

В лексическом составе русского молодёжного жаргона примерами создания жаргонизмов на основе изменения семантики литературных слов могут служить такие единицы, как слова, именующие лица женского пола: как «кобыла», «крыса», «овца», «швабра» и пр.; части тела: голова это — «балда», «башня», «крыша», «кумпол», «тыква», «репа»; лицо — «табло», «торец» и пр. [2].

Жаргон является наиболее открытой подсистемой национального языка. Он не только заимствует единицы из литературного языка, но также из просторечия, диалектов, иностранных языков. Особый интерес представляют случаи англоязычных заимствований в молодёжном жаргоне. Причина множественных заимствований англицизмов заключается в понимании особого статуса английского языка как средства межнационального и межкультурного взаимодействия. Существующее сегодня единое медийное пространство также создает благоприятные условия для активного вхождения единиц английского языка в жаргонные подсистемы как китайского, так и русского жаргонов. Приведем примеры: «粉丝 (*fān sī*, фанат)», «吧 (*bar*, бар)», «酷 (*cool*, крут)», «秀 (*show*, шоу)», «拜拜 (*Goodbye*, пока (= до свидания!))», «哈罗 (*Hello*, привет)», «迪斯科 (*disco*, дискотека)», «派对 (*party*, тусовка, вечеринка)» (примеры взяты из собственного речевого опыта) (примеры взяты из источника: [9]).

В русском молодёжном жаргоне бытуют такие молодёжные жаргонизмы-англицизмы, как «бакс (доллар)», «бойфренд (ухажёр)», «лайф (жизнь)», «мани (деньги)», «мэн (мужчина)», «пилл (человек)», «фан (фанат)», «форин (иностранец)», «фэйс (лицо)», «хайр (волосы)» и пр.

В связи со спецификой государственного строя в лексическом составе китайского молодёжного социолекта отсутствуют единицы, пришедшие из криминального мира — арготизмы. Молодёжный социолект воспринимается как лексика ограниченного употребления, в основном он употребляется в общении в сфере Интернета. В соответствии с жёсткими требованиями цензуры в Китае очень

редко сталкиваются с единицами молодёжного жаргона в других сферах общения. Китайское правительство ведёт непрерывную борьбу с «засорением» национального языка жаргонными единицами.

Сегодня в русском обществе ситуация совсем иная: жаргон охватывает все сферы жизни, проникает в состав литературного языка. Жаргонизация речи русского общества тотальна. Единицы лексики молодых представителей социума сопрягаются в их потоке речи с лексическими единицами других жаргонов и аргослов (жаргоном наркоманов, гопников, лагерно-тюремный жаргоном и пр.) Например, частотны по своему употреблению такие жаргонизмы, как «балдеть», «беспредел», «кайф», «кайфовать»,

«крутой», «косяк», «косячить», «крыша», «мент», «наезд», «разборка» и пр.

Таким образом, с учётом наблюдающейся в современном мире глобализации политических, экономических и социальных процессов, сопоставительное изучение разных лингвокультур в аспекте соотношения их социальных подязыков даёт возможность выявить как тенденции, общие для ряда языковых систем, так и направления развития, характерные для отдельных языковых систем. Сопоставительный анализ позволяет также углубить представление о сущности феноменов «жаргон», «жаргонизм» как элементов лингвокультуры, отражающих важный фрагмент концептосферы того или иного народа.

Литература:

1. Анищенко О. А. Из жизни семинарской / О. А. Анищенко // Русская речь. — 1997. — № 2. — С. 66–71.
2. Грачев М. А. Словарь современного молодёжного жаргона / М. А. Грачев. — Москва: Эксмо, 2006. — 704 с.
3. URL: <http://www.ixueshu.com/document/90f3859acceacbbd318947a18e7f9386.html> (дата обращения: 14.03.2017)
4. Анищенко О. А. Генезис и функционирование молодёжного социолекта в русском языке национального периода: монография / О. А. Анищенко. — Москва: Флинта, 2010. — 280 с.
5. Грачёв М. А. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода: язык молодёжи / М. А. Грачёв, Т. В. Романова. — Нижний Новгород: Книги, 2008. — 255 с.
6. Измайлова В. К. Сленг как явление в языковой картине мира / В. К. Измайлова / Науки о человеке, обществе и культуре: история, современность, перспективы. — Комсомольск-на-Амуре: Изд-во ГОУ ВПО «КнАГТУ», 2007. — С. 72–75.
7. Елистратов В. С. Сленг как пассиолалия [Текст] / В. С. Елистратов // Вестник МГУ. — Сер. 19. Лингвистика и международная коммуникация. — М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2000. — № 4 — С. 43–48.
8. Емельянова О. Н. Внелитературная лексика // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 33–36.
9. Ван Синхуа. Жаргонизмы в речи китайской молодёжи: опыт лингвокультурологического описания / Ван Синхуа, А. В. Курьянович // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). — № 3 (166). — 2016. — С. 9–14.

Language picture of the world

Ivanova Svetlana Anatolievna, teacher;

Toleubekova Assem Toleubekovna, master of pedagogical sciences, teacher;

Tugambekova Marksiana Alpysbaevna, teacher

Karaganda state technical University

This article examines the language picture of the world as a derivative of the national mentality. As an example, uses a language picture of the world of carriers of the Russian, Kazakh and Chinese languages.

Keywords: *Language, language picture of the world, the national mentality*

Иванова Светлана Анатольевна, преподаватель;

Толеубекова Асем Толеубековна, магистр, преподаватель;

Тугамбекова Марксиана Алпысбаевна, преподаватель

Карагандинский государственный технический университет (Казахстан)

Language is the most valuable source for the formation and manifestation of the mentality of the people, through it the culture is preserved and passed on to other generations.

With the help of language, you can learn the most important properties of the world. It displays not only the real world surrounding the human, conditions of his life, but also the

social consciousness of the people, its mentality, national character, lifestyle, traditions, customs, system of values. Language is a treasure trove of culture as a whole.

Language as cultural phenomenon, description of it's from this position requires attention to characteristics of the national mentality and their reflection in the lexicon, phraseology, speech, etiquette and ethical concepts, in the nature of discursive activity of the bearer of a certain culture. Language picture of the world is a reflection of the overall national view of the world, including the configuration of the values of the concepts most associated with the ideals of society, or mental phenomena of the external world, received the most positive evaluation of members of society. Among the main functions of language, many linguists distinguish the so-called national-cultural function.

A. A. Leontiev wrote: "Language reflects and reinforces reality, abstract concepts, etc., used historical past of the people who owed their existence to the specific conditions of the employment, social, and cultural life of the people" [3]. It should be noted that the linguistic and cultural characteristics of worldviews, culture and way of thinking first began to be considered in the aspect of philosophy and logic. The term "world picture" was introduced by Ludwig Wittgenstein in "Tractatus Logico-philosophical treatise", which believed that thinking is speech the nature and essentially is an activity with signs [2].

Language picture of the world, originating as a metaphor, is now one of the basic concepts of linguistics. Language picture of the world is the way of worldview people through the prism language [2].

Man perceives the world and himself with their language, which reflects the whole socio-historical experience. This experience applies not only national and universal, and the national experience, which brings specific features in each separate language. Through their own language, media adopt a specific linguistic picture of the world, which generates a person a certain attitude to the world around him. Also language picture of the world sets human standards of behavior which define man's relation to the world and an integral system of views of native speakers.

Thus, we can say that language not only conveys information, it saves, but creates an internal organization that is subject to transfer.

Faced with the linguistic picture of the world of foreign language, we are thus confronted with its culture, national mentality, specific way of thinking of native speakers. So the question arises, which bears primary: language picture of the world and national mentality and character of the speakers of the language picture of the world? Cultural and community traditions, historical events, external conditions of existence (geography, climate, natural) community and originated form the basis of the national character and mentality.

In the future, these specific features of the nation and national mentality get in their national language in their linguistic picture of the world, secured and fixing there

forever. All of these habitats can vary, but the national character as embodied in the language world picture of the nation, will continue to be passed from one generation to the next, presenting new generations of already established and formed mental specifics of world perception. When the child masters its language, he perceives the world around him on the language level, thereby mastering the language picture of the world inherent in directly only to speakers of his language.

Special national mentality is reflected in everything: in the semantics of lexical units, in the presence of certain grammatical categories and values, the design of syntactic and morphological structures, the peculiarities of word-formation models of language, and so on [3].

Let me show you an example of how different Nations greet. For example, in Kazakh language at the meeting say, "Salemetsiz be?" is literally can be interpreted as "Are you healthy?". In the Russian national picture of the world the word "Zdravstvuite!" — means "How is your health?". It can be concluded that health was the most important in Turkish and the Slavic world picture. And the traditional greeting of the Chinese is "你吃了没?", which translates: "did you eat?". This unusual method of greeting makes us think over its causes. Currently, we are using all of these greetings; almost do not think about their original meaning. Language picture of the world establishes and keeps even those features of the national mentality, which may or may not remember the people themselves.

We wondered why the Chinese people are paying so much attention to food? They say that such special attention to food due to the fact that the Chinese in their long history, often hungry and almost always malnourished. It is known that droughts, floods, locusts and plague periodically plagued the Chinese population. According to scientists, in the period of time between 108 BC and 1911 China had about 1828 food disasters. In lean years, the Chinese had to eat poisonous acorns, stone chips and other inedible components. The poor in China called "need food", which wandered with empty bowls to cities in the hope of getting something edible. Even the Western missionaries noted that the rate of learning the Chinese language often begins with the words "food" and "food".

It was also noted that many farmers sold their children for food, this fact is often mentioned in history, and is reflected in many literary works of China [1].

However, historical problems and hunger are not the only reason for such attention to food. Food for the Chinese is a real pleasure in life, as one Chinese thinker: "If we do something, and seriously, it is not for religion and not for knowledge and food". Chinese people openly acknowledged that they live to eat. Concepts such as "belly", "food", "meals" are often referred to in communication between people, in literary works, and just have been glorified throughout history [1].

On the Chinese pages of such famous works as "the water margin", "Dream of the red chamber" often there are detailed descriptions of the processes of a wide variety of dishes.

It is known, for example, that the mental activities of man has a direct relationship to his head, but according to Chinese tradition, his erudition and knowledge are placed in the human stomach. In Russian language you can often hear the expression in this paragraph of His “head is full of ideas” [3], in China, there are statements such as “essay competition, a Belly full” or “Belly full of letters” [1]. The Chinese equivalent of the phrase “poraskinut brains” and “breaking my head” will be the phrase of the paragraph, “to move your dry guts” [1] and the Kazakh people have the analogue of the expression “Breaking my head” is the phrase “freezing my head”.

According to F. I. Buslaev, idioms are a kind of microcosms, which contain “and the moral law, and common sense, expressed in a brief dictum, who bequeathed ancestors guide their descendants” [4]. Phraseological units, as fragments of the linguistic picture of the world, not just describe the world, and appreciate interpretiruya and Express to him the subjective attitude. V. N. Teliya says that the phraseological composition of language is “a mirror in which linguistic and cultural community identifier their national identity” [4]. In the language provides information about the history, culture, customs, traditions, way of life of the people and so.

References:

1. Bazhanov E. P. Edible dragons. The secrets of Chinese cuisine. — M.: Vostok-Zapad, 2008. — 128 p.
2. Maslova V. A. Cultural Linguistics. — M., 2001. — 208 p.
3. Sepy E. Language, race, culture // Selected works on linguistics and cultural studies. — M.: Progress. — 656 p.
4. Teli V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. — M.: School “Languages of Russian culture”, 1996. — 288 p.
5. URL: <http://kaz-tili.kz>.

Also the love of food we can see in phraseology. For example, the Chinese expression “生” can be literally translated as “rice it raw”. It carries the meaning that the effects are difficult to fix after you have something bad started to do. The idiom “生米煮成了熟” — “uncooked rice after cooking is ready” — means that “what is done can’t change” [1]. The above idioms are once again confirmed to us the fact that a significant role in Chinese life plays food, as well as the concept of “rice”. In the Russian language is found in the analogy of the idiom “Made — can not be undone”, “the same river twice not enter”. The value of this expression can be characterized by the fact that the river is a changing object in one place it’s slow, the other fast. The past will forever remain in the past and in the Kazakh language equivalent of this idiom can be considered the expression “Dead can’t come back”. Thus, we can conclude that the language and culture is directly associated with the ethnic worldview. Each language reflects a certain method of perception and the structure of the world. Cross-language comparison revealed a universal and ethno-specific in the language picture of the world in Chinese, Russian and Kazakh peoples.

Термины и терминологические словосочетания как маркеры вторичного текста в англоязычном научно-техническом дискурсе (сфера оптоволоконной техники)

Конькова Инна Игоревна, аспирант, ассистент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (г. Саранск)

В данной статье термины и терминологические словосочетания рассматриваются как маркеры вторичного текста в англоязычном научно-техническом дискурсе. Анализируется природа терминологического словосочетания и его функции.

Ключевые слова: научно-технический дискурс, вторичность, вторичный текст, термин, терминологическое словосочетание

Научно-технический дискурс является разновидностью научного, наравне с собственно-научным (академическим), научно-учебным, научно-информационным, научно-разговорным и научно-публицистическим [4]. Любой научно-технический текст наполнен терминологией, исследование которой осуществляется как лингвистами, так и терминоведами.

Цель данной статьи заключается в анализе особенностей функционирования терминов и терминологических

словосочетаний как маркеров вторичного текста в англоязычных текстах письменного научно-технического дискурса (сфера оптоволоконной техники). Для достижения указанной цели решался ряд конкретных задач. Во-первых, определение терминов: «вторичность» и «вторичный текст»; во-вторых, рассмотрение понятий «термин» и «терминологическое словосочетание (ТС)» как маркеров вторичного текста; в-третьих, выявление функций терминов и терминологических словосочетаний в научно-техническом

дискурсе. Материалом исследования послужили статьи научно-технического дискурса. Объем исследуемого материала составил 256 страниц [10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20]. Методом сплошной выборки были выделены 232 термина и ТС.

Вопросы вторичности занимали многих ученых: М. М. Бахтина [1], В. И. Карасика [5], А. И. Новикова [8], Н. Л. Сунцову [8], Н. П. Пешкову [9], Н. М. Нестерову [7] и др. По мнению Н. М. Нестеровой, категория вторичности носит относительный характер, так как тот материал, созданный автором первичного текста был детально им исследован, а уже после повторно проанализирован автором вторичного текста. Она указывает: «Текст не может быть абсолютно первичным, он есть совокупность (мозаика) маркированных и немаркированных цитат» [7, с. 95]. Н. М. Нестерова полагает, что первичный текст играет роль «отправного для конкретного акта вторичной текстовой деятельности» [7, с. 2–3]. А. И. Новиков и Н. Л. Сунцова предлагают такое определение: «вторичным текстом является такое вербальное образование, которое порождается в результате развертывания определенных ментальных структур (ключевых слов, темы и т. п.), являющихся результатом осмысления и понимания первичного текста и отражающих в свернутом виде основное его содержание» [8, с. 166]. В данной статье под вторичным текстом понимается письменный научно-технический текст, созданный путем аналитико-синтетической переработки текстов-первоисточников, содержащий ряд цитат и ссылок на последние, а также включающий себя термины и ТС, введенные в язык учеными и исследователями, не являющимися авторами рассматриваемого текста.

Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин делят все языковые средства выражения специальных понятий на термины-слова и (термины-словосочетания) ТС [2]. Как известно, имеется большое число определений термина. Исходя из их анализа существующих определений термина, в данной статье под термином понимается лексическая единица языка (слово или словосочетание), которая обозначает некое понятие и функционирует в тесной взаимосвязи с другими терминами, образуя при этом терминосистему. ТС является широким понятием, поэтому в научной литературе можно найти много определений, каждое из которых подчеркивает отдельную его особенность. Наиболее оптимальным представляется следующее: «ТС — это раздельнооформленное, семантически целостное сочетание, образованное путем соединения двух, трех и более компонентов, связанное с конкретным понятием науки и техники» [6, с. 5]. ТС выражает составное, но, в то же время, единое понятие в определенной сфере. ТС возникают при добавлении к термину видовых понятий. Другими словами, они представляют собой свернутые определения, которые относят понятие к общему, но одновременно указывают на его отличительные признаки.

Все ТС, исходя из количественного состава, делятся С. В. Гринев-Гриневичем на двухсловные, трехсловные

и многословные (имеющие в своем составе четыре и более слов) [3, с. 62]. Помимо количественного анализа существует анализ характера связи между компонентами ТС. Согласно последнему признаку двухсловные терминологические словосочетания делятся на следующие группы: Adj+N; N+N; N+prep+N; Adj+Adj; N+Part II; Adj+Part II; Num+N; Adv+Adj; N+Adj.

Тексты научно-технического дискурса изобилуют терминами и ТС, при этом последние получили наибольшее распространение по сравнению с терминами, состоящими из одной лексемы. Так, термины встречаются во всем корпусе текстов только в 5% случаев, все остальное приходится на ТС. Такое употребление можно объяснить усложнением терминов и акселерацией научного знания. Одного термина (даже составного по структуре) оказывается недостаточно для предоставления полной и исчерпывающей информации. В это же время, ТС — это возможность избежать объемного описательного оборота и донести идею в краткой и одновременно в понятной форме, т. е. функционально ТС направлены на компрессию информации, на передачу большего объема информации при меньшем количестве лексем. Если исходить из количественного состава ТС, то, как показал анализ текстового материала, частотность употребления двухсловных (30%), трехсловных (36%) и многословных (29%) конструкций примерно одинакова.

История создания и использования оптического волокна в различных областях многоступенчатая. Она уходит корнями к 1790 г., когда Клод Шапп создал оптический телеграф, однако прорыв в данной сфере произошел только в 1970 г., когда компания Corning получила оптическое волокно со ступенчатым профилем показателя преломления. В точности нельзя установить, кем именно был введен термин «fiber». Тем не менее, он получил широкое распространение в текстах научно-технического дискурса. При этом от первоначального термина «fiber» образовалось большое число ТС. Так, от термина «fiber» возник ряд следующих производных, представляющих собой ТС:

- *single fiber pair* [11, p. 15] — трехсловное;
- *fiber array with hexagonal ring distribution* [15, p. 226] — многословное;
- *coupled fiber cavities* [15, p. 226] — трехсловное;
- *fused-silica fiber* [15, p. 230] — трехсловное;
- *dispersion compensation fiber (DCF)* [12, p. 11] — трехсловное;
- *erbium-doped fiber amplifier* [19, p. 416] — многословное;
- *infrared optical fiber* [20, p. 290] — трехсловное;
- *optical fiber sensors* [20, p. 290] — трехсловное;
- *transmission fiber* [10, p. 124] — двухсловное, N+N;
- *optical fiber sensors* [14, p. 300] — трехсловное.

Что касается термина «laser», то в отличие от термина «fiber», можно точно сказать, кем он был введен в употребление. В 1858 г. независимо друг от друга лазер был изобретен американскими учеными А. Шавловым и Ч. Г. Таунс и русскими исследователями А. М. Прохоровым

и Н. Г. Басовым. На этом изучение лазера не закончилось, появлялись новые разработки, что обусловило появление большого числа производных ТС от первоначального термина. В числе их:

- *fiber laser* [15, p. 226] — двухсловное, N+N;
- *solid-state laser* [15, p. 226] — трехсловное;
- *single-mode fiber laser* [15, p. 226] — многословное;
- *laser diodes* [17, p. 419] — двухсловное, N+N;
- *laser pump light* [10, p. 122] — трехсловное;
- *laser-diode chips* [18, p. 173] — трехсловное;
- *linear lasers* [13, p. 201] — двухсловное, Adj+N;
- *femtosecond laser* [16, p. 217] — двухсловное, Adj+N;
- *mode-locked fiber laser* [16, p. 216] — многословное.

Следовательно, на примере ТС, образованных от терминов «laser» и «fiber» можно наблюдать процесс усложнения, развития и формирования нового понятия. При этом важно отметить, что ни один из вышперечисленных примеров не сопровождается упоминанием имени ученого, который ввел данный термин. Помимо этого, указанные ТС не являются продуктом авторов статьи. Они демонстрируют, что используются в текстах не впервые. Другими словами, тексты, содержащие их, по своей природе являются вторичными. Тем не менее, встречаются примеры, когда указывается авторство метода или устройства. Однако при анализе текстового материала был выявлен только один случай указания на имя собственное.

Пример 1. *The joint iterative detection and decoding (JIDD) technique has been produced by Barbieri et al. (2007) with the objective of compensating the time-varying phase noise and constant frequency offset experienced in satellite communication systems* [12, p. 5]. В данном фрагменте текста используется многословное ТС, которое обозначает метод исследования. Автор анализируемой статьи отсылает к более ранней работе других

ученых, которые занимались данной проблемой. При этом он упоминает не только результат их исследования, отразившейся в работе *Joint iterative detection and decoding in the presence of phase noise and frequency offset*, написанной итальянскими исследованиями Аланом Барбьери, Джулио Колавалпе и Джузеппе Кайре. Упоминание имен этих исследователей в тексте статьи, возможно, связано с желанием автора высказать уважение ученым-первопроходцам в этой области, то есть, употребление антропонимов преследует этикетную цель.

Таким образом, по результатам анализа употребления терминов и ТС в текстах научно-технического дискурса были сделаны следующие выводы:

- 1) термины и ТС, используемые в текстах научно-технического дискурса, не принадлежат авторству создателей этих текстов. Они были введены другими учеными, чьи имена зачастую не известны, так работа над какой-либо проблемой могла вестись в научно-исследовательском центре или лаборатории несколькими учеными, то есть, создание изобретение приписывалось какой-либо организации, без уточнения имен его разработчиков;
- 2) термины и ТС выступают маркерами вторичного текста;
- 3) в отдельных случаях термины и ТС сопровождаются именами ученых, проводивших исследование в данной сфере, благодаря чему реализуется этикетная функция;
- 4) ТС выступают средством сжатия информации и позволяют избегать длинных описательных конструкций, то есть выполняют компрессионную функцию;
- 5) из-за увеличения объема научного знания и усложнения научных понятий от первоначального термина образуется целый ряд ТС;

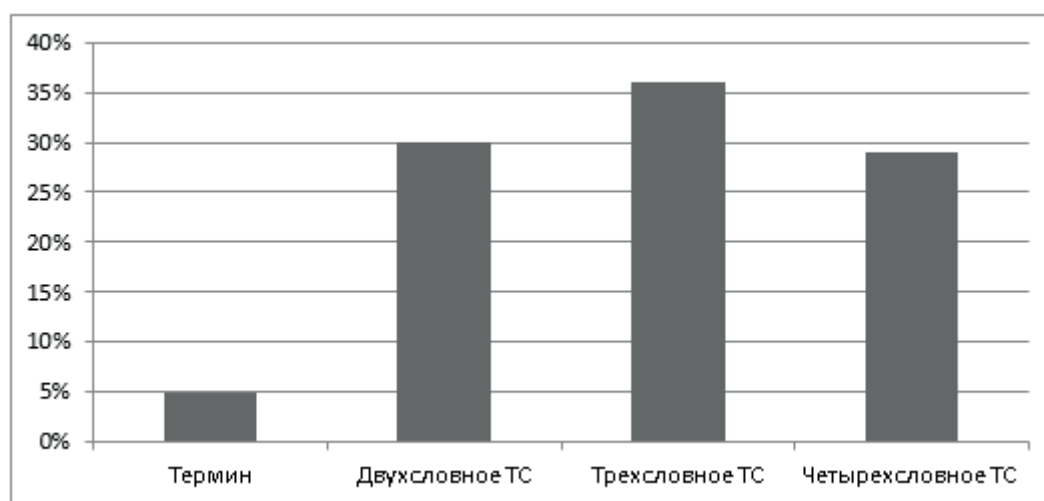


Рис. 1. Частотность употребления терминов и ТС

6) как видно из Рис. 1, в текстах научно-технического преобладают терминологические словосочетания

над однословными терминами, что связано с постоянным прогрессом и возникновением новых научных

сведений в сфере оптоволоконной техники и необходимо номинировать новые понятия, явления и объекты. Но вместе с тем напрашивается еще один вывод — в языке жестко действует закон экономии, структурный закон язык «стоит на страже» и не допускает расточительности в создании новых номинативных единиц при возможности более экономно пользоваться уже имеющимися.

Литература:

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1982. — С. 281–307.
2. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах: уч. пособие. — М.: Высшая школа, 1987. — 105 с.
3. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 304 с.
4. Карасик В. И. О типах дискурса. // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5–20.
5. Карасик В. И. Типы вторичных текстов // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Тезисы докладов научной конференции. — Волгоград: Перемена, 1997. — С. 69–70.
6. Кудрявцева И. Г. Особенности формальной структуры и семантические характеристики терминологических словосочетаний (на материале английской и русской специальной лексики научно-технической области «Интернет»): автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 2010. — 21 с.
7. Нестерова Н. М. Вторичность как онтологическое свойство перевода. — Пермь: ПГТУ, 2005. — 203 с.
8. Новиков А. И., Сунцова Н. Л. Концептуальная модель порождения вторичного текста // Обработка текста и когнитивные технологии. — 1999. — № 3. — С. 158–166.
9. Пешкова Н. П. О содержании и смысле текста в связи с проблемами его понимания и перевода // Теория и практика перевода и проф. подготовки переводчиков. — Пермь: ПГТУ, 2005. — С. 35–37.
10. Baney D. M., Gallion P., Tucker R. S. Theory and measurement techniques for the noise figure of optical amplifiers // Optical fiber technology. — № 6. — 2000. — PP. 122–154.
11. Beauvils J. — M. How do submarine networks web the world? // Optical fiber technology. — № 6. — 2000. — PP. 15–32.
12. Castrillon M. A., Morero D. A., Agazzi O. E., Hueda M. R. On the performance of joint iterative detection and decoding in coherent optical channels with laser frequency fluctuations // Optical fiber technology. — № 24. — 2015. — PP. 5–14.
13. Dobrev D., Jordanova L. Noise and distortions limitations in the design of HFC CATV systems // Optical fiber technology. — № 12. — 2006. — PP. 196–204.
14. Gafsi R., El-Sherif M. A. Analysis of induced-birefringence effects on fiber Bragg gratings // Optical fiber technology. — № 6. — 2000. — PP. 299–323.
15. Li Y., Qian L., Lu D., Fan D., Wen S. Coherent and incoherent combining of fiber array with hexagonal ring distribution // Optical fiber technology. — № 15. — 2009. — PP. 226–232.
16. Nakazawa M., Tamura K., Kubota H., Yoshida E. Coherence degradation in the process of supercontinuum generation in an optical fiber // Optical fiber technology. — № 4. — 1998. — PP. 215–223.
17. Pachnicke S., Özdür S., Griesser H., Fürst C., Krummrich P. M. Sensitivity to signal quantization of 43 Gb/s and 107 Gb/s optical 16 QAM OFDM transmission with coherent detection // Optical fiber technology. — № 15. — 2009. — PP. 414–419.
18. Priyadarshi A. Fen L. N., Mhaisalkar C. G., Kripesh V., Asundi A. K. Fiber misalignmen in silicon V-groove based optical modules // Optical fiber technology. — № 12. — 2006. — PP. 170–184.
19. Sharma M., Ibe H. Optical lattice-type add-drop multiplexing filters and their use in WDM Networks // Optical fiber technology. — № 4. — 1998. — PP. 117–134.
20. Singh V., Prasad B., Ojha S. P. Weak guidance modal analysis and dispersion curves of an infrared lightguide having a core cross section with a new type of asymmetric loop boundary // Optical fiber technology. — № 6. — 2000. — PP. 290–298.

A new approach to distinction between polysemy and homonymy

Muminov A.M.

Uzbek state University of world languages

The present article is devoted to the study of distinction between polysemy and homonymy. Comparing points of views for the difference between polysemy and homonymy the author concluded that this problem has not solved yet. The investigation showed that the semantic definition of words may be in most cases the criterion for the distinction between polysemy and homonymy. Another criterion for the border-line of polysemy and homonymy may be the substitution of different meanings of words by the synonyms.

Key words: demarcation, criteria, approach, synchronic, semantic definition, meaning, semantic component, substitute, compiling dictionaries, polysemy, homonymy

Муминов Аман Муминович, кандидат филологических наук, профессор

Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

The problem of distinction between polysemy and homonymy is a subject of discussion among the linguists (V. Abayev, G. Y. Knyazeva, A. Y. Shaykevich, G. Torjinskaya, M. A. Kashcheyeva [1–7] and others). The settlement of this problem is very crucial for compiling dictionaries.

V. Abayev [1.] gave etymological criterion for the difference of homonymy and polysemy. He says homonyms are words, which have different sources and coincide phonetically. For example: *race*₁ (O. N. ras), *race*₂ (F. race).

M. A. Kashcheyeva [2.] argues that “...the trouble of today is, however, that lexical homonyms often enough come together with polysemy. There is no hard and fast line of demarcation between the meanings of a polysemantic word and lexical homonymy. For instance, there is hardly any semantic connection in Modern English between *nail*₁ — коготь and *nail*₂ — гвоздь. Notwithstanding the fact is that both of them may be traced back to different meanings of one and the same word”.

Polysemy and homonymy are semantic phenomena that can be met in our everyday language. Working out the distinction between polysemy and homonymy linguists usually write that polysemantic words possess two or more related meanings but homonyms possess two or more unrelated meanings.

Dictionaries' definition of these phenomena is based on two criteria: first, the word's etymology, second, the word's core or basic meaning. One single entry is given for the meanings of polysemantic words in a dictionary as the compilers believe that these meanings have originated from the same historical source and connected with the core meaning, i. e. they share one semantic component. But each homonym receives a separate entry in a dictionary and they have arisen from different historical sources and do not possess a shared core meaning.

This article argues for various weaknesses in this approach. We think that the historical origin of a word cannot always be criterion for distinction between polysemy and homonymy. It is also unclear how far back in history one must go in order to define the correct origin of the word. Besides, most of us know, language learners don't always have access to etymological information.

Thus, the theories and research aimed at distinguishing between polysemy and homonymy are conflicting. The approach used by dictionaries for the distinction between polysemy and homonymy is also debatable.

Spelling of words can't be also enough as a criterion for the distinction between polysemy and homonymy because, for example, “here” and “hear” come from different roots, and “run” as in “I want to run away” and “run” as in “he runs the company now” come from the same root.

So, spelling is also cannot be a border-line for synchronic difference between homonymy and polysemy.

Our investigation showed that the semantic definition of words may be in most cases the criterion for the distinction between polysemy and homonymy. The analysis of the definitions of words supports our point of view. For example:

a. Table:

- 1) *table*₁ — piece of furniture consisting of a flat top with (usu. four) supports (called legs);
- 2) *table*₂ — (sing, only) people seated at a table;
- 3) *table*₃ — (sing, only) food provided at a table;
- 4) *table*₄ — list of orderly arrangement of facts, information, etc. (use in columns).

We'll explain the second and the third meanings of the word “table” by substituting them with the help of the definition of the first meaning:

- 1) *table*₂ — people seated at a piece of furniture;
- 2) *table*₃ — food served at a piece of furniture. So these two meanings of the word “table” are the meanings of one word “table” because they can be substituted by the first meaning. The fourth meaning “*таблицца*” can't be substituted by the first meaning (list — number of names, persons, words written or printed) This gives us the right that the fourth meaning of the word “table” is the homonym to the previous three meanings.

Another example:

b. Beam:

- 1) *beam*₁ — long horizontal piece of squared timber or of steel supported at both ends, used to carry the weight of a building etc.;

2) beam₂ — horizontal cross timber in a ship, joining the sides and supporting the deck (s), the greatest width of a ship;

3) beam₃ — crosspiece of a balance, from which the scales hang;

4) beam₄ — ray or stream of light.

The first, second and third meanings of the word “beam” are defined by the common semantic component and may be defined with the words “horizontal and “timber” and they are transformed by the first meaning of the word. But the fourth meaning of this word has no common semantic component with the first, second and third meanings (stream — steady flow (of light): light — that which makes thing visible). So, the fourth meaning is a homonym to previous meanings.

We would like to point out another criterion for the border-line of polysemy and homonymy. We think the substitution of different meanings of words by the synonyms may also help to differ homonyms from polysemantic words.

References:

1. В. И. Абаев О подаче омонимов в словаре. Вопросы языкознания, 1957. — № 3. — С. 31–4.
2. М. А. Kashcheyeva, I. A. Potapova, N. S Tyurina Practical English Lexicology. — Prosveaschenu, 1977.
3. Князева Г. Ю. Источники омонимии в английском языке Текст / Г. Ю. Князева // Ученые записки 1 МГПИИЯ. М., 1959. — Т. 29. — С. 283–298.
4. П. М Карашук. Словообразование английского языка. — М: Высшая школа, 1977. 303с.
5. Т. И. Красикова Развитие омонимии в среднеанглийский период // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 1. С. 62–64.
6. Г. Ф. Торжинская. Пути развития генетически не связанной омонимии в английском языке XVIII–XX вв. [Текст]: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. (02.04) / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. — Москва: 1972. — 20 с.
7. А. Я. Шайкевич Дистрибутивно-статистический анализ текстов: автореф. дис. д-ра филол. наук. Л., 1982.

Философско-психологические предпосылки изучения феномена адресата в гуманитарных исследованиях

Сардалова Луиза Рамазановна, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В статье рассматривается комплексный философско-психологический аспект исследования феномена адресата в рамках современной гуманитарной парадигмы. Автором обозначается наличие определенных теоретических лакун данной области, а также делается попытка представления дефиниций адресата с точки зрения обозначенных дисциплин. Указывается необходимость проведения дальнейших исследований в области когнитивно-дискурсивной актуализации феномена адресата.

Ключевые слова: адресат, философский аспект, психологический аспект, интерпретация, антропоцентр, коммуникация

Коммуникация как сложное и многоаспектное явление уже давно находится в фокусе внимания каждого естественнонаучного или гуманитарного направления, так или иначе связанного с необходимостью обмена или распространения информации с привлечением разного рода символов [1; 2]. Любая передача информации, вне

For example:

1) voice₁ — sounds uttered in speaking (sound);

2) voice₂ — mode of uttering sounds in speaking (sound);
voice₃ — the vibration of the vocal cords in sounds uttered (“sound”);

3) voice₄ — the form of the verb that express the relation of the subject to the action.

We consider that voice₁ — voice₂ — voice₃ are not homonyms although they have different meanings because they can be substituted by the synonym “sound” as far as voice₄ is concerned, it is a homonym because it cannot be substituted by the word “sound”

In summary it is necessary to point out that more detail study of the border-line of polysemy and homonymy helps to improve compiling dictionaries and quality of learning foreign languages.

зависимости от ее свойств и характеристик, прежде всего предполагает наличие двух антропоцентров коммуникативной ситуации, без которых сам процесс коммуникации не представляется возможным: адресант и адресат [3–5].

Проведенный нами анализ широкого диапазона теоретических источников различных дисциплин гуманитарной

направленности позволил заключить, что категория адресата как неотъемлемый компонент общей структуры терминологического и понятийного аппарата ярче всего представлена в философии, психологии, социологии, политологии, имиджологии, журналистике и семиотике. Именно в таком порядке мы и будем рассматривать понимание каждой дисциплины относительно феномена адресата.

Несмотря на то, что сама дихотомия «образ автора» <=> «образ адресата» была заимствована из литературоведения, обращение к проблеме реципиента при осуществлении коммуникативного акта имеет гораздо более глубокую историю. Изначально проблема взаимодействия автора и адресата представляла собой оппозицию «я-ты» и была одной из центральных дискуссионных тем философии XX века, о чем свидетельствуют труды Г. Марселя, Ф. Эбнера, А. Шопенгауэра и М. Бубера [6, с. 7]. Однако для более детального понимания философской интерпретации представленной дихотомии следует рассмотреть процесс коммуникации в рамках данной дисциплины.

Философия

Коммуникация как одна из категорий идеалистической философии, обозначает общение, при помощи которого «Я» индивида обнаруживает себя в другом. Исторически философское учение о коммуникации сложилось как противопоставление изначальной доктрине общественного договора, берущей свое начало в просветительстве. Приверженцы теории коммуникации (К. Ясперс, Э. Мунье, О. Больнов) утверждают, что общественный договор по сути своей является контрактом, в рамках которого на участников наложены ограничения обоюдных обязательств: они осознают и воспринимают друг друга абстрактно, т. е. лишь в рамках этих обязательств.

Важно отметить, что в рамках данной концепции договор является связью, покоящейся на фактической разобщенности индивидов, в то время, как коммуникация рассматривается философами как противоположная договору сознательно устанавливаемая взаимозависимость. «Контакт вместо контракта» (Ф. Кауфман). В качестве средства установления коммуникации выступает дискуссия, в процессе которой люди приходят к убеждению, что их «разъединяют общепринятые нормы мышления и роднит то, в чем они различны и индивидуально неповторимы» [7]. Учитывая фактическую принадлежность каждого коммуниканта к определенной группе современного общества, дискуссия превращается в средство прояснения подобной принадлежности, а доктрина коммуникации в целом представляет собой утонченную форму защиты корпоративных и кастовых связей.

Как видим, уже при первом упоминании коммуникации как концептуального феномена возникает деление на двух коммуникативных антропоцентров, между которыми устанавливается сознательно обусловленная взаимозависимость. Уже этот факт, а также то, что дискурс представляет собой универсальную форму коммуникации,

свидетельствуют о необходимости рассмотрения поставленного в исследовании вопроса с позиций когнитивно-дискурсивной обусловленности.

Учитывая направленность нашей работы на массового адресата, считаем необходимым также рассмотреть массовую коммуникацию в рамках философской парадигмы.

Согласно Философскому энциклопедическому словарю, массовая коммуникация является процессом распространения информации (в виде знаний, морально-правовых норм, духовных ценностей и пр.) при помощи технических средств (телевидения, радио, печати, кинематографа и пр.) для большого числа рассредоточенной аудитории. Данный процесс представляет собой средство политического, идеологического, экономического и прочего влияния на сознательно-психическую организацию и поведенческие паттерны индивидов. При этом охватывается весь диапазон психологического воздействия: от обучения и информирования до внушения и убеждения. Массовая коммуникация является мощным инструментом интеграции социокультурного опыта. т. к. дает возможность индивидам устанавливать и систематически поддерживать связь с гораздо более широкой социально-культурной средой, выходящей далеко за пределы их непосредственного окружения [7]. Также отмечается, что в условиях развития политико-идеологического плюрализма рассматриваемый процесс может быть эффективно использован для формирования определенных ориентиров поведения и одновременного способствования личностному развитию индивида.

Итак, в процессе массовой коммуникации происходит распространение разного рода информации в рамках широкого пространственно-временного диапазона для массовой аудитории. В качестве коммуникатора в данной системе выступает определенный социальный институт, вся совокупность которых именуется средствами массовой информации (далее — СМИ). Разнообразные по форме и содержанию информационные продукты распространяются по множественным каналам массовой коммуникации с целью осведомления, развлечения, просвещения аудитории (адресата), а также внедрения в массовое сознание определенных установок и норм для побуждения индивидов к совершению тех или иных действий и поступков.

Аудитория массовой коммуникации отличается социальной неоднородностью, рассредоточенностью в отношении пространственно-временных параметров, потенциальной неограниченностью, определенной степенью анонимности для коммуникатора. Оказываемое массовой коммуникацией воздействие на аудиторию проявляется в трансформировании ее системы ценностей, установок, норм, устремлений, интересов и потребностей, а также в ее эмоциональном состоянии, социальном самочувствии и поведении. Произведенные в поведении и сознании аудитории эффект в большей или меньшей степени соотносится с намерениями коммуникатора (автора) и зависит от многих параметров, непосредственно связанных с функционированием каждого участника и элемента коммуникации.

Свойственное массовой коммуникации социально-культурное значение состоит в ее способности «удваивать» действительность и, таким образом, порождать вторую виртуальную (символическую) реальность, не просто отображающую изначальную «живую» реальность, но по многим параметрам замещающую ее. Так, отношение массового адресата к действительному миру становится опосредованным созданной символической картиной мира. В свою очередь, отношение указанной картины мира к действительности опосредовано именно коммуникатором [8]. Следовательно, именно коммуникатор, как создатель и преобразователь виртуально-символической картины мира, посредством многоканальной системы массовой коммуникации оказывает непосредственное воздействие на адресата.

Также важно отметить, что массовая коммуникация как одна из форм социального общения, с одной стороны, способствует интеграции общества, а с другой, создает посредством своих механизмов (СМИ) различные картины-образы для различных аудиторий-адресатов, тем самым усиливая социальную дифференциацию.

Итак, адресат массовой коммуникации, с точки зрения современной философии, представляет собой социально дифференцированный феномен, неоднородный и расщепленный в рамках пространственно-временного континуума, характеризующийся сознательно устанавливаемой взаимозависимостью с коммуникатором-адресантом, в рамках которой последнему приписывается доминантный, а адресату — сабмиссивный (подчиненный) характер [ср.: 9].

Психология

Согласно психоаналитической модели, базирующейся на теоретических предпосылках З. Фрейда и К. Юнга, процесс коммуникации представляет собой вытеснение индивидом его бессознательных влечений [10].

В контексте теории бихевиоризма, в основе коммуникации лежит не язык как структурирующая система, а непосредственные речевые сигналы, манипулирование которыми позволяет воспитывать и формировать индивида любого склада [11].

Несмотря на то, что уже в рудах по бихевиоризму и психоанализу обнаруживаются четкие характеристики массовой коммуникации, наиболее весомый вклад в развитие данной области было сделано в рамках психологии массовой коммуникации как отрасли социальной психологии, занимающейся изучением коммуникации между объемными социальными группами при помощи СМИ с позиции общепсихологического подхода, совмещающего психоанализ, когнитивную психологию и др.

В ракурсе данной дисциплины массовая коммуникация рассматривается через призму, с одной стороны, понятия и сущности «массы» как особого объединения индивидов по политико-психологическому и функциональному принципу и, с другой, понятия «массового сознания»

как специфического вида общественного сознания, свойственного значительному неструктурированному множеству индивидов [см.: 12].

Таким образом массовая коммуникация как психологический феномен рассматривается как определенный способ оказания суггестивного воздействия на психику массового индивида и последующего моделирования массового поведения. Данный коммуникационный процесс обладает такими свойствами, как диахронность, диатопность, мультиплицирование, симультанность и репликация. Особо важным в психологии массовой коммуникации является утверждение о том, что эффективность и эффектность массовой коммуникации не может быть адекватно оценена без наличия устойчивой обратной связи адресанта и адресата. т. к. предшествующие теории рассматривают аудиторию массовой коммуникации как сугубо «пассивный, безвольный и лояльный продукт соответствующей обработки» [13, с. 172].

С появлением дискурсивной психологии и использованием ее основных положений в качестве методологического базиса исследования массовой коммуникации, назрела необходимость в принципиально новой методологии исследования психических процессов в рамках коммуникативной реальности. Дискурсивная психология исходит из следующих утверждений: психические процессы имеют языковую и коммуникативную природу; языковое поведение индивида задается дискурсом; «дискурсивное поведение задается институциональными характеристиками выбранного субъектом коммуникативного контекста» [14, с. 35]. Описываемый подход к анализу дискурса массовой коммуникации позволяет принимать во внимание реальность, а также применять методы и приемы эмпирической верификации различных теоретических предположений. Критерии подобного анализа разработаны в психосемiotике, лингвистике и психолингвистике [ср.: 15; 16].

В фокусе внимания западных исследователей находится прикладной характер массовой коммуникации, а именно оценка продолжительности воздействия на реципиента и оценка последствий оказываемого воздействия [17–21]. В соответствии с данным направлением, воздействие СМИ на индивида имеет целый комплекс поведенческих [22], установочных [23; 24], когнитивных [25; 26] и физиологических [27; 28] последствий.

В силу многообразия существующих подходов к рассмотрению массовой коммуникации, в современной психологии складывается методологический плюрализм, отражающий комплексность и множественность интерпретации объекта исследования в условиях преобладания опосредованного комплекса методов научного познания. Иными словами, современное психологическое понимание массовой коммуникации инкорпорирует сущностные характеристики каждого из представленных подходов.

Таким образом, адресат в рамках психологической науки также будет обладать инкорпорирующим свойством, представляя собой многоаспектный феномен и неотъемлемый

элемент процесса коммуникации, обладающий лингво-дискурсивной природой, характеризующийся изначально заданными субъектом коммуникативного контекста институциональными параметрами, и претерпевающий целенаправленное суггестивное воздействие, выражающееся в комплексе поведенческих, установочных, когнитивных и физиологических последствий.

Суммируя все выше обозначенные определения объема адресата, выведенные нами из определений массовой

коммуникации, функционирующих в рамках различных дисциплин гуманитарного цикла (в рамках данной статьи — в философии и психологии), мы можем заключить, что феномен адресата все еще характеризуется недостаточностью исследовательских практик и нуждается в более тщательном и детальном анализе не только в представленных ранее дисциплинах, но и, прежде всего, с использованием методологического аппарата дисциплин лингвокогнитивного и прагма-коммуникативного комплексов.

Литература:

1. Багиян А. Ю., Аванесян Н. К. Коммуникативно-прагматические характеристики стандартных детерминологизированных единиц (на материале англоязычного научно-популярного дискурса) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2016. — № 6. — С. 27–32.
2. Заврумов З. А., Багиян А. Ю. Дискурсивное пространство: сущностные характеристики и функциональный диапазон // Новые идеи в лингвистике XXI века: Актуальные проблемы и тенденции в рамках современных направлений лингвистической мысли. — Пятигорск, 2016. — С. 108–117.
3. Багиян А. Ю. Детерминологизация английской технической терминологии в научно-популярном дискурсе: автореф. дисс... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2015. — 28 с.
4. Багиян А. Ю. Когнитивно-дискурсивный анализ технических детерминологизированных аббревиатурных единиц (на материале научно-популярного дискурса английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 10–3 (40). — С. 44–51.
5. Шлейвис П. И., Багиян А. Ю., Хачересова Л. М. Лингвистический аспект научной популяризации: исторические предпосылки и современное состояние // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2016. — № 3. — С. 154–157.
6. Бубер М. Я и Ты. — М.: Высшая школа, 1993. — 173 с.
7. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ. — науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. — 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. — 2816 с.
9. Bagiyana A. Y. Cognitive and philosophical aspects of specific and common lexis correlation // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. — 2014. — № 5–6. — P. 69–73.
10. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. — М.: Апрель-пресс; ЭКСМО-пресс, 2000. — 311 с.
11. Колесникова С. В. Теоретический анализ проблем коммуникации в психологии // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 352. — С. 183–186.
12. Медведева Е. В. Рекламная коммуникация. — М.: ЕдиториалУРСС, 2008. — 280 с.
13. Василенко О. В., Сиволапова Е. А. Социология и психология массовой коммуникации: учебное пособие. — Воронеж: ФГБОУ ВПО ВГАУ, 2014. — 240 с.
14. Кыштымова И. М. Психология массовых коммуникаций: методологические проблемы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. — 2014. — Т. 9. — С. 30–38.
15. Багиян А. Ю. Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2014. — № 3. — С. 81–86.
16. Bagiyana A. Yu., Bzhinaeva M. V., Nersesyan G. R. The creative potential of scientific and popular business discourse // The Fourteenth European Conference on Languages, Literature and Linguistics Proceedings of the Conference. — Vienna, 2017. — P. 3–7.
17. Lang A. Measuring psychological responses to media / Edited by A. Lang. — Routledge, 2011. — 256 p.
18. Lasswell H. D. World politics and personal insecurity: A contribution to political psychiatry. — New York: McGraw-Hill, 1935. — 307 p.
19. Key W. B. The age of manipulation. — New York: Madison books, 1993. — 352 p.
20. Sprafkin J. N., Gadow K. D., Abelman R. Television and the exceptional child: A forgotten audience. — Routledge, 2013. — 230 p.
21. Harris R. J., Sanborn F. W. A cognitive psychology of mass communication. — Routledge, 2014. — 480 p.
22. Bandura A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. — Prentice Hall, 1985. — 544 p.

23. Bateman T. S., Sakano T., Fujita M. Roger, me, and my attitude: Film propaganda and cynicism toward corporate leadership // *Journal of Applied Psychology*. — 1992. — 77 (5). — P. 768–771.
24. Signorielli N., Morgan M. J. Cultivation analysis: New directions in media effects research. — Newbury Park, CA: Sage, 1990. — 272 p.
25. Anderson D. R., Field D. E. On-line and off-line assessment of the television audience // *Responding to the screen: Reception and reaction processes* / Ed. J. Bryant, D. Zillmann. — Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1991. — P. 199–216.
26. Cameron G. T., Frieske D. A. The time needed to answer: Measurement of memory response latency // *Measuring psychological responses to media* / Ed. A. Lang. — Hillsdale NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. — P. 149–164.
27. Reeves B., Thorson E., Rothschild M., McDonald D., Hirsch J., Goldstein R. Attention to television: Intrastimulus effects of movement and scene changes on alpha variation over time // *International Journal of Neuroscience*. — 1985. — 25. — P. 241–255.
28. Zillmann D. Television viewing and physiological arousal // *Responding to the screen: Reception and reaction processes* / Ed. J. Bryant, D. Zillmann. — Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1991. — P. 103–133.

Морфемная деривация как способ номинации болезней в современном английском и китайском языках

Фан Сян, аспирант

Белорусский государственный университет (г. Минск)

Морфологический способ образования терминов широко используется в различных тематических группах англоязычной медицинской терминосистемы. Он включает аффиксацию, словосложение и конверсию вот она, системная ошибка. Конверсия во всех учебниках рассматривается как подвид семантической деривации. Безаффиксный, точнее безсуффиксный способ — это нечто иное, например, в русском языке слово *бегать* → *бег*, для английского нерелевантно (безаффиксный способ словообразования). Анализ медицинских терминов, которые образованы с помощью морфемной деривации, доказывает, что большинство терминов в современном английском языке построено в соответствии с греко-латинскими моделями.

И. В. Мотченко исследуя наиболее актуальные тенденции в формировании англоязычной медицинской терминологии последних десятилетий, делает вывод о постепенном увеличении сложных терминов — композиционных семантических структур в этой сфере. Среди медицинских терминологических единиц, образованных путем словосложения, наблюдается тяготение к многокомпонентности, в результате чего формируются новые модели терминообразования на основе стяжения словосочетаний. Такая терминологическая многокомпонентность, как ни парадоксально, свидетельствует о росте рационализации языка, поскольку новые сложные слова представляют собой компактные номинативные единицы языка в отличие от словосочетаний, для которых характерна большая степень расчлененности [1, с. 41].

Из основных морфологических способов терминообразования в англоязычной медицинской терминологии наиболее популярной является суффиксация. В медицинской

терминологии английского языка преимущественно используются суффиксы греческого и латинского происхождения, при этом они различаются частотой употребления. Основа и суффикс в большинстве случаев принадлежат одному языку — греческому или латинскому, но в медицинских терминах-неолатинизмах немало и гибридных слов, часто среди прилагательных, в которых суффиксы латинского происхождения, а основы греческого: *pyramid-al-is*, *brachi-al-is*. Также зачастую встречаются прилагательные, содержащие в структуре греческий и латинский суффиксы, например, суффиксы *-id*, *-al* и *-is* в слове *sphenoidalis*. Важно подчеркнуть, что в медицинской англоязычной терминологии суффиксы нередко приобретают большее смысловое значение по сравнению с общелитературным языком, а некоторые из них становятся типичными только для терминосистемы.

Самым распространенным суффиксом в исследуемой нами группе медицинских терминов является суффикс *-itis*. Впервые его ввел в употребление Франсуа Соваж, французский врач, в середине XVIII века при создании термина *peritonitis*. С тех пор этот суффикс *-itis* стало одним из самых продуктивных в англоязычной медицинской терминосистеме, образовав группу наименований воспалительных заболеваний, например: *adenitis*, *appendicitis*, *bronchiolitis*, *cellulitis*, *esophagitis*, *enteritis*, *fasciitis*, *folliculitis*, *gastritis*, *gastroenteritis*, *gingivitis*, *meningoencephalitis*, *myositis*.

В терминологической сфере суффиксы часто выполняют классифицирующую функцию, имеющую важное значение для любой терминологической системы. Например, суффиксы гречко-латинского происхождения

ul-, *cul-* указывают на принадлежность слова к классу слов, имеющих уменьшительное значение (деминутивов): *botulism, cellulitis, folliculitis, tuberculosis, valvulitis, vasculitis*.

К распространенным суффиксам в англоязычной медицинской терминологии мы относим также суффикс *-osis*, который имеет значение «дегенеративное заболевание, патологический процесс, хроническая болезнь, имеющая невоспалительный характер»: *actinomycosis* — актиномикоз; *pneumoconiosis* — пневмокониоз. И такие примеры как, *actinomycosis, arteriosclerosis, avitaminosis, coccidioidomycosis, ehrlichiosis, granulosis, hemochromatosis, leucosis, mycosis, psittacosis, spirochetosis, treponematosis, zoonosis*.

Среди продуктивных суффиксов отметим также суффикс *-iasis*, обозначающий заболевания невоспалительного характера с продолжительным течением, например, *psoriasis* — псориаз. Также, например, *acariasis, amebiasis, candidiasis, dracunculiasis, enterobiasis, filariasis, giardiasis, hypochondriasis, oxyuriasis, schistosomiasis, taeniasis, trypanosomiasis*.

Другой суффикс *-oma* присоединяется, как правило, к основе, именующей ткань, и образует названия возникающих из этой ткани доброкачественных и злокачественных опухолей, например, *sarcoma* — саркома, злокачественная опухоль. Другие как, *glaucoma, granuloma inguinale, kaposi's sarcoma, multiple myeloma, trachoma, sarcomatosis*.

С. В. Швецова отмечает, что медицинская терминология содержит ряд единиц, включающих в свой состав суффикс *-oma*, но при этом не обозначающих заболевания, которые сопровождаются образованием опухолей. Это объясняется тем, что в греческом языке существительные с этим суффиксом имели, наряду со специальным значением (патологические состояния), и общее значение, обозначенное корнем слова, «результат действия», например, *glauk-oma* произошло от *glaukoō* «становиться зеленым или голубым», *trach-oma* произошла от *trachōō* «делать что-либо шершавым».

Среди суффиксов в медицинской терминологии встречается явление синонимии, например, суффикс *-ism* синонимичен суффиксам *-osis*, *-iasis* со значением «заболевание, протекающее без воспалительных процессов»: *botulism, lathyrism, parkinsonism, rheumatism*.

Исследование показывает, что большинство простых терминов, образованных при помощи суффиксального способа, имеют в своем составе только один суффикс. Однако в медицинской терминологии английского языка нами были зарегистрированы термины, имеющие в своем составе два суффикса, например, *sarcomatosis* — саркоматоз.

Суффиксация является достаточно распространенным явлением в медицинской терминологии английского языка. При этом суффиксы входят как терминологические элементы не только в состав простых однокоренных терминов, но и в состав

многих сложных терминов, а также в структуру элементов терминологических сочетаний.

В медицинском терминологическом образовании отмечается важная роль префиксации, или присоединения префиксальной морфемы к корню, которая не меняет значение слова, а функционально указывает на направление (отдаление или приближение), расположение (спереди, сзади, выше, ниже), протекание во времени (раньше или позже чего-либо), на отсутствие или отрицание чего-либо.

Медицинской терминологии свойственно частое использование греческих и латинских приставок. Исследователи отмечают, что их использование находится в прямой зависимости от медицинской области: так, в анатомической терминосистеме преобладают латинские приставки, а в терминологии физиологии, патологической анатомии и клинических дисциплинах нередко встречаются префиксы греческого происхождения.

Обратим внимание, что нередко у приставок на базе прямых значений формируются вторичные, имеющие четкое терминологическое значение. Так, приставка *para-* указывает на клетчатку вокруг или около органа в сочетании с его названием, а также имеет переносное значение «отклонение от нормы»: *paralysis agitans, parasitosis*.

Приставка *peri-*, реализует вторичное терминологическое значение, обозначает наружную оболочку, ткань, капсулу в сочетании с названием органа, брюшину, которая покрывает орган, например, *pericarditis, periodontitis, periostitis, peritonitis, peripheral neuropathy*.

В отличие от английского языка, китайский язык имеет свою номинативную традицию. Рассмотрим примеры аффиксации в медицинской терминологии китайского языка. Аффиксация (加词缀法 [jiācízhūfǎ]) является результатом сложения корня с аффиксом — морфемой с грамматическим значением. Аффиксы не функционируют вне слов, служа как для словообразования, так и для формообразования. В понятие «аффиксы» входят префиксы, суффиксы и полусуффиксы [2, с. 59].

В современном китайском языке аффиксальное терминологическое образование проходит двумя путями:

1. Посредством присоединения «чистых» аффиксов к знаменательной части термина (как-то префиксы 阿 [ā], 老 [lǎo], 第 [dì]; суффиксы 儿 [ér], 子 [zi]), сам суффикс не имеет значения в китайском языке, их функция является простым фонологическим, при их помощи некоторые слова станут более благозвучными в фонологической системе современного китайского языка. Так, термины, которые были образованы данным способом, в изученном материале были найдены в небольшом количестве, что говорит о низкой продуктивности аффиксов данного типа. Также можно отметить, что среди указанных аффиксов для образования медицинских терминов были задействованы только суффикс 子. Остальные аффиксы не были обнаружены в нашем исследовании.

2. Посредством присоединения терминологического аффикса к знаменательной части термина. Рассмотрим

примеры употребления терминологических префиксов в медицинской терминологии:

- префикс 内 [nèi] «внутри»: 内痔 [neizhi] «внутренний геморрой»; 内障 [neizhang] «болезнь внутри глазного яблока» (обе из них являются терминами традиционной китайской медицины);
- префикс 外 [wài] «внешний»: 外痔 [waizhi] «внешний геморрой» <外 [wài] «внешний» + 痔 [zhi] «геморрой»;
- префикс 下 [xia] «ниже часть»: 下疳 [xiagan] «шанкр»;
- префикс 伤 [shang] «повреждение»: 伤寒 [shanghan] «тиф» <伤 [shang] «повреждение» + 寒 [han] «холода» термин до словно переводиться как «повреждение холода»; 伤风 [shangfeng] «простуда» <伤 [shang] «повреждение» + 风 [feng] «ветер» термин дословно понимается как «повреждение ветра»;
- префикс 黄 [huang] «желтый цвет»: 黄疸 [huangdan] «желтуха»;
- префикс 中 [zhong] «удар»: 中风 [zhongfeng] «инсульт» <中 [zhong] «удар» + 风 [feng] «ветер» дословно понимается как «удар ветра»; 中暑 [zhongshu] «солнечный удар» <中 [zhong] «удар» + 暑 [shu] «жара» дословно переводится как «удар жары».

Большинство терминологических префиксов показывают низкую продуктивность в образовании медицинской терминологии (одна-две единицы).

Рассмотрим примеры употребления терминологических суффиксов в медицинской терминологии китайского языка:

- суффикс 子 [zi] не имеет собственного значения: 疝子 [jiezi] «фурункул»; 拉肚子 [laduzi] <разг.> «понос»; 疹子 [zhenzi] <разг.> «корь»; все вышеуказанные термины имеют общелитературный характер и все из них употребляют в разговорном стиле;
- суффикс 毒 [dú] «токсин, болезнь»: 无名肿毒 [wumingzhongdu] «неидентифицируемые язвы или фурункулы» <无 [wu] «нет/без» + 名 «имя» + 肿 [zhong] «опухание» + 毒 [du] «токсин» дословно понимается как «безымянное опухание/безымянный токсин/болезнь»; 丹毒 [dandü] «рожистое воспаление» <丹 [dan] «красный/алый» + 毒 [du] «токсин/болезнь» дословно понимается как «алый токсин»; 梅毒 [meidu] «сифилис» <梅 [mei] «красная восковница (восковая ягода)» + 毒 [du] «токсин/болезнь»;

Литература:

1. Жукова, Г.П. Семантическая деривация в различных тематических группах лингвистических терминов (на материале «Словаря славянской лингвистической терминологии» (Прага, 1977–1979)) / Г.П. Жукова // Весник БДУ. Серія 4, Філологія. Журналістика. Педагогіка. — 2010. — № 1. — С. 40–44.
2. Семенов А.Л. Лексика китайского языка. М.: АСТ: Восток Запад, 2010. С. 89.

- суффикс 病 [bing] «болезнь»: 肺病 [feibing] «болезнь легких» <肺 [fei] «легкие» + 病 [bing] «болезнь»; 风湿病 [fengshibing] «ревматизм» <风 [feng] «ветер» + 湿 [shi] «сырость/влага» + 病 [bing] «болезнь»; 妇女病 [funubing] «гинекологические заболевания» <妇女 [funü] «женщина» + 病 [bing] «болезнь»; 佝偻病 [gouloubing] «рахит»; 瘟病 [wenbing] «лихорадка»; 红眼病 [hongyanbing] «конъюнктивит»; 花柳病 [huoliubing] «венерическая болезнь»; 冷热病 [lengrebing] <диал.> «малярия»; 软骨病 [guangubing] «хондропатия»; 瘵病 [yibing] «истерия»; 银屑病 [yinxiebing] «псориаз»; 月子病 [yuezibing] «послеродовая лихорадка»;
- суффикс 疮 [chuang] «болячка, язва»: 痤疮 [cuochuang] «акне»; 疔疮 [dingchuang] «фурункулез»; 冻疮 [dongchuang] «обморожение»; 秃疮 [tuchuang] <диал.> «фавус»; 褥疮 [ruchuang] «пролежень»; 疥疮 [jiechuang] «чесотка»; 痔疮 [zhichuang] «геморрой»; 口疮 [kouchuang] «афты»;
- суффикс 癣 [xuan] «лишай»: 股癣 [guxuan] «паховая дерматофития»; 头癣 [touxuan] «лишай на голове»; 黄癣 [huangxuan] «фавус»; 脚癣 [jiaoxuan] «эпидермофития стоп»; 体癣 [tixuan] «лишай на теле»; 牛皮癣 [niupixuan] «псориаз»; 手癣 [shouxuan] «дерматомикоз рук»;

Стоит отметить, что мы обнаружили в исследуемом материале суффикс, который является заимствованным из японского языка: суффикс 炎 [yan] «воспаление». Хотя интересно, что сам суффикс уже давно существует в китайском языке, под значением «жара», и только позже японские врачи взяли китайский 炎 и расширяли смысл данного иероглифа, чтобы точнее описать симптомы воспалительного заболевания: жар, покраснение, припухлость и боль. Например, 阑尾炎 [lanweiyān] «аппендицит»; первая часть данного термина 阑尾 [lanwei] «аппендикс» является собственным китайским словом который означает «конец, хвост».

По причине активного процесса создания терминологических систем ускорилось превращение «знаменательных морфем» в служебные, что, в свою очередь, изменило их функции [3, с. 1707]. В качестве примера можно привести морфеме 病 [bing] «болезнь» или 炎 [yan] «воспаление», которые активно используются в образовании современной китайской медицинской терминологии и всегда занимают фиксированную позицию суффикса, то есть в конце термина. Однако суффиксом в полной мере данные морфемы не являются, так как обладают лексическим значением и играют роль семантическую, а не грамматическую.

3. Чубинец А. А., Хоречко У. В. Особенности терминообразования в современном техническом китайском языке (на основе литературы сферы машиностроения) // Молодой ученый. — 2015. — № 11. — С. 1706–1708.
4. Merriam-Webster: Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com>. — Дата доступа: 27.04.2017–23.05.2017.
5. 代汉语词典 (第五版) Словарь современного китайского языка (5-е издание). — Пекин: Шаньу, 2010. — 1870 с.

Пути формирования терминологии банковского дела в сфере «кредит/кредитование» в немецком языке

Чувасова Ольга Сергеевна, студент;

Научный руководитель: Шевелева Галина Иосифовна, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Воронежский государственный университет (г. Воронеж)

Статья посвящена изучению особенностей формирования терминологии банковского дела в сфере «кредит/кредитование» в немецком языке, выявлению наиболее продуктивных способов образования терминологии данной области. В рамках данной статьи рассматриваются также вопросы определения термина, функции термина и его признаки.

Ключевые слова: термин, терминология, пути формирования терминосистем, признаки термина, банковское дело, кредитование

В современном мире экономическая и финансовая терминология играет важную роль. Принципы формирования терминологических систем зависят от многих факторов, как от лингвистических, так и от экстралингвистических. К лингвистическим факторам в первую очередь относится специфика грамматических, словообразовательных и лексико-семантических систем конкретных языков, в данном случае — немецкого языка. К экстралингвистическим факторам, в свою очередь относятся: развитие предпринимательства по всему миру, глобализация финансовой системы, которая усиливает свое влияние на все стороны жизни общества.

Каждый человек, так или иначе сталкивался со сферой банковского дела, а именно с такими явлениями как «кредит» и «кредитование». Актуальность исследуемой в нашей работе проблематики объясняется тем фактом, что среди ученых-лингвистов растет интерес к изучению лингвистических явлений в области специальных языков, что в свою очередь обусловлено экстралингвистическими факторами — интенсивным развитием различных сфер жизнедеятельности общества. В работе были использованы интерпретативно-функциональный метод, метод лексико-семантического и лексикографического анализа, элементы компонентного анализа, метод сплошной выборки, количественный метод, с помощью которых удалось решить поставленные задачи. Путем сплошной выборки на основе интуитивно-интерпретативного анализа в корпус были включены единицы по их принадлежности к сфере «кредит/кредитование» из немецких терминологических онлайн-словарей: Kredit und Finanzierungs Lexikon — <http://www.kredit-engel.de/kredit-lexikon/>; Das Wörterbuch Duden online — <http://www.duden.de/>;

Aktiencheck — <http://www.aktiencheck.de/lexikon/index.m.>; Wirtschaftslexikon — <http://www.wirtschaftslexikon24.net/>; Lexikon zur öffentlichen Haushalts- und Finanzwirtschaft — <http://www.haushaltssteuerung.de/lexikon-a.html>; Online-Wörterbuch der Wirtschaftswissenschaften — <http://www.odww.de/>; Online-Wirtschaftslexikon — <http://www.wirtschaftslexikon.co/>. Эмпирический корпус составляет 620 лексических единиц.

Прежде чем перейти к анализу путей формирования терминологических единиц в сфере банковского дела в немецком языке, считаем целесообразным кратко изложить основные положения теории термина, которые являются методологической базой нашего исследования. Как и в любой лингвистической науке, в терминоведении существует проблема определения термина. Несмотря на огромное количество дефиниций понятия «термин», на сегодняшний день не существует единства мнений в определении данного понятия и вопрос до сих пор остается открытым. Так, ученый В. П. Даниленко приводит 19 определений термина и подчеркивает, что это неполный перечень, который может быть продолжен [3, с. 83–86]. М. М. Глушко констатирует, что «термин — это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы» [1, с. 33]. В определении В. С. Кулебакина и Я. И. Кпимовицкого «термин — это слово или словосочетание, являющееся единством звукового знака и соответствующего с ним соответствующего понятия в системе понятий данной науки и техники» [4, с. 19–20]. Как отмечал А. А. Реформатский, «термины — это слова,

ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей» [8].

Такое обилие определений говорит о том, что дефиниция «термина» может варьироваться в зависимости от того, в какой области встречается данное явление, где на первое место может выдвигаться тот или иной критерий. С точки зрения терминоведения «термин это — лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее — конкретное или абстрактное — понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [7, с. 31–32].

При исследовании такого феномена как «термин» стоит, также обратить внимание на то, какими признаками обладает термин и какие функции в тексте он выполняет. В этой связи известный ученый-терминовед Д. С. Лотте в качестве основного называет однозначность и указывает, что «однозначность не возникает в терминологии сама по себе, а является следствием или должна быть следствием работы над термином тех, кто создает терминологию» [6, с. 88]. Исследователь выдвинул и обосновал следующие важнейшие критерии разграничения термина от нетермина.

Термин является членом определенной терминологической системы, относящейся к той или иной области науки, техники, производства; имеет свою дефиницию (точное научное определение); однозначен; лишен экспрессии; не должен иметь синонимов; должен быть семантически прозрачен, быть кратким, удобным для запоминания; должен быть систематичным; не зависит от контекста.

Термин как знаковая единица обычно рассматривается в синтаксическом, семантическом и прагматическом аспектах. Исходя из этого, требования, предъявляемые к термину, можно разделить на три группы: требования к форме термина, к его значению, а также специфические требования, обусловленные особенностями употребления термина [2, с. 30–35].

К сожалению, не каждый термин способен соответствовать такому большому перечню требований, поэтому в каждом термине может отсутствовать тот или иной аспект.

Исходя из того, что термины основаны на лексических единицах языка как на языковом субстрате, можно говорить о том, что при анализе функций термина за основу берутся функции слова. Слова, в свою очередь, имеют четыре функции: номинативную, сигнификативную, коммуникативную, прагматическую.

«Номинативная функция» слова применительно к термину реализуется в функции фиксации специального знания. Термин называет предметы этого знания, и без такого названия невозможны познание и деятельность в специальных сферах» [5, с. 63–64].

«Сигнификативную функцию можно назвать функцией обозначения, или знаковой функцией». Третья функция слова — коммуникативная — «характеризует слово как средство передачи реципиенту некоторой

содержательной и сопутствующей информации со становлением обратной связи» [5, с. 68].

Прагматическая функция языкового знака тесно связана с коммуникативной, «она определяется связью знака с участниками коммуникации, конкретными условиями и сферой общения, зависит от той установки, которую выбирает продуцент языка, воздействуя на реципиента: убедить, побудить к действию и т. п. Для термина диапазон таких установок достаточно узок» [5, с. 69].

Различаются два основных вида совокупностей терминов — терминологии и терминосистемы. «Совокупности терминов могут формироваться либо стихийно, либо сознательно. В первом случае мы имеем дело со стихийно складывающейся (сложившейся) совокупностью терминов, которую можно назвать терминологией, во втором — со сознательно (не искусственно) формируемой (конструируемой) совокупностью терминов — терминосистемой» [5, с. 107].

После этапа формирования следует этап развития. Одним из них является процесс углубления знаний. Все открытия в определенной степени отражаются на составе терминологии и терминосистемы. Еще один путь развития терминологии связан с вовлечением в определенную отрасль знания новых подотраслей. В ряде случаев это приводит к перестройке терминологии, в других случаях — к образованию некоторого конгломерата терминов [5, с. 115].

Формирование терминологии немецкого языка осуществляется по общепринятым законам лингвистики, которые свойственны каждому языку. В немецком языке основными способами формирования являются словосложение, синтаксический способ, аффиксация, конверсия, заимствование, термины-интернационализмы и аббревиация. При исследовании способов формирования терминологии банковского дела в немецком языке было обнаружено, что наиболее продуктивными являются словосложение, синтаксический способ, термины-интернационализмы, заимствование иностранных слов, аффиксация и аббревиация.

При образовании терминов путем **словосложения** в немецком языке используются соединительные элементы: -s-, -(e)n- или -e-. Существуют также терминологические единицы, образованные посредством нулевого соединения, т. е. без соединительного элемента.

Соединительный элемент -s- встречается в композите, когда первое слово образовано при помощи суффиксов, которые считаются так называемыми «тяжелыми суффиксами» (schwere Suffixe) -hiet/-keit, -tum, -ung, -ut, -ion, -ität, нередко и с суффиксами -ing и -ling [9, с. 115–116]. В исследуемой выборке было выявлено большое количество терминов, образованных по способу словосложения с соединительным элементом -s-. Например: *die Abzahlungsfrist* (die Abzahlung (сущ.) погашение (долга, кредита) + s + die Frist (сущ.) срок, время, отсрочка); *der Abzahlungskredit* (die Abzahlung (сущ.) погашение (долга, кредита) + s + der Kredit (сущ.) кредит); *der Abzugskredit*

(der Abzug (сущ.) вычет (напр. какой-л. суммы из счёта) + s + der Kredit (сущ.) кредит); *die Altersgrenze* (das Alter (сущ.) возраст + s + die Grenze (сущ.) граница, предел).

Использование соединительного элемента -e(n) — обусловлено, прежде всего, формой множественного числа первой части слова. В сфере «кредит/кредитование» были выявлены следующие лексически единицы, образованное таким путем: *die Familienhypothek* (die Familie (сущ.) семья + n (мн.ч. — Familien) + die Hypothek (сущ.) ипотека); *das Annuitätendarlehen* (die Annuität (сущ.) аннуитет (бессрочный государственный заём) + en (мн.ч. — Annuitäten) + das Darlehen (сущ.) ссуда, заём); *die Hypothekenbank* (die Hypothek (сущ.) ипотека (залог недвижимом имуществе) + en (мн.ч. — die Hypotheken) + die Bank (сущ.) банк).

В большинстве случаев слова образуются путем словосложения без соединительного элемента: *die Absatzfinanzierung* (der Absatz (сущ.) сбыт + die Finanzierung (сущ.) финансирование); *der Buchkredit* (das Buch (сущ.) книга + der Kredit (сущ.) кредит); *der Eilkredit* (Eile (сущ.) спешка + der Kredit (сущ.) кредит).

Исследование показало, что наиболее частотным способом образования является способ словосложения без соединительного элемента (62%), следующую позицию занимают термины, образованные с помощью соединительного элемента -s- (31%), затем следуют термины, образованные с помощью соединительного элемента -e(n) — (7%).

При **синтаксическом** способе создаются устойчивые терминологические словосочетания из двух и более слов: существительное + существительное, прилагательное + существительное, предлог + существительное. Большинство терминов, образованных синтаксическим способом, являются словосочетаниями, которые состоят из прилагательного и существительного (78%): *die dingliche Schuld*, *der effektive Zinssatz*, *die einzugsbedingte Liquidität*, *das endfällige Darlehen*, *die sachliche Kreditsicherheit*, *schuldrechtliche Ansprüche*, *die taggenaue Zinsrechnung*, *treuhänderische Sicherheiten*, *das unwiderrufliche Akkreditiv*, *variabler Kredit*, *die vollstreckbare Urkunde*, *die vorzeitige Ablösung*, *das widerrufliche Akkreditiv*, *die öffentliche Hand*. Вторую позицию по частотности занимают термины, которые являются словосочетаниями с предлогом между элементами (14%). Например: *Effekte als Kreditsicherheit*, *Finanzierung aus einer Hand*. Затем следуют словосочетания, состоящие из двух имен существительных (6%) и существительного и аббревиатуры (2%).

Одним из наиболее частотных способов формирования терминологии является использование **терминов-интернационализмов**, то есть слов, возникших первоначально в одном языке и затем из него заимствованных в большинство других языков мира для обозначения этого понятия. Исследование показало, что в основном термины-интернационализмы образовались на основе латинского и английского языков.

Терминами-интернационализмами на базе латинского языка (34,5%) являются следующие лексические единицы: *der Kredit*< от creditum — заём и credere — доверять; *die Liquidität*< от прил. liquid в liquidus); *der Notar*< от notarius «писарь, секретарь» в notare «писать». Из английского языка (34,5%) в качестве терминов-интернационализмов используются такие лексические единицы как: *der Factoring*< от factoring, англицизм; *das Leasing*< от leasing, англицизм.

Приведем примеры терминов-интернационализмов, заимствованных из итальянского языка (15%): *der Agio*< от aggio «превышение»; *der Disagio*< от disagio; *die Valuta*< от valuta «стоимость, монета, валюта». Термины-интернационализмы из французского языка (8%): *die Courtage*< от courtage «комиссия»; *der Marge*< от marge «разница; преимущество». Следующие лексические единицы являются интернационализмами, заимствованными из греческого языка (8%): *der Anatozismus*< от ἀνατοκισμός, из ἀνα- «на» + τοκισμός «начисление процентов»; *die Hypothek*< от ὑποθήκη «подпорка», «подставка».

Наряду с использованием терминов-интернационализмов особую роль в формировании терминологии банковского дела играют **заимствования** иностранных слов. Такие термины являются конечным результатом процесса усвоения и/или адаптации одним языком слова, выражения или значения лексической единицы другого языка. Согласно полученным результатам больше всего заимствований приходят из английского языка (57%). Приведем примеры: *Card4students*< название кредитной карты для студентов; *Equity*< капиталовложение; *Frankfurt Interbank Offered Rate*< межбанковская ставка на основе операций во Франкфурте-на-Майне. Большое количество заимствований из английского языка обусловлено глобализацией всех сфер жизни. Известным является тот факт, что английский язык негласно считается языком компьютерной, экономической и других областей. Английский язык занимает второе место по числу людей, которые на нем говорят.

Следующим по количеству заимствований является латинский язык (26%). Одним из важных этапов формирования немецкого языка принято считать период военной экспансии Римской Империи на Запад на рубеже IV и V веков, которая объясняет тот факт, что большое количество заимствований образовалось на основе латинского языка. Примеры заимствований из латинского языка: *das Akkreditiv*< от credere «верить»; *die Annuität*< от annus «год»; *die Insolvenz*< insolventia от слова solver «платить».

Примерами заимствований из итальянского языка (17%) являются: *das Inkasso*< от incasso к incassare (einkassieren = инкассировать; собирать); *die Lombardierung*< от Lombardia (Ломбардия — административная область в Италии); *die Rendite*< от rendita (доход).

Аффиксация является также одним из продуктивных способов образования исследуемых терминологических единиц. Префиксы меняют значение слова. Приведем примеры терминов, образованных данным путем: *die*

Abmahnung (сущ. die Mahnung — настоятельная просьба + префикс ab = подстрекательство к отказу от заключения сделки); die Ablösung (сущ. die Lösung — решение + префикс ab = уплата долга по кредиту); die Nachfinanzierung (сущ. die Finanzierung — финансирование + префикс nach = дополнительное финансирование); die Refinanzierung (сущ. die Finanzierung — финансирование + префикс re = повторное привлечение капитала).

В ходе исследования было установлено, что самыми частотными префиксами для образования исследуемых единиц являются ab-, über- и ver-.

В анализируемом корпусе были выявлены единицы, образованные путем **аббревиации**. Сокращенные номинации широко употребляются для наименования реалий в разных сферах, например, в средствах массовой информации, в политике, экономике. Аббревиация также имеет место и в отрасли банковского дела, однако исследование показало, что такой способ словообразования является не таким частотным в сфере «кредит/кредитование». Выявлены аббревиации, заимствованные из английского и нидерландского языков. Такие сокращенные номинации как *EURIBOR* (Euro Interbank Offered Rate), *FIBOR* (Frankfurt Interbank Offered Rate), *ING* (Internationale Nederlanden Groep) образованы по одному принципу. Существуют также сокращения для простых терминов, образованных путем словосложения, где аббревиатура представляет собой начальные заглавные буквы слов, из которых состоит сложное слово. Например: *VKG* (Verbraucherkreditgesetz). В некоторых случаях встречаются аббревиации сложных слов, где первая буква — заглавная, остальные — строчные.

В анализируемом материале встречаются аббревиатуры терминов-словосочетаний. В создании аббревиатуры участвуют первые буквы от прилагательного и от каждой основы сложного слова: *IWF* (Internationale Währungsfond),

DKB (Deutsche Kreditbank), *EZB* (Europäische Zentralbank). Существуют также аббревиации, состоящие из сложного слова и имени собственного, например: *LBB* (Landesbank Berlin).

Анализ показал, что самым распространённым способом создания аббревиатур является использование начальных букв каждого слова. Большинство аббревиатур при этом являются сокращённой формой названий банков ФРГ.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что самым распространённым способом формирования терминологии в области «кредит/кредитование» является словосложение (25,97%). Вторую позицию занимают термины, образованные синтаксическим способом (19,48%) и термины-интернационализмы (19,48%), затем заимствования (16,88%) и термины, образованные путем аффиксации (10,39%) и аббревиации (7,79%).

На данный момент можно проследить интенсивное развитие сферы банковского дела, а, следовательно, и развитие ее терминосистемы. Анализируя данные, полученные в ходе исследования, можно сделать вывод, что формирование терминологии сферы «кредит/кредитование» подчиняется правилам немецкого языка, но имеет при этом свои особенности. Например, процесс заимствования из английского языка в немецком языке происходит намного быстрее в силу принадлежности языков к одной ветви германских языков.

Подводя итог выше сказанному, можно утверждать, что банковское дело — одна из наиболее интенсивно развивающихся отраслей экономики и пронизывает все сферы жизни общества. На сегодняшний момент трудно представить человека, который не сталкивался бы с терминологией из этой области. Именно поэтому ее изучение и исследование является актуальной лингвистической проблемой.

Литература:

1. Глушко М. М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования. — М.: МГУ, 1974. — 117 с.
2. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. — М.: Академия, 2008. — С. 30—53.
3. Даниленко В. П. Русская терминология // Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. — М.: Наука, 1977. — 246 с.
4. Кулебакин В. С. Работы по строению научно-технической терминологии в СССР, и советская терминологическая школа / В. С. Кулебакин, А. Я. Климовицкий // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М.: Наука, 1970. — С. 11—39.
5. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — М.: Либроком, 2009. — 256 с.
6. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лоте. — М.: АН СССР, 1961. — 158 с.
7. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. — М.: Наука, 1993.
8. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. — М.: Наука, 1968. — 46 с.
9. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. — М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. — 376 с.

Развитие переносных значений отдельных слов в английском и немецком языках (на материале фразеологизмов и словарных статей)

Щукина Галина Олеговна, кандидат филологических наук, доцент
Международный институт рынка (г. Самара)

Настоящая статья представляет сравнительное описание переносных значений COW и KUH на основе словарных дефиниций, а также фразеологизмов. Выявляются и сравниваются существующие зарегистрированные переносные значения указанных лексических единиц, а также прослеживается развитие их контекстуально-порождённых переносных значений.

Ключевые слова: сравнительный анализ, словарные дефиниции, фразеологизмы, переносное значение, номинаторы и фиксаторы смысла

Настоящая статья посвящена проблеме развития переносных значений отдельных слов из родственных языков с точки зрения сопоставительного ономастического анализа. Материалом исследования послужили лексемы COW и KUH, взятые из соответствующих статей монолингвальных и фразеологических словарей. Мы полагаем, что словарная помета «переносное значение» для некоторых значений лексической единицы отражает устоявшееся метафоричное представление носителей языка о том или ином предмете окружающего мира. Тем не менее, как показывает сравнительный лексикографический анализ, список переносных значений одной и той же лексики не носит фиксированный характер и способен пополняться новыми значениями.

На наш взгляд, одним из основных источников расширения списка переносных значений лексем является их функционирование в составе устойчивых экспрессивных выражений (компаративных, метафорических фразеологизмов и аллегорических предложений). Мы согласны с утверждением некоторых лингвистов о том, что лексическая единица способна появляться в одном и том же переносном значении в составе нескольких фразеологических единиц (С. А. Загриценко [4], Л. В. Молчкова [8]). По нашему мнению, корпус фразеологизмов того или иного языка неоднороден как с точки зрения структурных характеристик, так и с точки зрения семиотического статуса конститuentов. Нам близка позиция К. Н. Дубровиной [3], Н. М. Шанского [10] и В. М. Савицкого [11], выделяющие у фразеологизмов как характеристики слов, так и характеристики словосочетаний.

Некоторые метафорические фразеологизмы могут быть трансформированы с использованием пассивного залога при сохранении целостного переносного значения выражения (например, можно сказать *the storm was weathered* в значении «трудные времена прошли / были пережиты»). Такие фразеологизмы названы нами делимыми. К этой группе фразеологических единиц мы также относим аллегорические предложения (за счет содержания предикативной связи и некоторой семантической самостоятельности компонентов). Прочие устойчивые языковые единицы определяются нами как неделимые (как правило, это компаративные фразеологизмы и многие метафоры со структурой словосочетания).

Так как делимые фразеологизмы проявляют некоторую самостоятельность компонентов, то функционально их можно отнести к словам. Компоненты неделимых фразеологизмов проявляют характеристики морфем. Дальнейшая семиотическая классификация предполагает выделение номинаторов и фиксаторов смысла в зависимости от частотности появления лексического компонента в том или ином значении в делимых и неделимых единицах; а также существующих переносных значений лексем, отмеченных в словарях. Вслед за В. М. Савицким [11], мы учитываем переносные значения лексических компонентов фразеологизмов и делим эти значения на априорно данные (самостоятельные переносные значения, отражённые в словарях) и контекстуально-порождённые. Самостоятельное переносное значение лексемы, в том числе в составе делимого фразеологизма или аллегорического предложения, определяется нами как вторичный номинатор смысла. Частотное проявление контекстуально-порождённого переносного значения определяется как потенциальный номинатор смысла. В случае, если контекстуально-порождённое переносное значение лексемы выявлено в одной делимой единице, такая лексема называется нами промежуточный номинатор смысла. По той же логике, лексические компоненты неделимых фразеологизмов могут быть квазивторичными, лексическими фиксаторами смысла и фиксаторами-активизаторами смысла.

Следующей задачей сопоставительного анализа является определение семиотического статуса изучаемого компонента в составе фразеологизмов и аллегорий некоторых германских языков. Всего нами было изучено 122 фразеологизма с содержанием лексем COW и KUH (компаративные единицы — 12% от общего числа примеров, метафоры — 19% от общего числа примеров, аллегии — 69%), а также словарные статьи англоязычных и немецкоязычных монолингвальных словарей. В корпусе эмпирического материала были определены существующие на данный момент переносные значения, а также изучены контекстуально-порождённые переносные значения. Полученные результаты были объединены в тезаурус 45 переносных значений и представлены ниже в виде тематических групп.

Характер и поведение человека

1. раздражающая своим поведением, неприятная женщина в английском языке — вторичный номинатор

смысла cow [13]; *в немецком языке* — вторичный номинатор смысла Kuh [17].

2. упрямый человек, неподдающийся уговорам *в английском языке* — значение не выявлено; *в немецком языке* — фиксатор-активизатор смысла j-m wie einer kranken Kuh zureden [9].

3. беспечный человек *в английском языке* — потенциальный номинатор смысла The cow knows not what her tail is worth until she has lost it [5]; (The) Cow knows not the value of her tail till she has lost (loses) it [7]; (The) Cow knows not what her tail is worth till she has lost it [7]; *в немецком языке* — потенциальный номинатор смысла Hat die Kuh den Schwanz verloren, so merkt sie erst, wozu er gut gewesen [19]; Wenn die Kuh den Schwanz verloren hat, merkt sie erst, wozu er gut gewesen ist [19].

4. неблагодарный человек *в английском языке* — промежуточный номинатор смысла Bring a cow into the hall and she'll run to the byre [7]; *в немецком языке* — промежуточный номинатор смысла was nützt der Kuh Muskate? [1].

5. любопытный человек *в английском языке* — промежуточный номинатор смысла (The) Old brown cow laid an egg [7]; *в немецком языке* — промежуточный номинатор смысла der Kuh das Kalb abfragen [6].

6. отрицательная черта характера человека *в английском языке* — значение не выявлено; *в немецком языке* — фиксатор-активизатор смысла die Kuh fliegen lassen [18].

7. человек, дающий пустые обещания *в английском языке* — промежуточный номинатор смысла Cow that moos the most gives the least milk [7]; *в немецком языке* — промежуточный номинатор смысла Die Kühe, die am meisten brüllen, geben am wenigsten Milch [19].

8. человек, испытывающий негативное отношение окружающих *в английском языке* — значение не выявлено; *в немецком языке* — промежуточный номинатор смысла Mancher Stein wird nach einer Kuh geworfen, der schätzbarer ist als die Kuh [19].

9. человек, подверженный групповому давлению *в английском языке* — значение не выявлено; *в немецком языке* — промежуточный номинатор смысла Kuh und Schafe gehen miteinander, aber der Adler steigt allein [19].

Внешность

10. безвкусно одетая женщина *в английском языке* — значение не выявлено; *в немецком языке* — фиксатор-активизатор смысла eine bunte Kuh [1].

11. человек большого телосложения *в английском языке* — значение не выявлено; *в немецком языке* — потенциальный номинатор смысла Die Größe tut's nicht, sonst überliefe die Kuh den Hasen [19]; Eine Kuh kann nicht auf den Baum springen wie ein Eichhorn [19]; Grossein tut's nicht allein, sonst holte die Kuh den Hasen ein [19].

12. неприглядная женщина большого телосложения *в английском языке* — вторичный номинатор смысла cow [12]; *в немецком языке* — значение не выявлено.

13. человек неприглядной внешности, но с доброй натурой *в английском языке* — значение не выявлено;

в немецком языке — потенциальный номинатор смысла Eine schwarze Kuh gibt auch weiße Milch [19]; Schwarze Kühe geben auch weiße Milch [19].

Физиология и ментальные способности

14. опытный, взрослый человек *в английском языке* — значение не выявлено; *в немецком языке* — потенциальный номинатор смысла Man wird alt wie «ne Kuh und lernt noch immer was (da) zu [1]; Alte Kuh gar leicht vergift, Daß sie ein Kalb gewesen ist [19]; Jede Kuh ist frueher ein Kalb gewesen [19]; Alle Kühe sind Kälber gewesen [19].

15. неуклюжий человек *в английском языке* — фиксатор-активизатор смысла (as) awkward as a cow on a crutch [12]; *в немецком языке* — значение не выявлено.

16. пьяный человек *в английском языке* — значение не выявлено; *в немецком языке* — фиксатор-активизатор смысла eine Kuh für eine Kanne ansehen [1].

17. скромные умственные способности человека *в английском языке* — значение не выявлено; *в немецком языке* — потенциальный номинатор смысла Die Kuh weiss nichts vom Sonntag [19]; das glaubt keine Kuh [9]; лексический фиксатор смысла dumme / blöde Kuh [18]; zu etwas so viel verstehen wie die Kuh vom Sonntag / vorm Berg / vom Brezelbacken [18]; Er sieht's an wie die Kuh ein neu Scheuertor [19]; soviel (davon/ von etwas) verstehen wie die Kuh vom Sonntag [1]; dastehen wie die Kuh vorm neuen Tor [6]; dastehen / eine Gesicht machen / dreinschauen/... wie eine Kuh, wenn's donnert [18].

Семейные отношения

18. брачные отношения *в английском языке* — промежуточный номинатор смысла Why buy a cow when you can get milk for free? [12]; *в немецком языке* — потенциальный номинатор смысла man muss nicht gleich die Kuh kaufen, wenn man (ein Glas / einen Liter) Milch tricken will [14]; warum die ganze Kuh kaufen, wenn man die Milch umsonst kriegen kann [14].

19. родители *в английском языке* — потенциальный номинатор смысла (Many a) Good cow may have a bad (a black, an evil, an ill) calf [7]; фиксатор-активизатор смысла like cow, like calf [7]; *в немецком языке* — потенциальный номинатор смысла Manch gute Kuh hat ein übel Kalb [19]. Das Kalb lehrt die Kuh kalben [19]; Das Kalb folgt der Kuh [19]; Eins folgt aus dem andern wie das Kalb aus der Kuh [19].

20. предполагаемый партнер (в браке) *в английском языке* — значение не выявлено; *в немецком языке* — промежуточный номинатор смысла Es gibt mehr als eine bunte Kuh [19].

Деятельность

21. непоправимое дело *в английском языке* — промежуточный номинатор смысла if you sell the cow, you sell her milk too [5]; *в немецком языке* — значение не выявлено.

22. упрощенный вариант выполнения дела *в английском языке* — промежуточный номинатор смысла If you can't get a horse, ride a cow [7]; *в немецком языке* — значение не выявлено.

23. бóльшие обязательства в английском языке — промежуточный номинатор смысла if you agree to carry the calf, they'll make you carry the cow [7]; *в немецком языке* — значение не выявлено.

24. окольные пути достижения цели в английском языке — фиксатор-активизатор смысла salt the cow to catch the calf [5]; *в немецком языке* — значение не выявлено.

25. планируемое, но нереализованное дело в английском языке — фиксатор-активизатор смысла to eat the calf in the cow's belly [2]; *в немецком языке* — значение не выявлено.

26. результат, достижения в ходе деятельности в английском языке — значение не выявлено; *в немецком языке* — потенциальный номинатор смысла Der Mühe Gibt Gott Schaf und Kühe [19]; Um Fleiß und Mühe Gibt Gott Schaf und Kühe [19]; Kühe machen Mühe [15]; Wenig Kühe, wenig Mühe [20].

27. дело, требующее многих усилий в английском языке — промежуточный номинатор смысла Why buy a cow when you can get milk for free? [12]; *в немецком языке* — потенциальный номинатор смысла man muss nicht gleich die Kuh kaufen, wenn man (ein Glas / einen Liter) Milch trickern will [14]; warum die ganze Kuh kaufen, wenn man die Milch umsonst kriegen kann [14].

28. человек / предприятие, с помощью которых можно извлечь прибыль в английском языке — лексический фиксатор смысла cash cow [12]; a milch/milking cow [5]; *в немецком языке* — лексический фиксатор смысла eine milchende / melkende Kuh [1].

Жизненно-бытовая сфера

29. жизненная ситуация в английском языке — промежуточный номинатор смысла Bawling (bellowing) cow soon forgets her /own/ calf [7]; *в немецком языке* — значение не выявлено.

30. положение вещей в английском языке — значение не выявлено; *в немецком языке* — промежуточный номинатор смысла Bei Nacht sind alle Kühe schwarz [19].

31. проблема, проблемная ситуация в английском языке — фиксатор-активизатор смысла the tune the old cow died of [12]; *в немецком языке* — лексический фиксатор смысла die Kuh ist vom Eis [18]; Die Kuh vom Eis holen / bringen / kriegen [16].

32. несбыточная либо трудноразрешимая ситуация в английском языке — потенциальный номинатор смысла till the cows come home [12]; When the cows come home [7]; *в немецком языке* — значение не выявлено.

Прочие переносные значения

33. символ темноты в английском языке — значение не выявлено; *в немецком языке* фиксатор-активизатор смысла es ist finster wie in einer Kuh [9].

34. символ нелепости в английском языке — значение не выявлено; *в немецком языке* — фиксатор-активизатор смысла da müßte ja eine Kuh lachen [1].

35. шанс, возможность в английском языке — значение не выявлено; *в немецком языке* — потенциальный

номинатор смысла Gott beschert gibt wohl die Kuh, aber nicht den Strick dazu [19]; Sankt Niklas beschert die Kuh, aber nicht den Strick dazu [15].

36. что-то приносящее радость в английском языке — значение не выявлено; *в немецком языке* — промежуточный номинатор смысла Schenkt man dir die Kuh, Lauf mit dem Halfter zu [19]; Nimmst du die Kuh, so nimm auch den Halfter dazu [15]; Schenkt man einem die Kuh, so schenkt man ihm auch den Strick dazu [19].

37. недорогая покупка / небольшая цена в английском языке — значение не выявлено; *в немецком языке* — промежуточный номинатор смысла Die Kuh wird nicht draufgehen das wird die Kuh nich kosten [6].

38. страх/ запугивание кого-либо в английском языке — вторичный номинатор смысла to cow [13]; cow into [12]; квазивторичный фиксатор смысла (don't) have a cow [12]; *в немецком языке* — значение не выявлено.

39. мошенник / денежные неприятности в английском языке — фиксатор-активизатор смысла a fair cow [5]; *в немецком языке* — значение не выявлено.

40. предмет или человек, которого нельзя критиковать в английском языке — фиксатор-активизатор смысла a sacred cow [12]; *в немецком языке* eine heilige Kuh — фиксатор-активизатор смысла [18].

41. предмет, неподходящий чему-либо по внешним признакам в английском языке — значение не выявлено; *в немецком языке* — фиксатор-активизатор смысла zu etw. taugen wie die Kuh zum Seiltanzen [18].

42. розыгрыш в английском языке — значение не выявлено; *в немецком языке* — фиксатор-активизатор смысла blinde Kuh mit jm spielen [18].

43. взаимоисключающая вещь в английском языке — потенциальный номинатор смысла you cannot sell the cow and drink the milk [5]; If you cannot sell the cow and drink (have, sup) the milk [7]; *в немецком языке* — значение не выявлено.

44. человек по отношению к его мечтам, возможностям в английском языке — потенциальный номинатор смысла a curst / cursed / cussed cow has short / curt horns [2]; God sends a cursed cow short horns [7]; *в немецком языке* — значение не выявлено.

45. ценный предмет / выгода в английском языке — потенциальный номинатор смысла Faraway / Far-off cows have (wear) long horns [7]; (The) Next man's cows have the longest horns [7]; Our neighbour's cow yields more milk than ours [7]; *в немецком языке* — потенциальный номинатор смысла Dem die Kuh gehört, der faßt sie bei den Hörnern [19]; Dem die Kuh ist, der nimmt sie beim Schwanz [19]; Eine Kuh im Frieden ist besser als drei im Kriege [19]; Nachbars Kuh ist eine herzensgute Kuh, gibt aber keine Milch [19]; Schenkt man jemand eine Kuh, will er auch noch das Futter dazu [19]; Andre Leute Kühe haben immer größere Euter [19].

Исходя из представленного выше описания, можно сделать вывод, что лексемы COW и KUH обнаруживают семь значений, в которых они представлены в одном семиотическом статусе: № № 4, 5, 6, 8, 29, 40, 45. Теперь представим,

что у каждого вида номинаторов или фиксаторов смысла существует условный коэффициент: вторичный номинатор смысла = 6, потенциальный номинатор смысла = 5, промежуточный номинатор смысла = 4, квазивторичный фиксатор смысла = 3, лексический фиксатор смысла = 2, фиксатор-активизатор смысла = 1.

Английская лексема обнаруживает 3 переносных значения и 22 контекстуально-порождённых переносных значений. В немецком языке по подсчетам были найдены 1 переносное значение и 31 контекстуально-порождённое переносное значение. Подсчитаем, насколько процентов развиты контекстуально-порождённые переносные значения в каждом из языков. Не принимая во внимание количество вторичных номинаторов смысла и квазивторичных

фиксаторов смысла в значениях лексем, применим формулу $1n + 2n + 4n + 5n \div 6x$ (где x = число всех найденных контекстуально-порождённых переносных значений, а 6 = предполагаемый эталонный коэффициент самостоятельного переносного значения). Были получены следующие данные: на сегодняшний момент лексема COW развила контекстуально-порождённые переносные значения на 54%, а лексема КУН на 56%.

Таким образом, исследование выявило, что несмотря на количественное преобладание номинаторов смысла в корпусе переносных значений, лексема КУН демонстрирует схожие процентные показатели развития контекстуально-порождённых переносных значений по сравнению с лексемой COW.

Литература:

1. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. — М.: Аквариум, 1995. — 768с.
2. Бодрова Ю. В. Русские пословицы и поговорки и их английские аналоги. М.: АСТ; СПб.: СОВА. 2007. 159 с.
3. Дубровина, К. Н. Лекции по курсу «Фразеология современного русского языка» [Электронный ресурс] / К. Н. Дубровина. — Режим доступа:
4. web-local.run.ru/web-local/prep/prep_594/load/lection_1.doc.
5. Загриценко, С. А. Ситуационно-семантическое моделирование фразеологического кода английского языка: на материале образных сценариев «Битва», «Игра», «Состязание», «Театр»: дис. ... канд. филолог. наук: 10. 02. 04 / Софья Анатольевна Загриценко. — Самара, 2002. — 151с.
6. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary. М.: Русский язык — Медиа. 2005. 1214с.
7. Лепинг А. А., Страхова Н. П. Немецко-русский словарь. (ред.) Издатель: Русский язык. 1976. 991с.
8. Маргулис А., Холодная А. Русско-английский словарь пословиц и поговорок / Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings. McFarland & Company, Inc., Publishers Jefferson. North Carolina and London. 2000. 487 с.
9. Молчкова, Л. В. Фразеологический код как генеративный механизм фразеологической системы / Л. В. Молчкова // Вестник МГОУ. Серия Лингвистика. — 2011. — № 6. — С. 35–40.
10. Немецко-русский словарь по общей лексике // Classes.ru. URL: <http://www.classes.ru/all-german/dictionary-german-russian-universal-term-90995.htm> (дата обращения: 10.03.2017).
11. Современный русский язык: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит». в 3 ч. 4. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1987. — 192 с.
12. Савицкий, В. М. Английская фразеология: проблемы моделирования / В. М. Савицкий. — Самара: Изд-во Самарский университет, 1993. — 172с.
13. Cow // Idioms.thefreedictionary.com. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/cow> (дата обращения: 10.03.2017).
14. Cow // Thefreedictionary.com. URL: <http://www.thefreedictionary.com/cow> (дата обращения: 10.03.2017).
15. Duden — Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Duden — Deutsche Sprache in 12 Bänden, Band 11. — 4 überarbeitete und aktualisierte Auflage. — Berlin, Duden Verlag: Bibliographisches Institut, Reihe, 2013. — 928 S.
16. Graf A. E. 6000 Deutsche und Russische Sprichwörter. M. Niemeyer. 1956. 297pp.
17. Kuh // Translate.academic.ru. URL: <http://translate.academic.ru/Kuh/de/ru/> (дата обращения: 10.03.2017).
18. Rechtschreibung/Kuh // Duden.de. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Kuh#Bedeutung2> (дата обращения: 10.03.2017).
19. Schemann H. Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext. — 2. Aufl., mit vollständig überarb. Einführung. — Berlin: de Gruyter, 2011. — 1040pp.
20. Searchword=kuh // Sprichtwoerter.net. URL: http://www.sprichtwoerter.net/index.php?searchword=kuh&option=com_search&Itemid=45 (дата обращения: 10.03.2017).
21. Wenig-kuehe-wenig-muehe // Zitate-online.de. URL: <http://www.zitate-online.de/sprichtwoerter/altvaeterliche/8673/wenig-kuehe-wenig-muehe.html>

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Языковые средства создания комического эффекта в анекдоте

Бондаренко Наталья Григорьевна, старший преподаватель
Московский областной гуманитарный университет

В статье рассматриваются языковые средства создания комического эффекта в анекдотах. Объектом исследования выступают образы главных героев анекдотов как фольклорных персонажей. Целью данной статьи является определение и описание языковых средств, с помощью которых создается языковая игра.

Ключевые слова: комическая ситуация, комический эффект, языковые средства

Все рассказывают анекдоты. Более универсального средства коммуникации — заполнить паузу, развлечь спутников, проиллюстрировать ситуацию, перейти к более доверительному общению, — пожалуй, еще не придумано. Но только немногие задумываются о том глубоком смысле, который стоит за короткими смешными историями.

Основная цель анекдота — создание комической ситуации. В рамках данной статьи рассмотрим языковые средства, с помощью которых создается комический эффект.

Закономерным развитием теорий комического стало введение в практику анализа термина «комическая ситуация».

Комическое — это такое отклонение от нормы, которое удовлетворяет двум следующим условиям: 1) приводит к возникновению двух содержательных планов (от исходной точки совершается внезапный переход к конечному результату, резко отличающему от этой исходной точки); 2) ни для кого в данный момент не опасно, а для воспринимающих шутку даже приятно, поскольку это отклонение вызывает в них, лишенных этого недостатка, чувство превосходства или же довольство по поводу их интеллекта.

Сравнительно небольшой пласт материала для создания комической ситуации отводится фонетике [6, с. 74]. Где разновидностью языковой игры становится искажение фонетической оболочки слова. Например:

Параска кричит Одарке:

— *Одарка, мой сифилитик у тебя?*

Одарка падает в обморок, а из окна высовывается

Мыкола:

— *Сколько раз повторять: не сифилитик, а филателист!*

Обыгрыванию сходства в звучании слова или словосочетания. (Так называемая паронимазия или паронимия. Паронимы — слова, разные по смыслу, но близкие по звучанию).

В метро. Объявляют:

— *Следующая станция «Родина».*

Чукча спрашивает русского:

— *Ты у «Родина» выходишь, однако?*

Русский молчит.

Чукча опять:

— *Ты у «Родина» выходишь, однако?*

Русский:

— *А ты красавец, что ли?*

Так же фонетические деформации слова могут иметь характер метатезы.

— *Мама, как мне правильно писать: «флякончик» или «фликончик»?*

— *Ой, напиши «пизурок» — и все!*

Лексический уровень является неисчерпаемым арсеналом языковой шутки. Исследование шуток, где обыгрывается лексика, не только дает эстетически полноценный иллюстративный материал, касающийся значений слов (в том числе многозначных), но и позволяет выделить для того или иного слова некоторые смысловые компоненты, которые оставались пока незамеченными.

Самое распространенное средство создания комического основано на многозначности. (Полисемия — наличие у одного слова разных лексических значений).

Двое чукчей спрятались в окопе от танка.

Танк проехал.

— *Уф-ф, пронесло, однако, — вздохнул с облегчением один.*

— *И меня тоже, однако, — сказал второй.*

Петро делает домашнее задание по физике. Подойдя к дверям ванной, где моется его отец, спрашивает:

— Папа, что происходит с телом, погруженным в воду?

— Как что? Стоит только телу погрузиться в воду, как тут же какой-нибудь идиот позвонит ему по телефону.

Иногда каламбурная многозначность возникает благодаря специфичности (физиологической, социальной и т. д.) самой описываемой ситуации. А иногда каламбурная многозначность имеет противоположную направленность: описываемая ситуация вполне обычна, но сами говорящие не совсем обычны — иностранцы, дети, русские, не вполне владеющие литературным языком.

Каламбурному обыгрыванию подвергаются все типы омонимов:

Приведем пример полных омонимов.

— Скажите, Мыкола дома?

— Он на даче.

— Как, у вас есть дача?

— Нет, он на даче показаний в прокуратуре.

Часто анекдоты строятся по принципу омонимия имени собственного и нарицательного.

Двое чукчей пошли в разведку. Долго ползли по лесу. Вдруг увидели избушку, из нее доносится музыка.

— Глинка, однако, — сказал один.

— Какая глинка, второй час по навозу ползем, однако, проворчал второй.

На уроке биологии Мыкола изо всех сил тянет руку.

— Марьиванна, а у нас в доме лев живет!

— После уроков, Мыкола, мы ходим и посмотрим на этого редкостного представителя тропической фауны. Пришли, позвонили. Дверь открылась

— Лев Аронович, я вам женщину привел, как и обещал. С вас три рубля.

Одним из распространенных средств создания комического являются омографы — слова, которые пишутся одинаково, но различаются в произношении (графические омонимы), омофоны — слова, совпадающие по звучанию, но не по написанию (фонетические омонимы), омоформы — слова, совпадающие лишь в некоторых из своих форм (грамматические омонимы).

О чем свидетельствуют анекдоты:

Однажды у чукчи спросили:

— Чукча, вы хотите стать почетным академиком Академии наук СССР?

Чукча подумал и сказал:

— Однако, хорошо! По четным — академиком, по нечетным — рыбу ловить!

Банке (от слова банк и банка)

— Чукча, ты в каком банке деньги хранишь?

— В трехлитровом.

Мой (от мой и мыть)

Чукча пришел к одинокой женщине домой

Хозяйка накрыла на стол. Чукча выпил, поел. Она обняла его:

— А теперь ты мой.

— Не-а! Мой сама.

Попугай (попугай и попугать)

Русский показывает чукче попугая.

— Это попугай, — говорит он и протягивает попугая чукче.

Чукча взял попугая, открыл ему голову и говорит:

— Попугал, однако, а?

Омонимия слова и словосочетания или омонимия двух словосочетаний встречается сравнительно редко.

Немаловажное значение в создании комического отводится и лексическим синонимам: повторение адресатом грубо-просторечного синонима или обыгрывание синонимии строится на незнании синонима, причем, конечно, именно того, который принят в литературном языке.

Хохол спрашивает в автобусе девушку:

— Девушка, вы выходите?

— Выходят только замуж.

— Вы сходите?

— Сходят только с ума!

— А что же вы делаете?

— Я вылажу.

— С днем рождения вас, девушка!

На уровне лексики происходит и обыгрывание ассоциативного принципа в речевой деятельности. Данный способ довольно-таки продуктивен.

Три пары обедают в ресторане. Американец жене:

— Передай мне мед, медовая моя!

Англичанин жене:

— Передай мне сахар, сахарная моя!

Хохол жене:

— Передай мне сало... (подумав) свинья!

Сидят у костра русский, грузин и чукча.

Грузин:

— Моя жена легка и грациозна, как горная козочка.

Чукча:

А моя жена нежная, как перна.

Русский:

— *Да и моя жена на какую-то скотину похожа, только я забыл какую...*

Морфология обладает широкими возможностями для создания комического эффекта, но среди анекдотов не слишком распространена.

Один из самых продуктивных способов языковой шутки — расчленение словоформы, сопровождаемое попыткой осмысления (шутливого) «обрубков», полученных в результате этого расчленения.

— *Чукча, кто у тебя родился?*

— *Мальчик.*

— *Как назвали.*

— *Отгадай: первая часть имени — нота, вторая — часть тела.*

— *Минога что-ли?*

— *Какой минога — Сирожка, однако.*

Встречается преобразование грамматических форм.

Категория вида и времени обыгрываются сравнительно редко.

Студентка на экзамене по анатомии человека описывает кости скелета: — Здесь реберные кости, тут были внутренние органы — сердце, легкие... Здесь тазовые кости, тут был половой член.

— *Бывал, — поправил ее профессор.*

Словообразование принимает активное участие в создании комического в анекдотах. Можно выделить два основных способа обыгрывания словообразовательных единиц:

1) переосмысление словообразовательной структуры слов, уже существующих;

Переосмысление существительных или прилагательных.

Однажды чукча принес в редакцию свой роман. Редактор прочитал и говорит:

— *Понимаете ли, слабовато... Вам бы классику читать. Вы Тургенева читали? А Толстого? А Достоевского?..*

— *Однако, нет; чукча — не читатель, чукча — писатель.*

Семантика этнонимов обыгрывается редко.

2) создание новых слов.

Игровое слово смешит своей новизной, необычностью [7, с. 189]. Образование нового слова, пусть по узаконенной

модели, — это творчество. При этом, однако, полученная новая лексема всегда содержит «хотя бы смутный намек на свой прототип [6, с. 131].

Нарушение и обыгрывание словообразовательных моделей заключается в несоблюдении правил сочетаемости основ со словообразующими аффиксами, в сочетании того, что по разным причинам признается узуральным («обычным») словообразованием несочетаемым.

Экспрессивность (в частности, комический эффект) усиливается при наличии контраста в структуре окказионализма. При обыгрывании уже существующего слова этот контраст вызван переосмыслением значения частей слова и/или отношения между ними. При создании нового слова это «контраст между частями слова-основами, составляющими сложное слово, или основой и аффиксом» [7, с. 189].

Наиболее продуктивный прием образования новых слов с установкой на шутку — суффиксация.

— *Внучек, прикрой дверь, я мерзну.*

— *Какой же ты, дедушка, мерзавец!*

Довольно часто обыгрываются словообразовательное противопоставление по роду, точнее — по полу, в частности нерегулярность этого противопоставления, отсутствие одного из членов пары.

— *Папа, а тетя Нюра кем работает?*

— *Она музыковед.*

— *Нет, музыковед — это дядя, а она музыковедьма!*

На фоне всех языковых средств лексический уровень является поистине неисчерпаемым арсеналом языковой шутки. Самое распространенное средство создания комического основано на многозначности. Каламбурному обыгрыванию подвергаются и все типы омонимов. Прагматика занимает второе место после лексики. Здесь источником смеха могут выступать и отношения самих беседующих к описываемой ситуации и стирание грани между художественным текстом и реальной жизнью. Часто встречается соотношение социальных ролей участников ситуации. Нередко обыгрываются так называемые «постулаты общения Грайса». Словообразование принимает активное участие в создании комического в анекдотах. В синтаксисе комическое передается служебными словами, конструкциями, порядком слов, интонацией. Трудно указать синтаксическое явление, которое не подвергалось бы обыгрыванию. Сравнительно небольшой пласт отводится фонетике. Что касается морфологии, то она обладает широкими возможностями для создания комического эффекта, но среди анекдотов не слишком распространена.

Литература:

1. Анекдоты о чайниках. — Мн.: Литература, 1997. — 448с.
2. 5000 анекдотов со всего мира. — Мн.: Современный литератор, 2003. — 640с

3. 365 анекдотов про сало в шоколаде. — М.: издательство Эксмо, 2005. — 160 с.
4. 7777 лучших анекдотов со всего света. — М.: РИПОЛ классик, 2005. — 512 с.
5. В. Т. Бондаренко О смеховой функции русской фразеологии /В. Т. Бондаренко // Русский язык в школе. — 2001. — № 3. — С. 74–76.
6. А. Т. Гнидина Языковая игра: стереотип и творчество-Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. педагог. ун-та, 1996. — 225 с.
7. Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяева Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. — М.: Наука, 1983. — 276 с.

Specificity of mass information as forms of the fourth power

Nurutdinova M.

Uzbek state University of world languages

From the history of the relationship of people, one can see that the term «information exchange» usually refers to the method of communication. In ancient times, few really realized that it is such a powerful tool, a force that can exert a decisive influence on the actions and behavior of large numbers of people. For example, such a power had leaders, priests, elders, military leaders, orators, philosophers. This is largely due to their direct activities.

Key words: *implement, Richard Nixon, indispensable, communication, generalization*

Нурутдинова Мадина Чориевна, преподаватель

Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

Технологии и институты, через которые централизованно распространяется информация и другие формы символической коммуникации крупным, гетерогенным и географически рассеянным аудиториям; одна из существенных форм распространения и бытия массовой культуры. Само слово «медиум» означает определенный инструмент преобразования опыта в знание, а его форма множественного числа «медиа» обозначает знаки, которые придают смысл событиям повседневной жизни, причем подразумевается существование многочисленных знаковых систем. Термин «медиум» является достаточно обобщенным, это любой инструмент коммуникации, который передает, или «медирует» значение. Телефон, радио, фильм, телевидение — все они являются «медиа», наряду с печатью и человеческим голосом, живописью и скульптурой.

Ключевые слова: *осуществлять, Ричард Никсон, незаменимый, общение, обобщение*

Historically, power has emerged with the emergence of human society. The image of power in itself is a rather complex phenomenon. Power has various forms of levels: political, administrative, family, etc., direct and indirect meaning. Under the power is understood the ability, opportunity and right to dispose of someone, to exert decisive influence on the fate, behavior and activities, customs and traditions of people through various means — law, authority, strength, etc. The essence of power is not just dominate someone, but, above all, to achieve the subordination of others. To implement it, a force is needed that can maintain power. As this strength can be information, because it has much more power than it usually can imagine.

Most researchers agree that today the information role in its impact on people plays a key role, but each of them has its own approach. So “... information, as never before, has become an instrument of power”. When the susceptibility of the human psyche to suggestion was discovered, information in the form of agitation became the main lever of human control. It is gradually replaced brute force, violence, which

for a long time was considered the only and indispensable tool of government. The late US President Richard Nixon, once speaking at the National Security Council on budget expenditures, said that he believes that the \$ 1 invested in information is more valuable than the \$ 10 invested in the creation of weapons systems, since the latter is unlikely to be when only used in the case, while the information works hourly and everywhere”. Today, such a flow of information is created that it is very difficult to follow it: the information just received is instantly replaced by a new one.

From the history of the relationship of people, one can see that the term “information exchange” usually refers to the method of communication. In ancient times, few really realized that it is such a powerful tool, a force that can exert a decisive influence on the actions and behavior of large numbers of people. For example, such a power had leaders, priests, elders, military leaders, orators, philosophers. This is largely due to their direct activities. They possessed such information that allowed them not only to think logically and analyze, but also to make decisions related to the lives and destinies of many

people. Having more information, and therefore knowledge, they acquired certain privileges, which resulted in respect, trust — they were listened to, followed.

In former times, information as the main power of human management was not used to such a large extent as it is today. Then the leading tool in ensuring a stable environment was the application of predominantly physical strength. Violence in the form of reprisals, punishments of recalcitrant was a favorite instrument of power. There are an infinite number of such examples in history.

As social relations developed, it became clear that to have power, to have control over society is perhaps more humane and effective: with the help of information, that has a greater influence over the city than physical strength. Information as a form of power conquers a person's consciousness. Its peculiarity lies in the fact that it prolongs any obstacles and imperceptibly "sinks" into its consciousness.

Man became a person in the process of communication. Receive any information. In turn, information makes a person think. To argue, develop. And the fact that a person perceives information (sounds, noises, gestures, facial expressions) and inevitably begins to comprehend more, reacts to it, says that he becomes her prisoner. In other words, this process makes a person a servant of his mind, a slave of information.

Penetrating into his consciousness, information becomes the master of personality. Herbert McLuhan says this: "The subconscious and obedient acceptance of the impact of the means of communication turned them into prisons without walls for those people who used them". In other words, who owns the information, he owns the consciousness of the people on whom it is directed, and therefore their behavior, mood. This is the main power — the power of information. Now it began to rely not so much on coercive measures of influence, as it did before, but rather on the use of information-psychological influence.

An interesting fact is that information, being an integral part of a person's vital activity, is not only his friend, but also an enemy, because he has the opportunity to influence him both positively and negatively. In other words, in certain cases, under the influence of information, a person intuitively can do what he does not want.

It is necessary to understand and explain the current trends in the development of information and the rapid growth of its social role.

With the advent of the printing press in the 15th century, invented by Johann Guttenberg, the information acquired a total character. Thanks to this discovery, the amount of information has increased dramatically. Massively, books, magazines, newspapers began to spread out. Now it became possible to talk about mass information, since the new invention allowed not only to keep information, but also to print, to reproduce texts and television all the time, all this became noticeably stronger. The mass media began massively distributing various kinds of information about the public life of people, actively participating in the process of shaping reality.

Given that, the basis of journalism is information that spreads through the media (print, radio, television, the Internet), it's easy to imagine what kind of power it has. This power lies in the fact that mass information is directed at the society, directly related to life, distributed and consumed by it.

Apparently, mass information is most effective under certain conditions. First of all, this is accessibility to broad masses, simplicity of form, the possibility of convenient use, low cost, openness to all comers, stability and regularity. Because of this, it becomes universally valid and generally available.

Its peculiarity lies in the fact that through the mass media it can penetrate into various strata of the population: elite, class and mass. If they were previously available only to the public, who can read and write now audiovisual technology makes them available to almost any person.

As F. Webster emphasizes, today "an important feature of this world has become changes in the information sphere. It is impossible to imagine anyone trying to describe the world without paying due attention to the huge area of change that concerns the media, the dissemination of information, communication technologies, new forms of employment and even educational systems."

Development assumes certain changes, a clear sign of which is the increase in the volume of information, which, in turn, leads to an increase in the exchange of information. Hence, we can trace the pattern: the higher the need for information, the more it spreads. It exerts an exceptional influence on the consciousness, the behavior of people, determines their social roles, lies at the basis of decisions, worldviews, is the decisive factor of social development.

In the modern world, the role of mass information has immeasurably increased, it has acquired a powerful character, has become a key phenomenon, one of the basic values, a resource of development, the basis of social life and the whole existence of man. Alexander Kalmykov and Lyudmila Kokhanova argue that due to the rapid development of technology, "information becomes a sign of power — the more advanced technology, the potentially more power".

Information has now become the main product created by modern society. Its mass production and effective use determines the prospects for social development, levels and forms of being of people.

Of course, these changes are directly related to scientific and technological progress. "As the generalization factor of the world, information, essentially, was claimed by the information searchers... And the crown was the computer and computer networks — kind of imaginative integrators of the information age". Their mass distribution led to the emergence of a global Internet network.

The strength of the impact of mass information on the human mind has become so strong that it is sometimes difficult to predict all of its consequences. In this regard, Erast Galumov notes that "global information is in fact an extremely powerful resource of global development. On the other hand,

it is an extremely dangerous resource, manipulation, which is fraught with catastrophic consequences for all earthlings. “In other words, what kind of information a person will receive depends on his state of mind, the inner world, on which, in turn, his actions will depend — and all this will be reflected in modern reality. Information in skillful hands can become both a medicine and a weapon. It is important in whose hands it is located and what goals are being pursued, as it can inflict both harm and good. Who owns the largest amount of information on any issue, he is always in a better position than the rest.

In my opinion, if it were not for technological opportunities, the role of the mass media would not have been so great. It has become so much that it begins to noticeably outperform the rest of society. It was not easy to embrace a large number of people; it began to prevail over man. Mass information has properties characteristic of the authorities: the ability to subjugate the broad masses, and from this to form a modern reality. Of course, the very image of power is a complex psychological phenomenon. It is important to understand the adequacy of audience dependence on the level of influence of information as a carrier of power.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Комплексная лингвистическая характеристика и анализ переводческих стратегий элементов англоязычной терминосистемы сферы финансового менеджмента

Багиян Александр Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент;

Бжинаева Марина Вячеславовна, магистрант;

Нерсесян Гаянэ Робертовна, магистрант

Пятигорский государственный университет (Ставропольский край)

В данной статье приводятся результаты комплексного лингвистического исследования англоязычного терминологического фонда сферы финансового менеджмента с последующим анализом стратегий перевода данной области с английского на русский язык. Представленные результаты структурно-семантического и стратификационного видов анализа обозначенной терминосистемы способствуют большей точности при рассмотрении переводческих трансформаций в собственно лингвистической ретроспективе. Также проводится анализ превалирования переводческих трансформаций при переводе терминологии финансового менеджмента с английского языка на русский.

Ключевые слова: термин, терминосистема, финансовый менеджмент, перевод, стратегия, стратификация, структурно-семантический анализ, переводческая трансформация

1. Структурно-семантическая и стратификационная характеристика англоязычного терминологического фонда сферы финансового менеджмента.

Описание и аналитическая систематизация структурных особенностей любой терминосистемы представляют собой крайне важный фактор при изучении, последующей систематизации и использовании ее терминов, в частности для автоматизации процесса перевода [1–3]. Структура термина неразрывно связана с его семантической компонентой: семантика терминологических единиц гораздо чаще, чем это имеет место быть в общеупотребительной лексике, формально выражается структурными особенностями термина [4–6].

Всю совокупность терминологических единиц сферы финансового менеджмента можно разделить по принципу морфологического строения на группу простых (однокомпонентных) терминов (6,5%) и сложных (многокомпонентных) терминов (93,5%). Простые термины подразделяются на производные (корневые) термины (42%) и производные термины (дериваты) (58%). Группа сложных (многокомпонентных) терминов включает в себя аббревиатуры (инициальные аббревиатуры, акронимы, усечения, креолизованные аббревиатуры, «заимствованные» аббревиатуры, апеллятивные аббревиатуры), многокомпонентные термины (также смешанного типа), цепочечные терминологические образования.

Всю совокупность лексических единиц рассматриваемой терминологии финансового менеджмента можно группировать по принципу сложных терминов (компо- зитов),: однокомпонентные (6,5%), двухкомпонентные

(64%), трехкомпонентные (27,7%), четырехкомпонентные (1,8%). В том, что касается морфологического строения терминологических единиц сферы финансового менеджмента, наибольшую группу занимают двухкомпонентные термины (64%), подтверждая тот факт, что преобладание данного структурного типа является отличительной характеристикой всей терминосистемы менеджмента.

Проведенный анализ выборки демонстрирует явное количественное преобладание многокомпонентных (ком- позитных) терминов в сфере финансового менеджмента, что коррелирует с мнением многих ученых-лингвистов о значительном численном перевесе терминологических сочетаний в рамках практически любой отраслевой терми- нологии. Данное утверждение подтверждается еще и тем, что многокомпонентные термины (терминологические сло- восочетания) отражают в более наглядной форме те взаимо- связи и иерархические отношения, которые складываются между специальными единицами, позволяя, таким образом, передавать больший объем информации. С данной позиции стоит рассматривать исследуемые термины как не только структурно, но и семантически производные единицы.

В соответствии с классификацией деривационных мо- делей, терминосистема финансового менеджмента под- разделяется на следующие модели: семантические (кон- версия — 3%); морфологические (суффиксация — 2,5%, префиксация — 0,5%, префиксально-суффиксальный способ — 1,5%); морфолого-синтаксические (эллипсис — 2%, словосложение — 4,5%, аббревиация — 6%, сло- восложение с суффиксацией — 0,4%); синтаксические (N + N — 54%, Adj + N — 26%, Ving + N — 7%, Ved

+ N — 5%; трехкомпонентные термины подразделяются на следующие группы с незначительным процентным содержанием: N + N + N, Adj + N + N, Ved + N + N, N + to + N, N + of + N, N + in + N; четырехкомпонентные термины подразделяются на следующие группы с незначительным процентным содержанием: N + Adj + V + Prep, N + and + N + N, Adj + Adj + Prep + N). На долю всех перечисленных моделей образования трех- и четырехкомпонентных терминологических единиц приходится 8% от общего числа всех синтаксических конструкций [ср.: 7].

К числу смежных для сферы финансового менеджмента областей «вверх по вертикали» также относятся следующие: организационный менеджмент (Organizational management), производственный менеджмент (Production Management), снабженческо-сбытовой менеджмент (Supply and sales management), маркетинг-менеджмент (Marketing management), персонал-менеджмент (Human Resource management / Personnel management), стратегический менеджмент (Strategic management), эккаунтинг-менеджмент (Accounting management). К числу основных элементов финансового менеджмента в системе отношений «вниз по вертикали» относятся налоговый менеджмент (Tax management), риск-менеджмент (Risk management). В отдельные стратификационные группы нами выделяются следующие стратификационные поля: система страхования (Insurance System), информационные технологии (IT), юриспруденция (Law), банковское дело (Banking) [см. также: 8].

2. Специфика осуществления перевода англоязычных терминов финансового менеджмента на русский язык.

Стоит особо подчеркнуть, что проведение стратификационного и, в особенности, структурного анализа с последующим выделением структурных моделей англоязычных терминов сферы финансового менеджмента в качестве одной из основных своих целей преследует именно переводческую направленность [ср.: 9; 10].

Учитывая, что тексты сферы финансового менеджмента носят явно научный характер, целесообразно, на наш взгляд, будет начать с особенностей научно-технического текста в целом и особенностей перевода лексических единиц, принадлежащих непосредственно к нашей тематической области исследования.

По мнению Р.А. Ивановой, основной единицей в научно-техническом языке выступает *научно-технический текст*, который обладает основной стилистической чертой — точным и четким изложением материала при практически полном отсутствии каких-либо изобразительно-выразительных языковых элементов, придающих речи эмоциональную окраску и насыщенность. Иными словами, главный упор с данным функциональным направлением делается непосредственно на логическую, а не на эмоционально-чувственную сторону излагаемого [11, с. 155–156].

Тексты научно-технической области могут быть разделены на следующие типы: описание приемов труда; описание технических устройств, агрегатов; реферативные издания; описание технологии и характера производственных

процессов; описание чертежей; патентная литература; рекламные материалы. Принимая во внимание характер текстов финансового менеджмента, мы полагаем, что данный текстовый корпус больше всего подходит под категорию *описания технологии и характера производственных процессов*.

Исходя из вышесказанного, под самим явлением *научно-технического перевода* следует понимать один из жанров специального перевода, обслуживающий те сферы общения, которые имеют непосредственное отношение к научной или же технической области знания. Принимая во внимание представленную выше формулировку научно-технического текста, рассматриваемый вид перевода можно также определить как перевод специальных текстов/документов научно-технической направленности, осуществляемый с привлечением специфических методов, существенно отличающихся от перевода художественных произведений, а также с соблюдением требований смысловой точности, сжатости (информативной насыщенности), объективного изложения материала, ясности и логичности высказывания [12, с. 117–118].

Профессиональный переводчик обязан иметь высокий уровень владения навыками перевода научно-технических текстов. Для осуществления адекватного перевода необходимо чётко знать научно-техническую терминологию (как общего, так и специфического характера), во избежание искажения смысла переводимого текста.

Важно отметить, что при научно-техническом переводе требуется максимальная ясность изложения, равно как и полное соответствие оригиналу. Искажение понятий и терминов неизбежно приводит к искажению общего смысла текста и, как следствие, нарушению всего процесса коммуникации. Переводчику необходимо, помимо знаний в области тематики научного текста, владеть высокой стилистической грамотностью. Кроме того, перевод научно-технических текстов требует от переводчика знаний правил оформления и общей структуры материала (статьи, главы исследования, прочих видов научной и/или технической документации) как на языке оригинала, так и на языке перевода [см. подробнее: 1; 13; 14].

Остановимся подробно на главном аспекте перевода научно-технических текстов, а именно — переводе терминологии. Технический текст не выполняет своё назначение без адекватного перевода тематической лексики. Необходимо соблюдать *некоторые условия* в целях достижения адекватности перевода. Эти условия зависят от учёта признаков термина, равно как и от соблюдения общих закономерностей перевода специального текста [см. подробнее: 15].

1) Общие условия — определяются признаками самого термина, спецификой языка оригинала и языка перевода и правилами сопоставления этих двух языков;

2) Частные условия — определяются особенностями жанра и вида переводимого текста и характеристиками того или иного термина в нем.

Наиболее важные общие условия при переводе терминов:

1) Адекватный перевод отдельно взятых терминов переводимого текста.

2) Проверка соответствия переведённого термина терминосистеме, относящейся к фигурирующей в переводимом тексте области знания или отдельной науки.

3) Учёт различия терминов, определяемых спецификой передачи мысли на языке оригинала и языке перевода.

В. Д. Табанаква придерживается схожей точки зрения и, исходя из коммуникативной стратегии перевода, формулирует следующие типы тактик при осуществлении перевода специального (научно-технического) текста [16. с. 73–74]:

- передача полной и точной информации (the tactic of complete and precise information transfer);
- передача имплицитной информации (the tactic of explicating implied information);
- стилистическое адаптирование текста (the tactic of stylistic text adaptation);
- передача стилистических особенностей специального текста (the tactic of rendering stylistic peculiarities of the ST);
- точная передача информации (the tactic of correct presentation of information);
- прагматическая адаптация текста (the tactic of pragmatic text adaptation).

Как уже отмечалось, отличительной чертой научно-технического перевода является высокий процент терминологичности высказываний, а также предельная точность и четкость изложения соответствующего материала при полном или относительном отсутствии образно-эмоциональной выразительной лексики. Насыщенность научно-технических материалов терминологией, несомненно, вызывает определенные трудности и требует от специалиста-переводчика не только превосходного знания необходимой терминологии (или нескольких терминологий сразу) языков, взаимодействующих в двуязычной ситуации, но также умения правильно пользоваться ею. В данном контексте особое значение приобретает *знание и владение переводческими приемами и методами* в случае отсутствия соответствующих реалий или терминологических эквивалентов в системе одного из конструируемых языков. Далее рассмотрим основные (наиболее распространенные) способы перевода терминологических единиц сферы финансового менеджмента с английского языка на русский.

Приступая к описанию приемов и методов перевода, мы считаем необходимым ввести понятие «*переводческая трансформация*». В рамках нашего исследования мы склонны придерживаться основополагающего определения Л. С. Бархударова [17], которое наиболее точно отражает сущностные характеристики данного явления: *переводческие трансформации являются межязыковыми преобразованиями, перестройками элементов исходного текста (или лексической единицы), операциями*

перевыражения смысла или перефразирования, основная цель которого заключается в достижении переводческого эквивалента.

Стоит отметить, что в основу нашей систематизации положена, с одной стороны, дихотомия прямого и косвенного (непрямого) методов перевода (к первой категории мы, вслед за Ж. — П. Вине и Ж. Дарбельне, относим заимствование, калькирование и дословный перевод. Ко второй: транспозицию, модуляцию, эквиваленцию, адаптацию и компенсацию [18]); а с другой — сравнительная классификация переводческих трансформаций, основанная на работах В. Н. Комиссарова [19] и Л. С. Бархударова [17] [см. подробнее: 20].

На наш взгляд, прямой метод перевода представляет собой нечто иное, как **поиск эквивалента термина языка оригинала в языке перевода**. Этот способ является оптимальным способом перевода научно-технического текста при соблюдении условия, что страны-носители языка оригинала и языка перевода достигли примерно одного уровня развития общества и научно-технического прогресса в определенной области. К данной категории мы относим, как говорилось выше, следующие составляющие:

заимствование (*manager — менеджер, financial management — финансовый менеджмент, financial leasing — финансовый лизинг, reinvestment — реинвестирование, indorser — индорсант, liquidity — ликвидность, dividend — дивиденд*). Стоит отметить, что данный способ перевода напрямую связан с **транскрипцией** (*float — флоут (сумма для размена денег), business man — бизнесмен, outsourcing — аутсорсинг*) и **транслитерацией** (*bank — банк, capital — капитал, product — продукт, budget — бюджет*), т. к. перевод представленных терминов происходит посредством воссоздания его формы с помощью букв языка перевода (в нашем случае — русского языка). При этом, наиболее продуктивным способом перевода из обозначенных двух является транскрипция (однако с сохранением определенных элементов транслитерации);

калькирование (*funded pension — фундированная пенсия, accord payment — аккордная оплата, financial position — финансовое положение, acceptable profit — допустимая прибыль, nonfinancial asset — нефинансовый актив, financial objectives — финансовые задачи, trade credit — торговый кредит, accreted interest — учтенный интерес*). В некоторых случаях калькирование сопровождается также некоторыми **грамматическими трансформациями** (в особенности это происходит при переводе терминологических словосочетаний, а, как мы помним из уже проведенного структурного анализа, данная структурная модель является преобладающей в рассматриваемой терминосистеме финансового менеджмента. Имеется в виду так называемый «**перевод слева направо**» (синтаксическая структура английского и русского терминов совпадает: *ordinary shares — обычные акции, accounting price — расчетная цена, active*

management — активный (инвестиционный) менеджмент, *value-based management* — ценностно-ориентированное управление) и «перевод справа налево» (в данном случае происходит перевод с изменением порядка компонентов атрибутивной группы: *debt management* — управление долгом, *fund management* — управление фондом, *invoice discounting* — дисконтирование (учет) счетов-фактур, *profit and loss account* — счет прибылей и убытков, *value added tax* — налог на добавленную или приращенную стоимость, *cash flow analysis* — анализ денежных потоков) [в терминах Е. А. Кондратенко, см. подробнее: 21].

При переводе исследуемой терминосистемы с английского языка на русский также обнаруживаются **лексико-семантические замены**, при использовании которых лексические единицы оригинала переводятся так, что их значение не совпадает со значением исходных терминов, но при этом выводимо из них при помощи определенного типа логических трансформаций. Данная категория подразделяется на **конкретизацию** (*accounts payable* — кредиторская задолженность, *financial statement* — анализ доходности предприятия, *flat payment* — паушальный налог, *acceptance bill* — акцептованный вексель), **генерализацию** (*accident benefit* — пособие в связи с несчастным случаем, *due diligence* — надлежащее обследование) и **модуляцию** (*hire-purchase* — покупка или продажа в рассрочку, *forfaiter* — финансовый агент). Стоит отметить, что лексико-семантические замены редко встречаются при переводе устоявшихся и развитых терминосистем (к числу которых и принадлежит терминосистема финансового менеджмента), однако, при наличии определенного количества конкретизированных и генерализированных переводов терминологических единиц, модуляция как таковая практически отсутствует (что закономерно, если учитывать саму природу данной модели перевода).

Говоря о видах трансформации при переводе, нельзя обойти вниманием **комплексные лексико-грамматические трансформации**, к числу которых относятся антонимический перевод, описательный перевод и компенсация. В случае с рассматриваемой нами терминологией финансового менеджмента нами были обнаружены только примеры использования **экспликации (описательного перевода)** (*activity based budgeting* — планирование бюджета компании на основе просчета ресурсов потребляемых каждым процессом и их взаимосвязей; *above-equilibrium wage* — заработная плата, превышающая равновесный уровень; *royalty* — процентные отчисления с определенной суммы (определенного объема), причитающиеся продавцу объекта лицензионного соглашения; *ras-man strategy* — стратегия защиты от нежелательного поглощения компании путем ответной попытки поглотить компанию-агрессора; *split* — увеличение числа акций путем уменьшения их номинала; *return on equity* — рентабельность собственного (акционерного) капитала; *price-earnings*

ratio — отношение рыночной цены акции компании к ее чистой прибыли в расчете на одну акцию; *acid test* — проверка быстрой (срочной) ликвидности). К случаю использования описательных конструкций (парафраза) можно отнести и **перевод терминов в виде креолизованных аббревиатур** (*EBITDA margin* — маржа прибыли до вычета процентов, налогов и амортизации, *EBIT margin* — маржа прибыли до уплаты налогов и процентов).

В связи с тем, что русскоязычная терминосистема финансового менеджмента в процессе своего развития и становления претерпела значительное и длительное влияние англоязычной терминосистемы данной области, представленный комплекс переводческих трансформаций неудивителен и вполне оправдан. О, в большей степени, одностороннем влиянии рассматриваемых терминосистем можно также утверждать, опираясь на практически полное отсутствие аналогового перевода и **дословный перевод терминов-метафор с последующей экспликацией** (*sleeping beauty* — «спящая красавица» (привлекательная для поглощения компания), *pension parachute* — «пенсионный парашют» (пенсионное соглашение, согласно которому в случае попытки враждебного поглощения компании любые избыточные активы, поддерживаемые по пенсионной программе компании, могут использоваться для выплат участникам этой программы), *poison pill* — «ядовитая пилюля» (стратегия, используемая компанией, являющейся целью поглощения, для того, чтобы сделать свои акции менее привлекательными для покупателя), *tin parachute* — «оловянный парашют» (обязательство компании выплатить работникам нижнего звена определенное вознаграждение, если они будут уволены в результате поглощения или реорганизации компании), *black knight* — «черный рыцарь» (лицо или фирма, делающие какой-либо компании нежелательное для нее предложение о ее поглощении)).

Итак, проведенный анализ моделей перевода (переводческих трансформаций) позволяет выделить наиболее приоритетные способы, характерные для осуществления перевода терминологических единиц сферы финансового менеджмента с английского языка на русский.

Представленные выше результаты комплексного анализа англоязычного терминофонда сферы финансового менеджмента позволяют прийти к следующим выводам:

1. Англоязычная терминосистема сферы финансового менеджмента представляет собой весьма комплексную гетерогенную систему, включающую в себя элементы большого числа смежных областей деятельности человека и обладающую поступательно-реверсивным характером взаимодействия с данными областями (подверженность их влиянию, с одной стороны, и оказание влияния на них, с другой).

2. Принимая во внимание характер текстов финансового менеджмента, мы полагаем, что данный текстовый корпус больше всего подходит под категорию описания технологии

и характера производственных процессов. проведенный анализ моделей перевода (переводческих трансформаций) терминологических единиц сферы финансового менеджмента (являющегося частью научно-технического комплекса) позволяет отметить широкий диапазон использования переводческих моделей в данной области и выделить

наиболее приоритетные способы, характерные для осуществления перевода терминологии сферы финансового менеджмента с английского языка на русский (по степени убывания): заимствование → калькирование → грамматические трансформации → лексико-семантические замены → дословный перевод → экспликация.

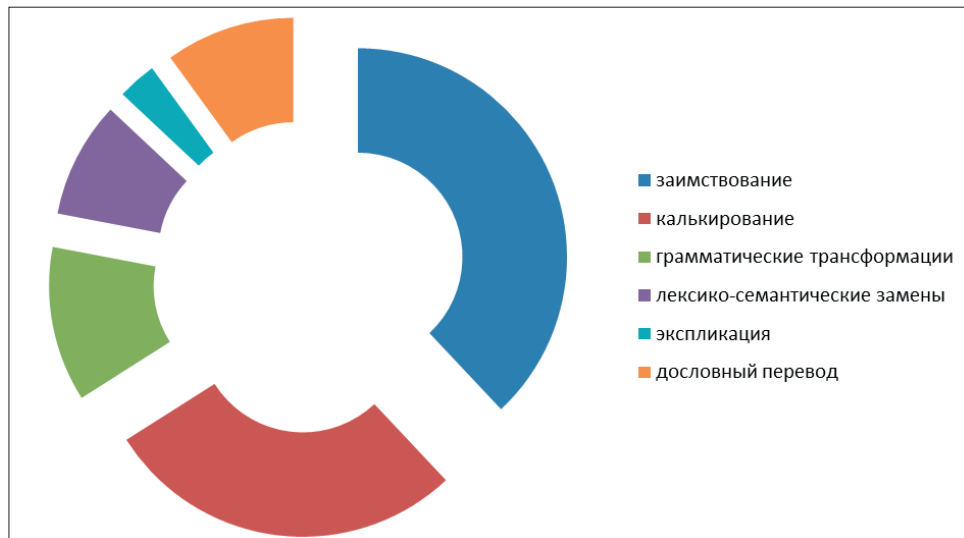


Рис. 1. Анализ преваляирования переводческих трансформаций при переводе терминологии финансового менеджмента с английского языка на русский язык

Литература:

1. Алимуратов О. А., Лату М. Н. Метафоричность термина как переводческая проблема // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2006. — № 4. — С. 24–27.
2. Акаева Х. А., Алимуратов О. А., Лату М. Н. Прикладные и фундаментальные терминосистемы как взаимокоррелирующие вербальные основы профессиональной коммуникации: к постановке проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2014. — № 3. — С. 40–45.
3. Багиян А. Ю., Аванесян Н. К. Коммуникативно-прагматические характеристики стандартных детерминологизированных единиц (на материале англоязычного научно-популярного дискурса) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2016. — № 6. — С. 27–32.
4. Горбунова Н. Н. Современная англоязычная терминосистема сферы менеджмента: структурно-семантическая и когнитивно-фреймовая характеристика: дисс... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2014. — 247 с.
5. Багиян А. Ю., Шлейвис П. И. Функционирование термина в научно-популярном дискурсе: фразеологизация и сленгизация технических детерминологизированных единиц // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. № 3. С. 52–57.
6. Шлейвис П. И., Багиян А. Ю., Хачересова Л. М. Лингвистический аспект научной популяризации: исторические предпосылки и современное состояние // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2016. — № 3. — С. 154–157.
7. Горбунова Н. Н. Багиян А. Ю., Докуто Б. Б., Раздубев А. В. Некоторые структурно-семантические особенности англоязычных терминов сферы финансового менеджмента // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2017. — № 3. — С. 29–38.
8. Лату М. Н., Багиян А. Ю. Когнитивные модели терминологической номинации (на примере терминологии астрономии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 12–3 (54). — С. 112–117.
9. Bagiyana A. Yu., Bzhinaeva M. V., Nersesyan G. R. The creative potential of scientific and popular business discourse // The Fourteenth European Conference on Languages, Literature and Linguistics Proceedings of the Conference. — Vienna, 2017. — P. 3–7.
10. Багиян А. Ю. Когнитивно-дискурсивный анализ технических детерминологизированных аббревиатурных единиц (на материале научно-популярного дискурса английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 10–3 (40). — С. 44–51.

11. Иванова Р.А. Научно-технический рекламный текст в типологии текстов // Науковий вісник Південноукраїнського державного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського. — 2012. — № 14. — С. 154–160.
12. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 320 с.
13. Жидков А.В. Понятие «научно-технический перевод» // Science Time. — 2014. — № 4 (4). — С. 99–102.
14. Багиян А.Ю., Нерсисян Г.Р., Бжинаева М.В. Детерминологизация как элемент лингвистической креативности: термины-эпонимы в английском научно-популярном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 6. — Ч. 2. — С. 61–66.
15. Волгина М.Ю. Перевод терминов как ключевых единиц специального текста // Перспективы науки и образования. — 2013. — № 6. — С. 170–175.
16. Табанакова В.Д. Переводчик-лингвист, переводчик-терминолог, переводчик-специалист: стратегия и тактика перевода термина // Вестник Тюменского государственного университета. — 2014. — № 1. — С. 72–81.
17. Бархударов Л.С. Язык и перевод. — М.: Междунар. отношения, 1975. — 240 с.
18. Вине Ж. — П., Дарбельне Ж. Технические способы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — С. 157–167.
19. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. — М.: ЭТС, 2000. — 192 с.
20. Кулемина К.В. Основные виды переводческих трансформаций // Вестник Астраханского государственного технического университета. — 2007. — № 5. — С. 143–146.
21. Кондратенко Е.А. Перевод терминов с английского языка на русский в текстах по авиационной тематике // Международный научно-исследовательский журнал. URL: <http://research-journal.org/languages/perevod-terminov-s-anglijskogo-yazyka-na-r> (дата обращения: 25.05.2017).

Об этике переводчика

Паршина Татьяна Вячеславовна, магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Этика переводчика складывается из моральных принципов, нравственных правил, норм поведения в обществе и норм поведения в профессиональной среде.

Ключевые слова: *этика, моральные принципы, нравственные правила, нормы поведения, перевод, переводчик*

В настоящее время вопрос об этике переводчика не является праздным. Это связано, прежде всего, с обучением и воспитанием будущих переводчиков, которые после окончания высших учебных заведений будут осуществлять свою переводческую деятельность, взаимодействовать с другими переводчиками, взаимодействовать с заказчиками и со всеми участниками переводческого процесса и не только [8]. Успешность и качество переводческой деятельности будущих переводчиков в равной мере зависит от грамотного осуществления ими перевода и безукоризненного следования этическим нормам и правилам. Вот почему вопрос об этике переводчика является актуальным для обучающихся, изучающих перевод вообще и, в частности, перевод научно-технической литературы и документации.

Что такое этика? Рассмотрим понимание термина «этика» отечественными лексикографами, филологами, лингвистами.

Отечественные лексикографы С. И. Ожегов [7], С. А. Кузнецов [5] определяют этику как совокупность норм поведения, мораль какой-нибудь общественной группы, профессии.

Русский филолог Д. Н. Ушаков [9] рассматривает этику как нормы поведения, мораль, совокупность нравственных правил среди членов какого-нибудь общества, профессии.

Советский и русский лингвист Т. Ф. Ефремова [2] трактует термин «этика» как философское учение о морали, совокупность норм поведения общественной группы, организации.

Понимая, что профессиональная деятельность технического переводчика тесно связана с этическими нормами, и аккумулируя понимание отечественных лексикографов, филологов, лингвистов термина «этика», автор очерчивает основные составляющие этики переводчика. Вот они: совокупность норм поведения, нравственных правил, моральных принципов переводчика при осуществлении им профессиональной деятельности.

Для полноты изучения норм поведения, нравственных правил, моральных принципов переводчика рассмотрим подходы переводчиков, ученых, переводческих объединений (союзов, советов), переводческих бюро (агентств) к этике переводчика.

Переводчики, ученые об этике переводчика

Хаматова А. А. [10] определяет этику переводчика как совокупность нравственных принципов, которым должен следовать переводчик в своей работе. Ученый акцентирует внимание на том, что каждый переводчик сталкивается со следующими этическими дилеммами:

- может ли переводчик принимать участие в дискуссии, которую он переводит;
- отвечает ли переводчик за содержание того, что переводит;
- может ли переводчик переспрашивать говорящего;
- может ли переводчик показывать свою реакцию на содержание переводимого;
- должен ли переводчик «переводить» жесты участников коммуникации;
- может ли переводчик прерывать говорящего;
- должен ли переводчик переводить нецензурные выражения;
- может ли переводчик смягчать острые углы.

Хаматова А. А. предупреждает о необходимости отличать вопросы этического и этикетного уровня.

Так, к этикету относятся вопросы:

- от какого лица должен переводить переводчик;
- при ком из членов делегации должен находиться переводчик;
- за какое время до деловой встречи переводчик обязан явиться на свое рабочее место;
- имеют ли значение внешние данные переводчика;
- и другие.

Таким образом, ученый показывает многообразие рабочих ситуаций переводчика, в которых ему потребуются твердое знание этики. Переводчику также следует четко разграничивать понятия «этика» и «этикет».

Российский лингвист, переводчик Чужакин А. П., советский и российский переводчик Палажченко П. Р. [11] формулируют следующие правила переводческой этики:

Правило № 1 (основное правило этики переводчика) — не разглашать информацию, обладателем которой становишься.

Правило № 2 — желательно установить доверительные отношения с теми, на кого работаешь.

Правило № 3 — необходимо соблюдать выдержку и хладнокровие даже в экстремальных обстоятельствах, быть всегда корректным, вежливым, аккуратно и к месту одетым, подтянутым и четким, пунктуальным и предупредительным.

Правило № 4 — по возможности, не добавлять от себя (не выходить за рамки сказанного), воздерживаться от комментариев и выражения своей точки зрения, не опускать без нужды часть информации.

Правило № 5 — в случае необходимости пояснить особенности национального характера, менталитета, традиций и культуры, знакомых переводчику и неведомых вашему партнеру, с тем, чтобы повысить коэффициент полезного действия общения и достичь более полного взаимопонимания.

Правило № 6 — следует оказывать конкретную помощь, когда она требуется тем, кто недостаточно ориентируется в ситуации, в особенности за рубежом, даже вне рабочего времени и без дополнительной оплаты.

Правило № 7 — постоянно повышать квалификацию, профессиональное мастерство, расширять и углублять эрудицию в различных областях знания, специализируясь, по возможности, на одном направлении (право, финансы, экология, информатизация и др.)

Правило № 8 — щедро делиться знаниями и опытом с молодыми и начинающими переводчиками.

Правило № 9 — соблюдать корпоративную солидарность и профессиональную этику, повышать престиж профессии, не идти на демпинговую оплату своего труда.

Анализ вышеприведенных правил показывает, что правила в своем содержании наглядно иллюстрируют нормы поведения переводчика, которые предписывают ему:

- соблюдать конфиденциальность;
- придерживаться принципа построения отношений на основе доброжелательности и сотрудничества;
- соблюдать выдержку и хладнокровие в экстремальных обстоятельствах;
- быть всегда корректным, вежливым, аккуратно и к месту одетым, подтянутым и четким, пунктуальным и предупредительным;
- придерживаться принципа нейтральности при переводе;
- владеть знаниями культуры, менталитета различных народов;
- иметь желание бескорыстно помогать людям;
- иметь стремление к самосовершенствованию;
- щедро делиться знаниями;
- следовать корпоративной солидарности.

Доктор филологических наук, профессор, один из основоположников отечественной науки о переводе, воспитавший несколько поколений переводчиков, Комиссаров В. Н. [4] обязательной частью этики переводчика считает его умение держаться, скромность, тактичность, умение хранить тайну, большую собранность, исключение любых элементов несерьезного, халтурного отношения к делу. По мнению ученого, моральный кодекс переводчика, подобно клятве Гиппократу, включает правило: «Не навреди!».

Доктор филологических наук, профессор Мирам Г. Э. в своем учебном пособии «Профессия: переводчик» [6] освещает вопросы перевода, классифицирует его жанры и разновидности, а также делится своими наблюдениями об этике переводчика.

Интеллигентность переводчика, его безукоризненная вежливость и корректность, всесторонняя образованность, чувство собственного достоинства, ощущение значимости своей профессии являются, по мнению ученого, неотделимыми элементами этики переводчика.

Кандидат филологических наук, доцент, автор книг и учебников по теории перевода Алексеева И. С. [1] раскрывает сущность профессиональной этики переводчика. Под профессиональной этикой понимаются кодекс/нормы поведения, предписываемый тип отношений, которые представляются наилучшими с точки зрения выполнения

работником своих служебных обязанностей в той или иной профессиональной сфере [10].

Следует заметить, что в понимании известного советского лексикографа Сергея Ивановича Ожегова термин «сущность» означает внутреннюю основу, содержание, смысл, суть, внутреннюю структуру чего-либо [7].

По мнению Алексеевой И. С., сущность профессиональной этики переводчика складывается, в частности, из моральных принципов переводчика и норм его профессионального поведения.

Под моральными принципами переводчика Алексеева И. С. понимает «определение того, что можно и чего нельзя переводчику». Моральные принципы переводчика, по мнению ученого, касаются в первую очередь его отношения к собственному труду и затрагивают качество его работы.

Алексеева И. С. формулирует основные правила этики переводчика или, как их еще называет ученый, постулаты этики переводчика:

1. Переводчик не собеседник и не оппонент клиента, а транслятор, перевыражающий устный или письменный текст, созданный на одном языке, в текст на другом языке.

2. Текст для переводчика неприкосновенен. Переводчик не имеет права по своему желанию изменять смысл и состав текста при переводе, сокращать его или расширять, если дополнительная задача адаптации, выборки, добавлений и т. п. не поставлена заказчиком.

3. При переводе переводчик с помощью известных ему профессиональных действий всегда стремится в максимальной мере передать инвариант исходного текста, ориентируясь на функциональные доминанты подлинника.

4. В ситуации перевода переводчик обязан соблюдать этику устного общения, уважая свободу личности клиента и не ущемляя его достоинство.

5. В некоторых случаях в обстановке устного последовательного или синхронного перевода переводчик оказывается лицом, облеченным также и дипломатическими полномочиями (например, при переводе высказываний крупных политиков в обстановке международных контактов). Если эти дипломатические полномочия за переводчиком признаны, он имеет право погрешить против точности исходного текста, выполняя функцию вспомогательного лица в поддержке дипломатических отношений, препятствуя их осложнению, но не обязан защищать при этом интересы какой-то одной стороны.

6. В остальных случаях переводчик не имеет права вмешиваться в отношения сторон, так же как и обнаруживать собственную позицию по поводу содержания переводимого текста.

7. Переводчик обязан заботиться о своем здоровье, поскольку от его физического состояния зависит качество перевода.

8. Переводчик не имеет права реагировать эмоционально на индивидуальные дефекты в речи оратора и не должен их воспроизводить; он ориентируется в устном

переводе на устный вариант литературной нормы языка и перевода.

9. О своей недостаточной компетентности переводчик обязан немедленно сигнализировать, а замеченные за собой ошибки исправлять, а не скрывать; это гарантия высокого качества перевода и доверия к нему окружающих.

10. В письменном переводе переводчик обязан соблюдать правила его оформления, обеспечивающие корректное отношение к заказчику.

11. В необходимых случаях переводчик обязан сохранить конфиденциальность по отношению к содержанию переводимого текста и без надобности не разглашать его.

Вышеизложенные правила ярко свидетельствуют о том, что в их основе лежат моральные принципы ответственности, уважения, компетентности, порядочности, построения отношений на основе сотрудничества.

Алексеева И. С. отмечает, что этика не допускает ни участия переводчика в скандале, ни перевода ругательств, которыми обмениваются собеседники. Он должен перевести для сторон основное содержание их реплик, пользуясь литературной нормой языка, а ругательства кратко прокомментировать: «Госпожа N употребила резкие ругательные выражения».

К нарушениям этики переводчика Алексеева И. С. относит высказывание переводчиком своего личного мнения той или иной стороне при переводе, сокращение или игнорирование реплик, постоянное вмешательство переводчика в разговор.

Нормы профессионального поведения переводчика Алексеева И. С. называет правилами ситуативного поведения.

По мнению ученого, правила ситуативного поведения переводчика предполагают:

- полную адаптацию переводчика к ситуации (например, если переводчику необходимо переводить во время официального обеда, то ни есть, ни пить ему не придется; при кулуарном общении переводчик не может участвовать в разговоре как равноправный собеседник);
- соблюдение переводчиком общепринятых правил приличий и аккуратности в одежде;
- не высказывать свое мнение по поводу переводимого текста;
- иметь самоуважение;
- не соглашаться на большие объемы работы, если переводчик не в состоянии ее качественно выполнить (ограничивать объемы труда в разумных пределах);
- не допускать унижения своего достоинства.

Выдающийся технический переводчик Климзо Б. Н. в своей книге «Ремесло технического переводчика» [3] называет основополагающие принципы, которыми руководствовались в своей работе технические переводчики в советское время: обязательность и добросовестность.

Климзо Б. Н. предостерегает начинающих технических переводчиков от следующих моментов. Так, запрещается:

- выступать в роли самозванного соавтора (дополнять автора, пояснять в скобках мысль автора);
- вводить отсутствующие в оригинале кавычки и «спасительные» слова «так называемый»;
- самовольно вводить синонимы термина (из соображения «не наскучить» читателю);
- опускать непонятные фрагменты текста;
- оставлять непонятое и переведенное наугад место, не попытавшись проконсультироваться со специалистом и предупредить заказчика, выделив такое место цветом.

Таким образом, переводчики, ученые уделяют серьезное внимание вопросам этики переводчика: предупреждают о переводческих дилеммах морально-нравственного характера; формулируют правила этики, применительно к профессии переводчика; обращают внимание студентов-переводчиков и мастеров перевода на моральные принципы, нравственные правила, нормы поведения, которым необходимо следовать в процессе переводческой деятельности; исследуют сущность этики переводчика и предупреждают об ошибках.

Переводческие объединения (союзы, советы) об этике переводчика

Существует несколько переводческих сообществ (союзов, советов).

Основная цель их деятельности заключается в защите прав и интересов переводчиков, оказании квалифицированной поддержки по вопросам, связанным с работой переводчика и рынком переводов, пропагандой переводческого труда в России и за рубежом.

Одним из примеров такого союза является Союз переводчиков России (далее — СПР) — творческий союз, объединяющий на добровольных началах переводчиков всех специализаций, включая переводчиков, осуществляющих перевод научно-технической литературы и документации.

14 мая 1998 года на III съезде СПР был принят Профессиональный кодекс члена Союза переводчиков России [12] (далее — кодекс СПР).

Кодекс СПР охватывает профессиональные и моральные обязательства переводчика при осуществлении им профессиональной деятельности, такие как:

1. Переводчик — член СПР обязан соблюдать и требовать соблюдения по отношению к нему всех предусмотренных национальным и международным правом принципов и норм, которым обязался следовать Союз переводчиков России.

2. Переводчик обязан соблюдать принципы профессиональной солидарности, избегая нелояльной конкуренции, а также не соглашаясь на условия, уступающие тем, что были согласованы СПР, органами власти и работодателями.

3. Переводчик не должен соглашаться на условия, унижающие его профессиональное и человеческое достоинство, не позволяющие ему гарантировать высокое качество

перевода и не отвечающие традициям, нормам и интересам переводческого сообщества.

4. Переводчик, и только переводчик, несет ответственность за качество и аутентичность перевода, независимо от условий заключенного им с заказчиком договора (контракта).

5. Переводчик должен гарантировать конфиденциальность ставшей ему известной информации.

6. Переводчик должен соблюдать законные права (авторов) оригинальных текстов.

7. Работая в составе переводческих коллективов, в частности при синхронном переводе, в составе временных творческих коллективов, переводчик обязан соблюдать общие для всех профессиональные правила работы и поведения, а также требовать равные условия оплаты его труда.

8. Переводчик должен требовать соблюдение заказчиками и иными лицами его законных авторских прав.

9. Переводчик — член СПР обязан строго соблюдать Устав СПР, за несоблюдение уставных, профессиональных и этических норм к переводчику могут быть применены предусмотренные Уставом СПР санкции.

Анализ положений кодекса СПР позволяет очертить важные этические моменты для переводчика:

- соблюдать профессиональную солидарность (моральный принцип порядочности);
- не соглашаться на условия, уступающие тем, что были согласованы СПР, органами власти и работодателями (моральный принцип справедливости);
- требовать соблюдения заказчиками и иными лицами его законных авторских прав (моральный принцип справедливости);
- нести ответственность за качество и аутентичность перевода, независимо от условий заключенного им с заказчиком договора (контракта) (моральные принципы ответственности и компетентности);
- гарантировать конфиденциальность ставшей ему известной информации (моральный принцип порядочности);
- не соглашаться на условия, унижающие его профессиональное и человеческое достоинство, не позволяющие ему гарантировать высокое качество перевода и не отвечающие традициям, нормам и интересам переводческого сообщества (моральный принцип уважения достоинства);
- работая в составе переводческих коллективов, соблюдать общие для всех профессиональные правила работы и поведения, а также требовать равные условия оплаты труда (моральные принципы порядочности, справедливости и построения отношений на основе сотрудничества).

По мнению автора, включение в кодекс СПР не только профессиональных, но и моральных обязательств переводчика не случайно. Соблюдение переводчиком моральных обязательств при осуществлении им переводческой деятельности обеспечивает вежливое и корректное

взаимодействие между всеми участниками переводческого процесса, предотвращает возникновение конфликтных ситуаций.

Другим примером свода норм поведения в переводческой среде является Этический кодекс переводчика, разработанный экспертным советом в 2014 году (первая редакция) [13]. Экспертный совет (далее — совет) был создан в 2012 году в рамках подготовки круглого стола о взаимодействии переводчиков и бюро переводов на конференции Translation Forum Russia-2012 в Казани. В состав совета вошли руководители переводческих и технологических компаний, опытные переводчики, как состоящие в профессиональных переводческих ассоциациях (Союз переводчиков России и Национальная лига переводчиков), так и находящиеся вне их рядов. Например, Поддубный А., переводчик, редактор переводов, лексикограф; Мищенко И., руководитель Санкт-Петербургского регионального отделения Союза переводчиков России; Кислова Е. А., переводчик, директор «Бизнес-бюро Ассоциации переводчиков» (г. Екатеринбург) и другие (см. <http://translation-ethics.ru/experts/>).

По мнению разработчиков Этического кодекса переводчика (далее — кодекс), кодекс определяет нормы и правила поведения членов переводческого сообщества при осуществлении ими профессиональной деятельности, основанные на морально-этических ценностях и профессиональных стандартах. Несоблюдение этических норм может служить основанием для морального порицания нарушителей.

Обратим внимание на важные этические положения, изложенные в кодексе:

переводчик должен выполнять перевод в пределах своей компетенции (языковой, предметной, культурной, технологической);

если компетенции переводчика, возможности или условия заказа не позволяют выполнить перевод в соответствии с требованиями заказчика, то переводчик обязуется незамедлительно сообщить об этом заказчику и принять с ним взвешенное решение (неприятие условий, не позволяющих выполнить заказ надлежащим образом);

при выполнении перевода не допускается внесение в перевод личных суждений, переводчик сохраняет нейтральную позицию и стремится максимально точно осуществить перевод (объективность и независимость);

переводчик прилагает все возможные усилия для выполнения заказа в соответствии с согласованными условиями (добросовестность);

переводчик соблюдает законные права авторов оригинальных текстов. Если перевод выполняется по заказу, по умолчанию предполагается, что вопросы авторских прав решены заказчиком. Авторские права переводчика на создаваемое им произведение (перевод) регулируются и охраняются законодательством (соблюдение авторских прав);

если на этапе обсуждения заказа возникает ситуация, при которой личная заинтересованность переводчика может повлиять на непредвзятость при выполнении

профессиональных обязанностей или может быть нанесен ущерб законным интересам заказчика, то переводчик сообщает об этом заказчику и стороны принимают совместное решение. Использование переводчиком информации, полученной при обсуждении заказа или в ходе работы, в личных коммерческих интересах недопустимо (исключение конфликта интересов);

переводчик имеет право отклонить заказ по идеологическим или этическим причинам до начала работы. Если такие причины появились в ходе выполнения заказа, то прекращение работы допустимо только в тех случаях, когда выполнение перевода противоречит применимому законодательству или общественному правопорядку (право на отказ);

переводчик стремится углублять предметные знания в областях специализации и совершенствовать профессиональные навыки (повышение квалификации);

переводчик обеспечивает конфиденциальность информации, которая стала ему/ей известна в ходе обсуждения или выполнения перевода и является конфиденциальной по закону или в соответствии с условиями договора между сторонами (конфиденциальность);

переводчик поддерживает тарифы на таком уровне, который позволяет постоянно оказывать качественные услуги и обеспечивает справедливое вознаграждение исполнителя. Чрезмерное занижение тарифов, имеющее целью выигрывать у конкурента по цене, признается неэтичным и неприемлемым. При участии в тендерах на оказание переводческих услуг переводческие компании не предлагают в тендерных заявках цену, которая не позволяет обеспечить справедливое вознаграждение переводчиков-исполнителей и качественно выполнить работу. Ценовое предложение переводчика должно быть ясным, четким и полным и исключать неожиданные для заказчика надбавки к цене при расчете (оплата и ответственность);

неприемлемы такие методы конкуренции, которые противоречат общепринятой мировой практике и деловой этике, даже если они не запрещены законодательством: интернет-атаки, переманивание персонала различными способами, в том числе путем предоставления заведомо недостоверной информации о потенциальном работодателе или условиях сотрудничества, а также подстрекательство сотрудников конкурирующей компании к разглашению секретов в ходе переговоров, подстрекательство персонала к разглашению коммерческих тайн предыдущего работодателя, негативные отзывы о конкурентах в общении с заказчиком, использование случайно полученной конфиденциальной информации, сознательном занижении цен и т. п. В работе над отраслевыми стандартами, при проведении открытых конкурсов, конференций и прочих отраслевых мероприятий переводчик, принимающий участие в такой работе или оказывающий на нее существенное влияние, не допускает нарушения принципа равных возможностей участия, в особенности для прямых конкурентов. В процессе подготовки к тендерам неприемлемо включать в тендерную документацию данные квалифицированных

исполнителей, если заранее известно, что к работе будут привлекаться исполнители с более низкой квалификацией (честная конкуренция);

неприемлемо предлагать свои услуги заказчику, с которым переводчик работает через посредника (коллегу-переводчика или переводческую компанию) (связи с конечным заказчиком);

признается неэтичным попустительство или непротивление следующим формам коррупции: вымогательству со стороны государственных и муниципальных служащих или сотрудников заказчика, коммерческому подкупу сотрудников заказчика (в том числе подарками и натуральными благами), сговору с государственными и муниципальными служащими или сотрудниками заказчика в ущерб государству или заказчику, сговору с конкурентами при участии в торгах, аукционах и тендерах на оказание переводческих и смежных услуг, участии в торгах, аукционах и тендерах нескольких аффилированных юридических лиц и т. п. (противодействие коррупции);

при выполнении перевода общепринятая в Российской Федерации практика предусматривает заключение письменного договора, переводчик соблюдает также и устные договоренности, достигнутые до начала работы. Недопустимо в одностороннем порядке во время и после выполнения устного и письменного перевода изменять условия договора или включать в него дополнительные условия, которые невыгодны для другой стороны (соглашение между сторонами);

переводчик информирует заказчика переводческих услуг об основных принципах и правилах их оказания, а также обеспечивает максимальную прозрачность процесса выполнения перевода (информирование заказчика);

в случае если заказчик решает поставленную задачу неэффективными способами, переводчик предлагает заказчику оптимальные решения и указывает на их преимущества (предложение заказчику оптимальных решений);

при обнаружении в исходном материале явных ошибок переводчик проявляет инициативу и указывает на них заказчику (указание на ошибки в оригинале);

соглашаясь на выполнение заказа, переводчик принимает полную ответственность за свой участок работы. Поэтому при возникновении непредвиденных обстоятельств, препятствующих выполнению профессиональных обязанностей надлежащим образом, переводчик делает все возможное, чтобы незамедлительно проинформировать своего непосредственного заказчика и вместе с ним урегулировать ситуацию (непредвиденные обстоятельства);

культура общения напрямую влияет на точность передачи мыслей и качество взаимодействия сторон. Переводчик придерживается корректного стиля общения, не переходит на личности, уважает права и обязанности сторон, соблюдает правила вежливости, а также правила профессиональной и сетевой этики (конструктивное общение на всех уровнях);

переводчик избегает резких высказываний в адрес коллег, особенно перед лицом заказчика, так как это наносит ущерб отрасли в целом и создает негативный имидж переводчика (отказ от необоснованной критики коллег);

переводчик проявляет доброжелательность, не рассматривает коллег по отрасли исключительно как конкурентов, даже если они в силу обстоятельств таковыми являются. Переводчик признает, что взаимопомощь, обмен полезным опытом, наставничество и обучение коллег приносят пользу сообществу и повышают престиж профессии переводчика (взаимопомощь, сотрудничество, передача опыта, доброжелательные отношения);

при поиске переводчика не рекомендуется указывать такие параметры, как возраст, пол, характеристики внешности и т. п., если это не входит в число производственных требований при выполнении работы (недопустимость дискриминации по возрасту, полу, внешним данным и т. п.);

при общении через электронные средства связи переводчик соблюдает этикет общения в сети интернет (культура сетевого общения);

работа переводчика, как правило, остается незаметной для широкой публики, и ее важность недооценивается. Переводчик стремится показать широкой публике значимость профессии на конкретных примерах, с обязательным соблюдением конфиденциальности (стремление к повышению престижа профессии);

профессия переводчика по определению объединяет людей. Неэтичным признаются высказывания, способствующие разжиганию межнациональной и религиозной розни, использование оскорбительных эпитетов по отношению к другим народам, участие в сетевых дискуссиях, имеющих целью или результатом разжигание ненависти или межнациональной (религиозной) розни, даже если такие действия формально не противоречат законодательству (предотвращение межкультурных разногласий).

Таким образом, переводческие объединения (союзы, советы) обращают внимание переводчиков на соблюдение моральных принципов, определяют нормы и правила поведения членов переводческого сообщества при осуществлении ими профессиональной деятельности, утверждают важные этические положения для переводчика.

Переводческие бюро (агентства) об этике переводчика

Переводческие бюро (агентства) уделяют большое внимание вопросам этики переводчика.

Так, в бюро переводов «Берг» [18] придерживаются следующих опорных пунктов этики переводчика. Итак, переводчик:

- не имеет права по своему желанию изменять текст при переводе;
- стремиться максимально передать инвариант исходного текста;
- не имеет права вмешиваться в отношения сторон при переводе;

- не имеет права высказывать свое личное мнение по поводу содержания переводимого текста;
- обязан соблюдать конфиденциальность по отношению к содержанию переводимого материала и без надобности не разглашать его;
- обязан известными ему способами обеспечивать высокий уровень компетентности в сфере языка оригинала, языка перевода, техники перевода и тематики текста;
- имеет право требовать всех необходимых условий для обеспечения высокого уровня переводческой компетентности, в том числе и соответствующих условий его труда (при устном переводе — надежности транслирующей аппаратуры, при необходимости — снижения темпа речи оратора; при синхронном — предоставления речей ораторов накануне, пауз в работе для отдыха и т. п.; при письменном — предоставления справочной и другой литературы по теме, доступ к программам переводческой памяти);
- несет ответственность за качество перевода;
- имеет право не переводить встречающиеся в тексте слова и выражения на другом иностранном языке (если переводчик не двуязычен или не было соответствующей предварительной договоренности с заказчиком).

В переводческом агентстве «TransNeed» [15] (далее — агентство) уделяется внимание умению переводчика себя вести, быть воспитанным человеком, следовать этическим нормам.

Например, переводчик не имеет права вмешиваться в отношения сторон, так же как и выражать собственное мнение по поводу переводимого текста; не имеет права реагировать на личные, индивидуальные особенности речи оратора (диалекты, ломаный язык, смешивание языков).

В агентстве придерживаются позиции, что этические нормы затрагивают культуру выполнения письменного перевода, в частности переводчикам рекомендуется следовать:

- правилам отражения состава текста (переводчик обязан перевести текст без произвольных сокращений текста оригинала, если иная задача не поставлена заказчиком);
- правилам оформления письменного текста (в тексте перевода должны быть обозначены страницы текста, воспроизведены средства графического выделения, сокращения должны быть по возможности расшифрованы и приведены в тексте перевода в исходном, полном и сокращенном виде на языке перевода).

В бюро переводов «ЛингвоПрогресс» [17], «Профи» [14], Prima Vista [19] придерживаются позиции о том, что в своей профессиональной деятельности переводчик обязан следовать следующим основным моральным принципам:

- принципу ответственности;
- принципу справедливости;

- принципу уважения достоинства;
- принципу компетентности;
- принципу порядочности;
- принципу построения отношений на основе доброжелательности и сотрудничества.

На основе работы переводчиков бюро переводов «Норма-ТМ» [16] приводит подробный перечень того, что переводчик с позиций этики не должен допускать ни в коем случае:

- демонстрировать свою неосведомленность, незнание вопроса, неподготовленность, приводить доводы в свое оправдание;
- привлекать к себе излишнее внимание, вести себя слишком эмоционально или развязно, «тянуть одеяло на себя»;
- вступать в приватные разговоры с участниками переговоров (особенно на деликатные темы, касающиеся компании и ее сотрудников);
- выражать свое отношение к переводимым высказываниям, даже если они спорны;
- перебивать и дополнять коллегу-переводчика, с которым вы работаете в паре; вмешательство допускается, только если коллега явно не справляется с переводом;
- переводить выступающего от третьего лица: «Он говорит, что...»;
- отвлекаться на посторонние разговоры по мобильному телефону (его необходимо отключить);
- при любых обстоятельствах следует соблюдать нейтралитет в выражении своего отношения к происходящему. Не стоит демонстрировать свою симпатию или антипатию к участникам переговорного процесса.

Таким образом, переводческие бюро (агентства):

- уделяют внимание вопросам этики переводчика;
- требуют от переводчиков следовать моральным принципам, нравственным правилам, нормам поведения при осуществлении профессиональной деятельности;
- формируют положительный образ переводчика в глазах заказчика.

Проработав Кодекс СПР, Этический кодекс переводчика; обобщая взгляды ученых, переводчиков, позиции переводческих бюро (агентств) об этике переводчика, автор формирует схемы «Этика переводчика» (Моральные принципы, нравственные правила, нормы поведения в обществе) (см. табл. 1), «Этика переводчика» (Нормы поведения в профессиональной среде) (см. табл. 2).

В схеме 1 перечислены общие моральные принципы, нравственные правила и нормы поведения в обществе. Переводчик должен следовать им как человек, гражданин, член общества. В схеме 2 перечислены нормы поведения переводчика в профессиональной среде, которые включают в себя:

нормы, которыми переводчик должен руководствоваться при осуществлении письменного и устного перевода;

нормы, которыми переводчик должен руководствоваться при взаимодействии с заказчиком и всеми участниками переводческого процесса;

нормы, которыми переводчик должен следовать как специалист, профессионал своего дела.

Таблица 1

Этика переводчика (Моральные принципы, нравственные правила, нормы поведения в обществе)		
Моральные принципы	Нравственные правила	Нормы поведения в обществе
Принцип — убеждение, взгляд на вещи [1].	Правило — постановление, предписание, устанавливающее порядок чего-нибудь; Образ мыслей, норма поведения, обыкновение, привычка [1].	Норма — узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-нибудь [1].
Принцип ответственности; Принцип справедливости; Принцип уважения достоинства; Принцип компетентности; Принцип порядочности; Принцип построения отношений на основе доброжелательности и сотрудничества; Принцип нейтральности	Правдивость; Надежность; Искренность; Корректность; Позитивное отношение к жизни; Скромность; Стремление к самосовершенствованию; Желание делать добро; Щедрость; Терпение; Доброе отношение к окружающим; Отвращение к злу, порокам; Предупредительность; Выдержка и хладнокровие в экстремальных ситуациях; Умение держаться; Тактичность; Умение хранить тайну; Собранность; Чувство собственного достоинства; Интеллигентность; Добросовестность; Обязательность	Проявление чуткости к окружающим; Проявление дружелюбия; Проявление вежливости; Проявление пунктуальности; Сохранение спокойствия; Сначала слушайте, а потом говорите; Держите слово; Не сетуйте на судьбу; Не хвастайтесь; Будьте аккуратным и к месту одетым; Заботьтесь о своем здоровье; Не допускайте унижения своего достоинства

Схема 2

Этика переводчика (Нормы поведения в профессиональной среде)
<p>Перевод осуществляется переводчиком в пределах его компетенции.</p> <p>Переводчик незамедлительно сообщает заказчику, если компетенция переводчика, возможности или условия заказа не позволяют выполнить перевод в соответствии с требованиями заказчика.</p> <p>При осуществлении перевода переводчик не допускает внесение личных суждений в перевод и сохраняет нейтральную позицию.</p> <p>Переводчик добросовестно выполняет перевод.</p> <p>Переводчик соблюдает авторские права.</p> <p>Переводчик прилагает все усилия для исключения конфликта интересов с заказчиком.</p> <p>Переводчик отклоняет заказ, если выполнение перевода противоречит законодательству или общественному порядку.</p> <p>Переводчик постоянно повышает свою квалификацию.</p> <p>Переводчик обеспечивает сохранность конфиденциальной информации, государственной тайны.</p> <p>Переводчик поддерживает тарифы на таком уровне, который позволяет постоянно оказывать качественные услуги и обеспечивает справедливое вознаграждение исполнителя.</p> <p>Ценовое предложение переводчика должно исключать неожиданные для заказчика надбавки к цене при расчете.</p> <p>Переводчик реализует при осуществлении своей деятельности честную конкуренцию.</p> <p>Неприемлемо предлагать свои услуги заказчику, с которым переводчик работает через посредника.</p> <p>Переводчик принимает все меры для профилактики и противодействию коррупции.</p> <p>Недопустимо в одностороннем порядке во время и после выполнения устного и письменного перевода изменять условия договора или включать в него дополнительные условия, которые невыгодны другой стороне.</p> <p>Переводчик информирует заказчика о правилах оказания переводческих услуг и обеспечивает максимальную прозрачность процесса выполнения перевода.</p>

**Этика переводчика
(Нормы поведения в профессиональной среде)**

Переводчик предлагает заказчику оптимальные решения поставленной задачи.
 Переводчик указывает заказчику на ошибки в оригинале.
 Переводчик несет полную ответственность за выполнение заказа.
 Переводчик соблюдает культуру общения, уважает права и обязанности сторон, соблюдает правила вежливости.
 Переводчик отказывается от необоснованной критики коллег.
 Переводчик прилагает все силы для повышения престижа профессии.
 Переводчик проявляет доброжелательность ко всем участникам переводческого процесса.
 Переводчик первоначально соблюдает действующее законодательство, в частности, Российской Федерации.
 Переводчик соблюдает международное законодательство.
 Переводчик является патриотом своего Отечества.
 Переводчик преумножает интеллектуальное богатство своей страны, гражданином которой он является.
 Переводчик не допускает дискриминации по возрасту, полу и внешним данным.
 Переводчик соблюдает профессиональную солидарность.
 Переводчик, работающий в составе творческих коллективов, обязан соблюдать общие для всех профессиональные правила работы и поведения.
 Переводчик устанавливает доверительные отношения с теми, с кем работает и с теми, на кого он работает.
 Переводчик сохраняет выдержку и хладнокровие в экстремальных ситуациях.
 Переводчик всегда предупредителен и пунктуален.
 Переводчик щедро делится знаниями и опытом с молодыми и начинающими переводчиками.
 Переводчик соблюдает правило «Не навреди!»
 Переводчик не имеет права по своему желанию изменить смысл и состав текста при переводе, сокращать или расширять его.
 Переводчик обязан заботиться о своем здоровье, поскольку от его физического состояния зависит качество перевода.
 Переводчик не имеет права реагировать эмоционально на индивидуальные дефекты речи оратора и не должен их воспроизводить.
 В письменном переводе переводчик обязан соблюдать правила его перевода и правила его оформления.
 Переводчику запрещается вводить отсутствующие в оригинале кавычки и спасительные слова «так называемый»; самовольно вводить синонимы термина; опускать непонятные фрагменты текста; оставлять непонятое и переведенное наугад место, не пытавшись проконсультироваться со специалистом.
 Переводчик не допускает участия в скандале, не переводит ругательств.
 Переводчик соблюдает деловой стиль одежды.
 Переводчик соблюдает этикет/речевой этикет, деловой этикет, телефонный этикет, этикет устного перевода, этикет письменного перевода, этикет общения в интернете.
 Переводчик никогда не должен говорить и писать, что в совершенстве знает иностранный язык.
 Переводчик должен понимать, что искусство говорить и искусство молчать в одинаковой степени важны для переводчика.

Приведенные в схемах моральные принципы, нравственные правила, нормы поведения в обществе, нормы поведения в профессиональной среде не являются исчерпывающими и будут дополняться.

Подводя итог, автор обращает внимание на следующие важные моменты:

составляющими этики переводчика являются нравственные правила, моральные принципы, нормы поведения в обществе, нормы поведения в профессиональной среде; нормы поведения переводчика в профессиональной среде включают в себя нормы, которыми переводчик должен

руководствоваться при осуществлении письменного и устного перевода; нормы, которыми переводчик должен руководствоваться при взаимодействии с заказчиком и всеми участниками переводческого процесса; нормы, которым переводчик должен следовать как специалист, профессионал своего дела;

нормы этики позволяют переводчику не допускать ошибки при осуществлении перевода; выстроить продуктивные, доброжелательные рабочие отношения с заказчиком и всеми участниками переводческого процесса; систематически повышать свой профессиональный уровень.

Литература:

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 352 с.

2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000. — 2310 с.
3. Климзо Б. Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. 3-е изд., исправленное и дополненное. — М.: «Р. Валент», 2011. — 488 с.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. 2-е изд., испр. — М.: Р. Валент, 2011. — 408 с.
5. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года. [Электронный ресурс] URL: www.gramota.ru (дата обращения: 12.04.2017).
6. Мирам Г. Э. Профессия: переводчик. — К.: Ника-Центр, 1999. — 160 с.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений/С. И. Ожегов; Под. ред. проф. Л. И. Скворцова. — 27-е изд., испр. — Москва: Издательство АСТ: Мир и образование, 2016. — 1360 с.
8. Паршина Т. В. Вопросы формирования специальной составляющей переводческой компетенции студентов-переводчиков в высшем учебном заведении посредством учебной дисциплины «Технический перевод»: научно-исследовательская работа / Т. В. Паршина. — Казань: Изд-во «Бук», 2017. — 142 с.
9. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. Славянский Дом Книги, 2014. — 960 с.
10. Хаматова А. А. О курсе «Переводческая этика переводчика». Журнал «Известия восточного института». Дальневосточный федеральный университет. Вып., № 1/2011. с. 53–64.
11. Чужакин А., Палажченко П. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания. М.: Валент, 1999. — 192 с.
12. Профессиональный кодекс члена Союза переводчиков России [Электронный ресурс] URL: http://www.utr.spb.ru/Prof_codex.htm (дата обращения: 05.04.2017).
13. Этический кодекс переводчика, 2-я редакция [Электронный ресурс] URL: translation-ethics.ru/code/ (дата обращения: 29.03.2017).
14. Бюро переводов «Профи». Переводческая этика. [Электронный ресурс] URL: www.perevodprofi.ru (дата обращения: 29.03.2017).
15. Бюро переводов «TransNeed». Профессиональная этика переводчика. [Электронный ресурс] URL: www.transneed.com/philology/art9.html (дата обращения: 29.03.2017).
16. Бюро переводов «Норма-ТМ». Этические аспекты в практике перевода. [Электронный ресурс] URL: www.norma-tm.ru/sakhalin-2/sakhalin2_translation_ethics.html (дата обращения: 29.03.2017).
17. Бюро переводов «ЛингвоПрогресс». Переводческая этика. [Электронный ресурс] URL: www.lingvoprogress.ru/node/37 (дата обращения: 29.03.2017).
18. Бюро переводов «Берг». Моральный кодекс переводчика. [Электронный ресурс] URL: <http://www.slowo.ru/> (дата обращения: 30.03.2017).
19. Бюро переводов «Prima Vista». Кодекс этики переводчика. [Электронный ресурс] URL: <http://www.primavista.ru/> (дата обращения: 30.03.2017).

Особенности перевода образного компонента значения лексических единиц

Турчанинова Ксения Александровна, магистрант
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Переводчики с давних времен выступают в роли посредников при общении представителей разных языковых общин. Задача переводчика — передать средствами переводящего языка точное содержание текста оригинала, сохранив единство формы и содержания.

В наше время большое значение для построения лингвистической теории перевода имеют исследования в области сопоставительного изучения языков. По ряду причин при переводе происходит множество преобразований, причина которых чаще всего кроется в присущем языку и его носителям видении мира. Описывая одинаковую предметную ситуацию, носители английского и русского языков могут выбрать совершенно разные языковые средства.

Например, для английского языка характерно преимущественное использование глагольных форм. Русскому языку, наоборот, свойственно более частое использование существительных. Также причиной переводческих преобразований могут служить некоторые особенности языка, например, сочетаемость, наличие грамматической категории в исходном языке (ИЯ) и ее отсутствие в переводном языке (ПЯ) или же несовпадение подобных категорий.

Выбор адекватного варианта перевода образных средств нередко определяется не только различиями в социально-культурном фоне, но и расхождениями в образной перспективе слова. По мнению А. Л. Коралловой под лингвистическим образом следует понимать «созданное средствами

языка двуплановое изображение, основанное на выражении одного предмета через другой» [5, с. 31]. Изменение смысла, сопровождающее формирование образности, основывается на каком-либо из видов тропа — чаще всего на базе метафоры.

Перевод образной лексики представляет собой значительные трудности. Это объясняется тем, что данные единицы являются яркими, эмоционально насыщенными и очень часто обладают ярко выраженным национальным характером. Однако, категорию образности возможно считать принципиально переводимой, так как она может быть отнесена к разряду межъязыковых универсалий. Соотнесение нового, незнакомого предмета с уже понятным и известным лежит в основе не только образного освоения мира, но и процесса познания вообще.

Образный компонент значения слова может обладать оттенками, которые достаточно сложно уловить, однако имеющие большое значение в авторской картине мира. Необходимость сохранения образных средств в переводе будет в первую очередь зависеть от характера переводимого текста, от его принадлежности к тому или иному функциональному стилю. Художественное произведение является семантически, структурно и коммуникативно завершённым единством. Важность изучения перевода образных средств обусловлена необходимостью адекватной передачи образности произведения, а это часто вызывает затруднения у переводчиков из-за национальных особенностей разных языков.

Неточная передача образных средств или их нейтрализация при переводе может привести к искажению речевой характеристики персонажей, отношений между ними и авторской точки зрения на происходящее. Перевод образной лексики должен учитывать множество факторов:

- точное значение слова или устойчивого выражения, что довольно актуально при переводе художественного произведения;
- частотность употребления выражений в ИЯ и ПЯ;
- сочетаемость в ПЯ
- грамматические особенности языка перевода.
- индивидуальные особенности стиля автора

В качестве материала для исследования выступил роман П. Г. Вудхауза “Thank you Jeeves” и его перевод на русский язык Ю. Жуковой «Дживс, вы гений!». Рассуждая о жизни своего приятеля в окружении родственников, главный герой говорит:

«I had often felt how tough it must be for poor old Chuffy having this pair of *pustules* popping in and out all the time».

«Сочувствую и всегда сочувствовал бедняге Чаффи, как ково-то ему терпеть общество этих двух **злокачественных прыщей**, которые постоянно вскакивают у него на пороге».

В русском языке эпитет злокачественный относится к вполне определенной болезни и имеет крайне негативную эмоциональную окраску, сочетание ее с таким

словом как «*прыщ*» вводит читателя в заблуждение, так как английское слово «*pustule*» имеет достаточно широкий диапазон значений от самого безобидного — маленький прыщик до гнойничок.

Манера письма и стиль, присущие писателю во многом определяется соотношением языковых средств, в частности языковых образов, которые он выбирает и включает в текст своего произведения.

Средства образной выразительности имеют большой удельный вес в художественной системе Вудхауса. Он широко и свободно пользуется метафорами в раскрытии психологического состояния действующих лиц. Речь большинства персонажей П. Г. Вудхауза пестрит клишированными фразами, от чего их слова приобретают ярко выраженное ироническое звучание. Эти клише являют читателю яркие образы мира произведений данного автора.

Большинство исследователей полагает, что возможности достижения полноценного перевода образной лексики зависят в основном от соотношений между единицами исходного языка и языка перевода: единица может иметь в ПЯ точное соответствие (по форме и содержанию), ее можно передать на ПЯ тем или иным соответствием, или она не имеет в ПЯ эквивалентов.

Большинство исследователей В. Н. Комиссаров, С. Е. Кунцевич, Я. И. Рекцер, И. А. Везнер и др. выделяют четыре основных способа перевода образной лексики:

1) с полным сохранением иноязычного образа;

«*You're a public menace. For weeks, it appears, you have been making life a hell for all your neighbors with some hideous musical instrument*»

«*Вы представляете собой угрозу для общества. Посредством какого-то кошмарного музыкального инструмента вы, как выяснилось, превратили жизнь всех своих соседей в форменный ад*».

Перевод слова «*hell*» — «*ад*» является прекрасным примером сохранения авторской образности в тексте перевода, эта лексическая единица создает в воображении читателя образ невыносимой жизни.

«*Follow the green line*».

«*Даю тебе зеленую улицу*».

При переводе выражения «*to follow the green line*» (получить разрешение/ делать что-либо с разрешения) был сохранен цветовой образ: зеленый свет светофора = разрешение, но, в русском языке существует устойчивое выражение «**дать зеленый свет**», которое было проигнорировано переводчицей.

2) с частичным изменением образности;

“The man must have the crust of a *rhinoceros*” (по отношению к человеку).

«Надо же быть таким толстокожим! Настоящий **бегемот**».

Видимо, переводчик посчитал, что для русскоязычного читателя более ярким образом сдержанности и стойкости

послужить бегемот, в то время как автор выбрал для этих целей образ носорога — «*rhinoceros*».

«[] в дальнем углу какая-то смутная тень **вела борцовский поединок со стоячими часами**».

«[] *form was in the far corner, wrestling with the grandfather clock*».

С присущим автору чувством юмора, преподносится ситуация порчи напольных часов, данный неравный поединок человека и неодушевленного предмета приобретает образ боя в реслинге, или в тексте перевода «борцовского поединка».

3) с полной заменой образности;

«*How dare you play that thing in a respectable block of flats? Infernal din*».

«*Как вы смеете производить подобные звуки в столь respectable доме? Настоящий кошачий концерт!*».

Здесь цель переводчика состояла в передаче образной фразеологической единицы «*Infernal din*» (адский шум), она была достигнута использованием в тексте перевода фразеологизма с похожим образным наполнением (что-то весьма неприятное для прослушивания) — «кошачий концерт».

«*Он просто надрался, как свинья*».

«*He's simply as tight as an owl*».

В английском языке существует ФЕ с компонентом-зоонимом для образного описания алкогольного и опьянения: «*as drunk/tight as an owl*». — переводчик решила не отходить от использования образа животного в тексте перевода, однако образ был частично заменен: сова превратилась в свинью.

4) со снятием образности.

Литература:

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — 396 с.
2. Везнер И. А. Перевод образной лексики: Когнитивно-дискурсивный подход: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2015.
3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. — М.: Русские словари, 1997. — 416 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
5. Коралова А. Л. О некоторых семантических особенностях лингвистического образа // Вопросы грамматического строя языка. — 1976. № 100. — С. 39–51
6. Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. — 1983. — № 6. — С. 48–57.
7. Рецкер Л. И. Теория и практика перевода. — М., 1956.
8. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности [монография]. — М.: Наука, 1991. — С. 36–66.
9. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие. — М.: Высш. Шк., 1983. — 416 с.
10. Вудхаус П. Г. Дживс, вы гений! [пер. с англ. Ю. Жуковой] — М.: АСТ, 2014. — 256 с.
11. Wodehouse P. G. Thank you, Jeeves. — London: Arrow Books, 2008. — 289 с.

«... *heaps of people have hearts of gold*...»

«... **не мало** людей с золотым сердцем...»

Перевод образной лексической единицы «*heaps*» (куча/груда) переводчик решила сделать нейтральным — «не мало», и из предложения исчезла авторская образность.

«*You are brutally and callously scheming to oil out, leaving this lovely girl to break her heart — deserted, abandoned, flung aside like a... like a... I shall forget my own name next... like a soiled glove*».

«*Ты хочешь подло, бессердечно **сбежать, разбить** этому изумительному созданию **сердце**, ты хочешь покинуть ее, оставить, **бросить, как...** как... черт, я скоро свое собственное имя забуду... **как изношенн***»

Ситуация бесшумного и незаметного для окружающих исчезновения человека описана посредством английского фразового глагола «*oil out*» (слиться, как масло), однако в тексте перевода данное образное сочетание было нейтрализовано «сбежать».

Выбор переводческих решений зависит в каждом конкретном случае от контекста употребления образной лексики, от наличия или отсутствия соотносительных средств в языке перевода. Переводчик может сохранять или не сохранять образность при переводе, используя дословный перевод, ища соответствия в языке перевода, создавая новые образные элементы, применяя описательный перевод или используя другие средства для передачи образной единицы. Однако рискованные на первый взгляд решения переводчиков, в некоторых случаях не препятствуют пониманию исходного текста и сохраняют юмористический эффект, давая читателю лучше понять героя, его взаимоотношения с другими персонажами и его отношение к происходящему.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

About some problems of specialized terminology in teaching foreign language

Bakirova H.B.

Uzbek state world languages university, Tashkent

This article considers about the specialized terminology as a special genre of human intellectual activity, fixing the results of cognitive activity and performing an acquaintance with the basic concepts of a particular branch of knowledge. As specialized terminology, in recent years, have been in the focus of many researchers, here we also aimed to analyze and generalize these concepts.

Key words: *specialized terminology, terms, international standards, specialized dictionary, terminography, special vocabulary*

Specialized terminology is a thematic and conceptual area, connecting the people who communicate professionally. "Every specialized terminology substantively and functionally characterized by its attachment to the narrow sphere of specialists' communication in the field of science or practice. The true and deep understanding of the meaning of each term is only available to them, only the experts use the terms very accurately" [3, p-53].

Specialized terminology, in recent years, is in the focus of many researchers.

About how this or that branch of knowledge developed as limited its concepts from the concepts of other branches of knowledge, evidenced by the presence of specialized vocabulary. Specialized Dictionary — a special genre of lexicographical descriptions, addressed to both specialist and nonprofessionals.

Special lexical units — terms — have a semantic structure correlated with the scientific concept. Comparative analysis of the typological characteristics of terms constituting transferable bilingual specialized dictionary allows revealing the features of the conceptual structuring of the field in each of the analyzed languages.

Specialized Dictionary is a special genre of human intellectual activity, fixing the results of cognitive activity and exercising the familiarity with the basic concepts of a particular branch of knowledge (prompting to study, to knowledge).

Terminography — a partition of lexicography, with its own objectives and specific tasks, owning its own subject description and methods.

According to S.V. Grinyov "now there is every reason to consider Terminography as an independent discipline, which has its object of study — dictionaries of special vocabulary, its subject — the establishment of principles for the formation and evaluation of specialized dictionaries, their own methods of system analysis and description of the special vocabulary in dictionaries of different types, as well as integrated parametric descriptions and evaluations of dictionaries" [5, p-19].

As fairly observes I. S. Kudashev, "Principles of creation of normative terminological products are described in detail in many textbooks, manuals and even international standards, but they are not always applicable to the dictionary, focused on translation, as the latter are quite different from standard dictionaries in volume, purpose and destination" [6, p-1].

Compiling dictionary it is a work that requires joint action of linguist — and specialist — terminology dictionary as, on the one hand, this is a list of lexical units, demanding the linguistic description, but on the other hand — this conceptual field related to a specific part of scientific knowledge.

Specialized terminology has a clearly marked pragmatic character as addressed to a certain part of society and, therefore, we consider that "in compiling the dictionaries of special vocabulary it is important to take into account that the level of knowledge of the users in the selected domain, their general language skills, language skills for specific purposes and lexicographical training" [6, p-1]. In the history of lexicography as the linguistic branch of knowledge, designed to study the theory and practice of compiling dictionaries, terminography occupies a certain place.

The researchers, in particular I. S. Kudashev noted that lexicography as an area of linguistics, despite centuries of existence of dictionaries got its development only in the 20th century: "lexicography as a science is relatively young and its conceptual system and the terminology is unsettled (Burkhanov 1998: 7; Tabanakova 1999: 9; Hartmann 2001: 64)" [6, p-15]. The most intensive development of lexicography has reached the middle of the XX century, and in the second half of the XX century, in the depths of lexicography started to form a special branch of lexicographical description — Terminography.

Among the most important studies, developing the theory and practice of compiling dictionaries and special terminography include scientific papers S. V. Grinyova, Y. N. Marchuk, I. S. Kudasheva.

In the works of S. V. Grinyova, in particular, in the "Introduction to Terminography", the central place is occupied by the study of theoretical issues related to the practice of compiling dictionaries. The author points to the close relationship terminography with terminology: "Originating as a branch of lexicography, terminography always gravitated to the terminology, as issues such as the establishment of synonymy, homonymy and polysemy of terms, definition and selection of them foreign-language equivalents traditionally solved in the framework of terminology".

And further: "So many terminographs believe that the terminology is a theoretical base or even considering terminography as a section of terminology. Recently however, it determines the range of problems itself terminography that allows considering it as an independent field of knowledge, located at the junction of terminology and lexicography" [5, p-8]. Consequently, S. V. Grinyov, pointing to the obvious connection between science on the terms and science of special dictionaries, yet emphasizes terminography independence as a branch of linguistic knowledge.

The author examines the dictionary as a complicated compositional device whose component parts are macro-composition and micro-composition dictionary, each having its own specific set of core and optional features (in the terminology used by the author of the work — the parameters). By macro-composition assigned parameters associated with questions of general vocabulary structure to micro-composition — parameters associated with the problems of the format of entries, and the nature of its filling [5, p-18].

In the J. N. Marchuk's "Fundamentals of terminography" there are analyzed general questions of terminography, but the focus of the author are the issues related to machine translation, and the last place in the general theory of terminography. Since the work in question has the character of a manual, it sets out in the review as the problematic issues of lexicology, lexicography, the modern language situation and many other phenomena that give related topics as the problem with the translation of the term, and with the issues of creation of terminological dictionaries.

An interesting study of general and specific questions of terminography conducted recently and published relatively recently, is contained in the I. S. Kudashev.

So, the terminography has only a few dozen years, during which, produced some results as:

- an attempt to determine the place terminography among other branches of knowledge, and its relations with lexicography and terminology;
- defined object of study and objectives of its analysis;
- identified a range of key characteristics of the special vocabulary (or parameters) which accumulated a certain amount of information relating directly to the history of terminography and its theory and practical usage

Agreeing with the opinion of S. V. Grinyov, "the subject of lexicographical theory is to develop principles and methods for creating dictionaries, and central to the lexicographical theory is the doctrine of the types of dictionaries, glossary, and a part of the structure of the entry" [5, p-6], the subject of terminography theory "should be considered to develop the methodology and specific methods of preparation of special dictionaries, and most important tasks — the development of the principles of classification and typology of terminological dictionaries, the definition of scientific principles selection of a special vocabulary for specific types of terminological dictionaries, and the establishment of uniform principles the most effective description (interpretation, translation, attribution, etc.) and presentation of terminological vocabulary in special dictionaries".

The work of I. S. Kudashev "Designing the translation dictionaries of special vocabulary" is interesting because in it there is given almost complete description of the dictionary as a product, given a list of dictionary users, set out its own method of design of specialized dictionary.

When designing a dictionary based on the established definition of I. S. Kudashev says necessary to consider the following issues:

- addressee of the dictionary;
- purpose of a dictionary;
- relationship with other works;
- carrying information;
- composition of the left side of the dictionary;
- composition of the right side of the dictionary;
- composition of additional information;
- composition and the relative position of parts of the vocabulary;
- means of compression of the dictionary;
- organization of vocabulary and providing access to information [6, p- 48].

It is not difficult to notice that the parameters of the terminological dictionary, marked J. S. Kudashev, called as the basic characteristics and in the work of S. V. Grinyov. Question about the problems of terminography is particularly important for the professional exchange of information, as the specialized dictionaries — this is necessary for professional communication literature, which are supported and specialists — terminographs, and translators representing the language of the person.

So, a brief overview of modern scientific literature suggests that in the history of linguistics XX century can be marked by diverse and swift development of linguistic knowledge. The end of the XX century was marked by a change in the language analysis researcher positions: dominant becomes anthropocentric paradigm. Linguistics beginning of the XXI century shifts the focus of its attention to the study of language from the language to human language, taking the position of the language as a bridge between the mental and the social and cultural life.

References:

1. Akhmanova O. S, Minaeva L. V. On the subject of meta-language and educational lexicography\Dictionary and lingvo-countrystudy. M. 1982.
2. Akhmanova O. S, Ter — Mertschian S. A. The scientific definition of a linguistic and semiotic problem\The problem of definitions of terms in the dictionaries of various types. D., 1976.
3. Danilenko V.P. Russian terminology: the experience of linguistic description M.: Nauka, 1977. — 246 p.
4. Gak V.G. Some regularities of lexicography (learning and lexicography in general historical aspect)\Actual problems of educational lexicography. M. 1977.
5. Grinyov Grinevich S. V., Terminology/Hadout. M.: Acad. 2008, 304c.
6. Kudashev I. S. The original approach to terminography as the science of creating terminological dictionaries. Design of translation dictionaries of special vocabulary. Helsinki, 2007. 443 p.
7. Vinogradov V.V. Actual problems of educational lexicography -M., 1977.
8. Vinogradov V.V. The word in the dictionary and grammar. Moscow, 1984
9. Volkova I. N. The standardization of scientific and technical terminology. Moscow, Publishing House of Standards, 1984.
10. Volodin, N. V. On the question of the structure and content of bilingual scientific and technical dictionaries\Conference on the theory and practice of translation of scientific -technical. L. 1968.

Formation of lexical skills in teaching foreign languages

Ibragimov N.T.

Uzbekistan state world languages university, Tashkent

This article discusses the formation of lexical skills of speech activities (listening and speaking, reading and writing) in the middle and older stages of learning a foreign language. As the vocabulary means an essential component of speech activity in language system it determines its important place in each language class, establish and improve vocabulary skills are constantly in the field of view of the teacher. We hope this material can serve as a manual for teachers.

Key words: *communicative competence, speech activity, speaking, listening, writing, vocabulary, monologue and dialogue speech, vocabulary, oral language*

The state educational standards in foreign languages is provided as a target of training to master foreign language communication at least an elementary level of communicative competence in speaking, listening, writing, and advanced communicative competence in reading.

This approach to learning a foreign language necessitates rapid and at the same time very high-quality training to the operation of its linguistic resources.

The level of formation of communicative competence depends on the mastery of quality, including the lexical part of speech activity.

The vocabulary in language means the system of an essential component of speech activity: listening and speaking, reading and writing. It determines its important place in each language class, establish and improve vocabulary skills are constantly in the field of view of the teacher. Lexical units of language along with grammar, are original and essential building blocks, through which the speech activity and therefore constitute one of the main components of the training content of a foreign language. [1, p 78]

Often in the school can be observed the following picture: the students learned on the first year of the foreign language

teaching of 150–200 words and actively use them in speech, in subsequent phases are forgotten — the vocabulary of students is not only growing, but even declining. [4, p 69]

All this is reflected in the fact that in the monologue and dialogue speech students consume monotonous vocabulary, so it looks unnatural, devoid of lexical variation, adequate flexibility, which does not correspond to the age of pupils and the accepted norms of communication.

A number of words of a foreign language are huge. Required for mastering each word hard work or is not carried out, or covers such language, which in the future is not used in speech, and therefore forgotten.

To reach students mastering the vocabulary of a foreign language, without which it can neither expression nor the understanding of the content of speech, you need to consider working on such lexical units, which are necessary for the development of speech and have a repeatability within the secondary school subjects.

It is necessary to take into account several important points. In the first place — it is the personality of the teacher, his professional qualities. Depending on how interesting it will be planned teacher work in this direction depends on the

desire to enrich their student vocabulary, the desire to speak a foreign language. The volume of the vocabulary of students, the ratio of its efficiency in the assimilation of the material is directly proportional to the creative impact of the teacher, his professional competence. [6, p 108]

The teacher must possess the capacity for creative activity. His main goal in this context is to achieve the full development of students' lexical minimum software and durable fixing in their minds active vocabulary in the middle and older stages of learning.

The second important point — the problem of active and passive language skills. It is generally known that even in the native language of the person has an active reserve, i. e. lexical units, which he uses in his speech, and passive reserve of vocabulary, which he only understands. Passive vocabulary of person several times greater than the active reserve. [2, p 56]

From this it follows that the lexical minimum in foreign languages should include two parts: active and passive vocabulary. Science has established that at least active minimum in foreign languages should be 2.5–3 times less passive, in that it includes both the core.

The discrepancy between the volume of active and passive materials is due to the following pattern: active and passive command of the language is based on the different mental processes: in the process of self-selection of linguistic resources that are stored in non-volatile memory, and building necessary for statements of word forms, phrases and sentences — with the active ownership; on the perception of the processes already executed another's speech, its analysis, recognition of familiar elements in it and understanding on this basis to make sense of another's speech (including by means of guesswork) — the passive possession.

In addition, the amount of active and passive lexical material used in the process of learning a foreign language depends on the number of extra-linguistic factors: the level of initial training of students, their abilities, etc. Introducing new words have to be mastered almost every lesson, referring to the methods of work on vocabulary.

At the stage of initial training of students in mastering it must be resolved at least three goals. Required to provide:

- the correctness and accuracy of the perception of the students, the word, establishing a strong link between the image and value;
- correct localization of speech in memory of the student on the basis of information about the involvement of other words native and foreign languages;
- correct and varied combination of new lexical units with other already known words of a foreign language students. To solve these problems requires separately for active and passive low, since the skills required and the difficulties of their formation are different for each of them. [3, p 90]

Vocabulary of active reserve should be administered orally in a separate proposal, or a coherent story. We must strive for maximum brightness of the first acquaintance of students with the new lexical items and try to link them to a particular

life situation, as the first perception is important to remember (although it does not eliminate the need for further work on the material and its multiple repetitions). Following oral entry teacher says new words (each word separately), and the disciples to repeat in chorus and individually.

This is for consolidating the primary sound form of the word. New words are also useful to record, as according to the observations of psychologists: the three types of memory — auditory, visual and motor — in children here are most often the latter two developed. No wonder they say: the one who writes the double-reading.

Vocabulary exercises for training the active ownership of vocabulary, suited to all levels of education are the following: create combinations of these disjointed words, fill in the blanks in the sentences or complete sentences in a number of words to emphasize the word with the opposite meaning, to answer questions, using these words, call how generalizing word can bring together a group of words to write equivalents listened phrases, determine which part of speech are words (over every word to deliver the appropriate: adv — adverb, v — verb, n — noun, adj — adjective, and so on.).

Lexical games:

“Association” (Take the word which the class learned long ago. Students are asked to provide all the words that are associated with it. The words are written on the board in the form of Word Web).

“Remember new words” (board is divided into two parts. On one half the word is written, who had just learned and to remember. Students have to offer words of those they already know, which resemble to some extent the word you want to remember.

These words are written to the other half of the board, and the new word is erased. It does this for as long as each of the new words will be replaced with the words-reminders. Now students have to remember, with some new words have been linked these words. New words are written on the board again, and the words reminder wiped). [5, p 165]

Lexicon passive margin should be administered as an oral story (or in separate proposals), but possibly in the form of individual lexical units, isolated from the context. Disclosure values and explanation in this case combined. Explain the features necessary to the sound and graphic form of words, the amount of value, shades of meaning, and deviate from the rules of grammatical forms.

Just as the introduction of active reserve units at work on the passive margin of mandatory consolidation stage sound and graphic forms, pronunciation of new words, reading them aloud.

Lexical exercises for passive margin is not very diverse. This is the choice of the text (or a separate proposal) words of a certain value, the translation of the proposals with new or homonymous words in their native language when reading or with hearing. The main speech of passive vocabulary consolidation occurs in the process of listening and reading. Without reading a variety of texts, built mainly on passed vocabulary, vocabulary accumulation possible.

Do not give up, and by this method of fixing vocabulary as students conduct their own dictionary. Work on the vocabulary provided food for the development of the

language of observation, which is important for the general culture of students, and for the possession of the mother tongue.

References:

1. Galskova N. D. "Modern methods of teaching foreign languages". — Moscow, 2003
2. Kuvshinov V. I. "Work with the vocabulary of the English language in the classroom". — № 4, 2002
3. Marchan N. B. "On some methods of increasing the efficiency of the study of vocabulary". — № 5, 2004
4. Passov E. I. "Communicative speaking foreign language teaching method". — Moscow, 1985
5. Tsetlin V. S. "Work on the word". — № 3, 2002
6. Yakimanskaya I. S. "Technology of student-centered education". — Moscow, 2000.

The role of reading in the process of foreign language teaching

Ibragimova Zarifa Nabiyevna

Uzbek state world languages University, Tashkent

As reading is one of the most important means of obtaining information and it has a significant place in the life of an educated person, this article deals with the role of reading in the process of teaching the foreign language.

Key words: *foreign language learning, reading, extensive reading, intensive reading, scanning, skimming*

Learning a foreign language contributes to the development of cognitive functions of the human psyche. In the process of mastering a foreign language practicing different memorization techniques, formed philological thinking, expand knowledge of reality. Especially reading helps to develop all these skills.

At the initial stage of learning reading comes to master the technique of reading aloud, and only to some extent, self-reading. Teaching reading is learning first letters correlating with certain sounds, and then learning to relate the sound image of the word with the visual (i. e. called the subject). Thus, it allows you to articulate specific content (context) in the form of phrases, sentences, more common expression. Reading is closely connected with the pronunciation of human skills, which help to form the fugitive reading technique.

Reading plays a major role in the process of learning a foreign language. It is always directed to the perception of the finished voice message (and not on its creation), to receive information, so it is considered to be receptive types of speech activity. The peculiarity of reading is that the evaluation of the success of its implementation is subjective and is reflected in the satisfaction of reading with the result — achieved a degree of completeness and accuracy of understanding.

Reading is the purpose and means of learning a foreign language. The goal of reading instruction is to give students the ability to read a foreign language, which is one of the practical purposes of studying of this discipline.

When learning to read should allocate some of these views:

Extensive reading is informative reading, in which the subject of attention of the reader becomes the voice of the work (book, story, and article) without having to install certain

information. While reading the basic communicative task confronts the reader it is to extract from the text of the main, the information contained herein. Usually this type of reading is determined by the degree of automated, technical skills in students.

Intensive reading implies a very full and clear understanding of all the information, as well as its critical reflection. This thoughtful reading, suggest a focused analysis of the content read by relying on linguistic and logical connection text. Its task is also the formation of trainee skills without the assistance of others to overcome difficulties in understanding a foreign language. The subject of «study» at the same time as reading the information contained in the text, but not the language material. The degree of completeness of understanding is 100% accurate and is expected to (adequate) understanding of the information.

Skim reading involves getting a general idea of readable material. Its purpose is to provide a very general idea of the topic and the range of issues addressed in the text. It is cursory, selective reading. This kind of reading requires reading from a fairly significant amount of linguistic material. The time allowed for viewing is determined by the rate of 1 – 1.5 pages per minute.

Scan reading is aimed at reading newspapers and literature to study foreign languages. Its main objective is to find the text of well-defined data (facts, features, digital characteristics, indications) rapidly. It is focused on finding specific information in the text. When reading the extraction of semantic search of information does not ask discursive action and there are automated. Such a reading, as well as the viewing, requires a sense of direction in the logical and

semantic structure of the text, to choose from it the necessary information on a particular issue, to choose and combine the information of several texts on specific issues. [2, p.90]

Features of reading as a speech activity make it a very effective learning tool. Its positive role is particularly pronounced in mastering the language material: the mnemonic activity that accompanies the process of reading provides the memorization of linguistic units, both studied and new for the pupils. Therefore, in the advanced stages of learning to read texts serves as a way to expand vocabulary.

Teaching reading should be a training speech activity. Compliance with this provision is very important as it not only creates the correct orientation of the students, but also contributes to more rapid development of the necessary skills in a foreign language. Features of reading as a means of learning often leads to the fact that in practice it is mostly used in this function: the texts are intended to familiarize with the new language material, to paraphrase, answers to questions, etc. Learning to read should be built as a cognitive process. The specificity of reading a speech activity is that it is used in solving the problems of the cognitive plan. In addition, training should be structured so that the reading caused mental activity of students, accompanied by the decision of specific mental tasks requiring interpretation in the text of the facts, their comparison, grouping, etc. [3, p.59]

Teaching reading in a foreign language should be based on the existing experience of the students read in their native language. The identity of the process of reading in different languages is the basis for transfer is already available to mature students reading techniques in their own language in a foreign reading. One of the main conditions of such a transfer is the corresponding ratio of students to read on a foreign language. Though reading refers to receptive types of speech activity, it requires a series of flow reproductive nature of the operations, which are most clearly traced in the interior and in the pronunciation of the action prediction mechanisms. External manifestation of the presence of the necessary automatism is a high reading speed and ability to learn to read at different speeds (read flexibility). This requires special attention to the development of reading speed. This method of teaching reading helps to control the formation, on the one hand, the technical skills of trainees, process-read material, as defined in this speed regime promotes clotting within them analytical operations. Thus, both species are read communication activity is to extract information contained in the text, to the extent necessarily.

Reading is carried out on mechanisms of mastering oral linguistic material in stages: first mastered reading words, then — read structures and their gradual expansion, then — a combination of different types of structures and, finally, reading short texts, with a gradual increase in the volume and complexity of the content.

With abundant reading the accumulation of the necessary vocabulary, this is absorbed and used in reading. Now it should go to the question of practical training in reading

in high school, what techniques should be guided reading lesson to become entertaining and effective. Consider this question on an example of any type of text. While making the task text should not be split into parts, so as not to disturb the complete picture of the product, but in the course of work the teacher can divide the exercises into two separate lessons on your own. Jobs created by the text, divided into two parts: a separate assignments for homework and assignments of students to work in the classroom. A lesson is given time to check the home exercises, but with a certain interpretation. The exercises included in the homework of students associated with the work on vocabulary, pronunciation, translation and grammar. Be sure to present the task to prepare expressive reading certain passages and literary translation, as well as in the learning of the proposed passage by heart. The last task is necessary for the accumulation of material in the speech of students and instilling in them the ability to feel a foreign language. In drawing exercises for classroom activities need to consider the type of speech activity (reading and speaking) that is, focus on verification of general and detailed understanding of the text, as well as speaking. The latter include those tasks that begin with the words: describe, comment, compare, etc. Initially, the entire slave notes begin with, which you need to select language, that is, to make an active vocabulary for students to broaden and deepen their vocabulary. Vocabulary material from the literature on home reading is taken on the basis of the general principles of selection of lexical material by relying on the existing minimum vocabulary of students. These principles include the following:

- principle of compatibility, i. e. the ability to combine words with a lot of words;
- thematically principle, that is, the importance of words to express the necessary concepts,
- stylistic-principle (unlimited) i. e. the ability of words used without stylistic limitations;
- grammatical principle, which are selected on the basis of mainly words that can carry grammatical sentence function. [1, p. 34]

Dividing the active vocabulary is based on a theme for the oral speech, which is intended to cover, as far as possible, complete the proposed speech situations that may arise in the course of the speech communication. While compiling the active vocabulary it is useful also to include in addition the new and partly familiar material (new meanings and new usage of lexical units, lessons with a different meaning, a different use or other compatibility) already familiar lexical material, the need for frequent repetition of which is associated with the presence in it of special language difficulties, that arise when speaking or understanding. It's necessary to mention the fact that if the home reading is entered in the initial stage of training, the lexical material for selected books must be reduced to the necessary minimum, which is achieved by eliminating all the words and expressions that are not necessary in the first place to achieve the learning objectives.

The handout does not include the word, although being communicative and valuable, but not related to the learned topic at a particular stage of learning, phraseological combinations which are equivalent to the words and synonyms etc. in their function. Filling the vocabulary of students goes in stages, at an advanced stage of training its expansion can occur not only due to the introduction of

new lexical units (i. e. breadth), but also due to the inclusion of unknown meanings or lexical-semantic variants of the familiar words, synonymous and increase antonymous series, series of expansion of native equivalents of words, adding derivatives and compound words to jacks of single rooted vocabulary, replenishment the vocabulary with phraseological units.

References:

1. Бычкова Н.А. Организация уроков домашнего чтения на старшем этапе обучения // ИЯШ. 2003. № 6.
2. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя. — М.: АРКТИ, 2004. — 192с.
3. Ляховицкий М.В. Методика преподавания иностранных языков Методическое пособие. — М.: Дрофа, 2006. — 369 с.
4. Мильруд Р.П., Гончаров А.А. Теоретические и практические проблемы обучения пониманию коммуникативного смысла иноязычного текста // ИЯШ, 2003, № 1.

A research of the concept “intercultural competence” and its role in language teaching at the educational establishments

Ibrokhimova L.I.

Uzbekistan state world languages university, Tashkent

The article considers about the research of the concept “intercultural competence”. The desire to understand the definition of intercultural competence has led us to the following questions: What role does intercultural competence among other professional competencies? How it is defined? And what it consists of? We tried to analyze these questions in our article thoroughly.

Key words: *information society, intercultural competence, the dialogue of cultures, verbal and non-verbal communication, language barrier, linguacultural community*

The development of modern information society is inconceivable without the globalization processes, integration, innovation and ever-increasing intercultural interaction. These processes apply to all spheres of human life — household, cultural, scientific, political, economic, etc. Throughout our lives, we, of course, faced with different cultures, they can be neighbors, colleagues or acquaintances. However, communication with them can be difficult because of the differences in the perception of the world, cultural features, and the language barrier. This situation requires the development of tolerance and empathy, the ability to adapt quickly and have the flexibility of thinking, in order to successfully build and implement effective communication interaction. All this can be combined with one general term “intercultural competence”.

An analysis of the scientific and educational literature gives an indication of the fact that various aspects of the intercultural competence of the individual trainees studied and dealt with in the theoretical writings (A. V. Annenkov, V. G. Apalkov, K. E. Bezukladnikov, P. P. Bikiteeva, G. V. Elizarova, O. Leontovich, A. Y. Muratov, O. G. Oberemko, L. P. Pavlov,

M. V. Plekhanov, I. L. Pluzhnik, Y. A. Sinitcina, E. R. Khakimov, A. Artamonova, A. E. Fantini, G. Ellis, E. Jung, T. Nakayama, T. B. Rogers, Y. Sarkees, G. Triandis and others.). Researchers who identified the specifics of the process of formation of intercultural competence are (M. Bennet, G. Chen, D. K. Deardorff, K. Knapp, J. M. Knight, C. Kramsch, Moosmüller A. and others.). A positive attitude to cultural differences were studied by L. I. Korneev, Passow E. I, V. V. Safonov, A. N. Utehina, B. Coltrane, C. K. Kikoski, E. Peterson and others. As for the ability of interpersonal interaction within the native foreign language and culture N. D. Galskova N. I. Gez, G. S. Denisov, M. R. Radovel, Safonov V. V., Sysoev P. V., J. Barkman, D. Carbaugh, K. Cushner, G. Fischer.

Based on the analysis of sources on the researched topic, we can say that intercultural competence plays an important role in the structure of core competencies.

V. V. Safonova defines intercultural competence as part of the communicative competence of the language person. [15, p 78]

Intercultural competence, according to N. D. Galskova, N. I. Gez, has the ability, allowing the person to realize himself

in the dialogue of cultures, i. e., in terms of intercultural communication. Its formation is carried out in conjunction of mastering the foreign language and development of the cultural code of human experience, which included possible isolating the relationship of man to himself, to the world, as well as the experience of creative activity. [5, p 90]

K. Knapp defines intercultural competence in terms of the linguistic approach as the ability to understand other cultures, as well as members of their own culture. [8–69]

Among the scientists also there is no consensus on the concept of intercultural competence. In science there is often used definition in the textbook Sadokhin: Intercultural competence is a set of knowledge and skills that enable the individual in the process of intercultural communication to adequately assess the communicative situation, the effective use of verbal and non-verbal means, to put into practice the communicative intentions and check communication results with feedback communication. [14, p 108]

S. I. Garmaeva exploring the features of formation of intercultural competence of students of non-language high schools by means of modern information and communication technologies, defines that intercultural competence involves a certain ownership of the students complex knowledge about the culture of the target language country, providing cultural interaction. [6, p 105]

L. I. Korneev believes that intercultural competence means to understand, appreciate and respect the factors that caused the culture and influencing the perception, thinking, evaluation and action as their own, and other people, and, on this basis, the ability to build a new framework for development. This manifests itself in intercultural understanding, communicative and behavioral adaptation to the behavior of other cultures and building new patterns of behavior, based on the values and norms of different cultures.

In this connection it is necessary to strive for their own and others' cultural identity and as a result of the exchange of positive examples of actions and patterns of decision-making to go to a qualitatively new synthesis action. [2, p 96] According to A. V. Nowicka [9, p 105], intercultural competence involves the ability to exist and effectively carry out professional activities in a multicultural world.

Many authors involving in research in this sphere, considering not only intercultural competence as intercultural compatibility and a number of similarities with its competences (intercultural, ethno-cultural, multicultural, and others.)

R. R. Bikiteeva defining intercultural competence, adds to the knowledge and skills of the motives and values and emphasizes its developmental function [1, p178]. As a “stable capacity for the efficient and adequate communication with other cultures” is defined intercultural competence Juliana Roth and Galina Kopteltseva. Khakimov E. R, describing intercultural competence as “awareness of the individual in the field of culture of other nations”, adding that it is “the ability to solve professional tasks related to the ethnicity of people”. G. E. Potorochina using in determining intercultural

competence “knowledge and skills, “puts in the first place”, the ability and willingness to engage in dialogue of cultures “based on them [11, p 68]. T. Poshtareva defines “ethno-cultural competence” as a property of the individual, again mentioning the knowledge and skills that contribute to ethnic understanding and cooperation [10, p 150].

T. A. Kolosovskaya in her definition of “cross-cultural competence” is close to the definition of Muratova A. Y., with the only difference that she does not mention the knowledge of their own culture [8, p 41]. L. A. Gorodetsky highlights knowledge of norms, rules and traditions of their own linguacultural community in a separate concept of “intercultural competence”, which together with the cross-cultural and intercultural competence included in the concept of “linguacultural competence” [6, p 120]. L. Y. Danilova, defining multicultural competence, approaches to intercultural competence as R. R. Bikiteev. [2, p 78] O. V. Khukhlaeva, G. S. Denisov, M. R. Radovel and M. Volmer unanimously describe the “multicultural social competence” as the ability to understand people of different cultures and interact with them. Part of research works aims to explore the structure of intercultural competence. The study Vasilkova O. V. [9, p 90] intercultural competence is understood as a comprehensive category structure which consists of linguistic, cognitive and affective components in defining the role of language, which determines the possibility of using the text as a unit of communication in general and intercultural dialogue, in particular.

Intercultural competence is formed in the process of mastering a special kind of communication it is intercultural communication. According to A. Schmid intercultural competence is:

- 1) the fundamental acceptance of people who are different from others outside their own culture;
- 2) the ability to interact with them in a genuinely constructive manner that is free of negative attitudes (e. g., prejudice, indifference, aggression, etc.);
- 3) the ability to create a synthesis — something that is neither “mine” or “yours”, but really new, that would not have been possible if we had not combined our different views and approaches.

Famous online source Wikipedia also offers a definition of intercultural competence as the ability to successfully communicate with other cultures and offers a framework of intercultural competence, which includes:

1. Common cultural and culturally-specific knowledge.
2. Skills of practical communication.
3. Intercultural psychological susceptibility.

So, the analysis of various sources shows that intercultural competence is treated in different studies. Some scholars see it as the ability of people of different sex and age, peacefully and without mutual discrimination exist in the same society, others treat like the ability to participate in someone else's before culture, and others understand like identity, uniting knowledge and patterns of behavior, based on which the principles of

diversity of thought lie and awareness of cultural processes. In this regard, G. Fisher [3, p 205] defines intercultural competence as a certain quality of a person based on a sober awareness of the world, history, and ready for action.

References:

1. Bikiteeva P.P., Formation of the intercultural competence of the student: personal-semantic aspect. Dis... Cand. ped. Sciences — Orenburg 2007.
2. Danilova L. Y. Formation of multicultural competence of the student. Dis... Cand. ped. Sciences, Orenburg, 2007.
3. Fischer G. E-mail in foreign language teaching. Towards the creation of virtual classrooms. Tübingen, Germany: Stauffenburg Medien, 1998.
4. Galskova N. D., Gez N. I. Theory of learning foreign languages. Didactics and methodology. "Academy", 2007. — 336p.
5. Garmaeva S. I., Formation of the intercultural competence of students of non- language high schools by means of modern information and communication technologies: Author. Dis. Cand. ped. Sciences. Chita 2008.
6. Gorodetskaya L. A., Lingvocultural competence of the person as a cultural problem — Moscow, 2007
7. Knapp, Karlfried. Intercultural Communication in EESE // <http://www.cs.uu.nl/docs/vakken/bci/programma/intercult.html>
8. Kolosovskaya T. A., Formation of cross-cultural competence of future teachers. Dis... Cand. ped. Sciences — Chelyabinsk, 2007.
9. Nowicka A. Formation of common cultural competence of graduate students in the system of multi-level education. Dis... Cand. ped. Sciences. Stavropol 2012.
10. Poshtareva T. W., Formation of ethno cultural competence // Pedagogy — 2005, № 3 — p.35–42.
11. Potorochina G. E., Intercultural communication in the theory and practice of teaching foreign languages Glazov 2005.
12. Sadokhin A. P., Intercultural Communication: Textbook. M.: 2009, p. 278.
13. Safonova V. V., The study of languages of international communication in the context of the dialogue of cultures. — Voronezh: Origins, 1996. — 239 p.

Forming the communicative competence of learners at using the communicative technologies in the English lessons

Kamalova Dilovar Azathanovna
Uzbek state world languages university, Tashkent

As the communication on foreign languages comprises the row of key competencies, necessary for each person today for self-realization and developments in rapidly changing world, in given article there are considered some methods of shaping the communicative competence of learners in using the communicative technology at the English lessons.

Key words: *communicative competence, forming the communicative competence, communication, foreign languages, teaching the foreign languages, intercultural communication*

When learning a foreign speech, students must proceed from understanding the nature of language as a sign system used in communication. This means that the mastery of formal language side (phonetics, vocabulary and grammar) and language system should be carried out in the course of communication. Thus, communicative and cognitive approach at the study of foreign languages becomes dominant in training.

In general communicative approach is an implementation of a method of teaching in which is carried out in orderly, systematic and interrelated teaching English as a means of communication.

The communicative approach is complete and optimal ordering of the relationship between the components of the

training content. The cognitive approach to learning is a universal accounting process of knowledge and individual psycho-physical properties that characterize the cognitive style of each student.

The main principles of the organization of training content of using the communicative method are:

— Speech orientation.

It's a teaching foreign language through communication. This means lesson is practically oriented. There is learned the language, not about the language. First of all, it concerns the exercise: the exercise is more than like a real dialogue, it is the more effective one. The speech exercises area smooth and dosed with the rapid accumulation of a large amount of vocabulary and grammar with immediate implementation;

there is not allowed a single sentence that cannot be used in a real dialogue.

— Functionality.

Speech activity has three aspects: lexical, grammatical, and phonetic. They are inextricably linked in the process of speaking. It follows that the words cannot absorb in isolation from their forms of existence (use). The functionality assumes that the words and grammatical forms are assimilated directly into the activity: the student performs any voice problem — confirms the idea, doubt heard asking about something, encourage the interlocutor to action, during which acquires the necessary words or grammatical form.

— Situational.

Its fundamental importance is the selection and organization of material based on situations and communication issues that get the interest of every students.

— Novelty.

It manifests itself in different lesson components. First of all, the novelty of speech situations (change of communication of the subject, discussing the problems of the speech partner, communication conditions, etc.). This novelty of the material used (its information), and the novelty of the organization of the lesson (its species, forms), and a variety of methods of work. In these cases, students do not receive direct instructions to remember — it becomes a byproduct of speech activity with the material (involuntary memorizing).

— Personal orientation of communication.

Everyone is different and their natural properties (capabilities), and the ability to carry out training and speech activity, and the characteristics as a person: experience (everyone has his own), the context of the activities (in each student a set of activities, which is engaged and which are the basis of the relationship with other people), a set of specific feelings and emotions (one is proud of the city, and the other — no), their interests, their status (position) in a group (class). Communicative learning involves consideration of all of these personal characteristics, for only in this way can be a way of communication: due to the communicative motivation, provide focused speaking, formed relationships, etc.

— The collective interaction.

It is a way to organize the process in which students actively communicate with each other and the condition that success of each student is the success of other ones.

— Modeling.

The volume of regional geographic and linguistic knowledge is very large and cannot be learned in school courses. It is therefore necessary to select the amount of knowledge that will be required to present the country's culture and language system in a concentrated, as a model. [4, p. 67]

As can be seen from the above, the communicative English language learning technology is the most effective. At the school level, it is necessary to lay the foundation of English language is a communication tool that allows you to move from consideration of the English language as an object of study to use it in practice as a useful tool.

Learning a foreign language as a practical means of intercultural communication requires a broad introduction of advanced technologies to change the paradigm of foreign language education by involving students in active cognitive activity in the target language.

The choice of educational technologies in order to achieve the goals and objectives set out in the framework of discipline "Foreign Language" is due to the need to generate in students a set of general cultural competences needed for the implementation of interpersonal interaction and collaboration in terms of intercultural communication, as well as to ensure the required quality of education at all its stages.

Forms and techniques used to teach English, competence and implement student-activity approach, which, in turn, contribute to the formation and development of multicultural language personality, capable of providing a productive dialogue with other cultures; students ability to carry out different activities using English; readiness of students to self-development and self-education, as well as contribute to the creative potential of the individual to exercise their professional duties.

Using a variety of forms and methods of teaching in their practice based on the study of literature in pedagogy and psychology, I realized that in artificial language environment for teaching a foreign language cannot do without a game method. It has been used successfully as an independent method for the development of specific topics, as part of some other method, as well as the whole or part of the lesson. Phonetic skills practiced in tongue twisters, short thematic rhyme. The use of games (phonetic, spelling, grammatical, and lexical) allows you to do boring work more interesting and exciting for the students. Independence in decision speech tasks in individual forms of work, quick response in dealing with the group forms, the maximum mobilization speech skills all the characteristic qualities of the speech skills manifested during the games.

In the game everything is the equal. It is virtually feasible for every student, even one that does not have enough solid knowledge of the language. Moreover, the student with weak language can become the first in the game: resourcefulness and ingenuity here are sometimes more important than the knowledge of the subject. The sense of equality, passion and joy atmosphere, a sense of affordability jobs — all this allows the student to overcome shyness, interfering freely use the word in a foreign language speech, reduced fear of error, it has a beneficial effect on learning outcomes.

The main functions of the gaming activities in the learning process are: training, educational, entertainment, communication, relaxation, psychological and develop. [1, p.3–7]

One way to activate students in the learning of foreign languages is a project method, when the student independently plans, creates, protects the project, i. e., actively involved in the process of communicative activity. Training project — a complex search, research, accounting, graphics and other

types of work carried out by students on their own with a view to the practical or theoretical solution of a significant problem.

The main objectives of the project method are as follows:

1) Self-expression and self-improvement of students, increase learning motivation, the formation of cognitive interest;

2) The implementation in practice of acquired skills, language development, ability to competently and convincingly present the study material, to lead the discussion debate;

3) Demonstrate the level of culture, education, social maturity. [2, p. 3–12]

Project method helps to develop language and intellectual skills, strong interest in language learning, the need for self-education. In the end, it is expected to achieve communicative competence, i. e. a certain level of language, regional studies, socio-cultural knowledge, communication skills and language skills that allow for foreign language communication. The implementation of the project and research methods in practice leads to a change in the position of teacher. From media ready knowledge he turns to the organizer of cognitive activity, from an authoritative source of information the teacher becomes an accomplice of the research, the creative cognitive process, mentor, counselor, organizer of the independent activities of the students. Analyzing the application of a method of projects in the modern school, I believe that this is one of the most powerful incentives for motivation of learning foreign languages, the most creative activity, as work on the project involved all students, regardless of ability level and language training. They put into practice the knowledge acquired and generated speech skills, creative rethinking and multiplying.

In addition, the problem and the variety of forms and types of this technology requires an interdisciplinary connections that allow the student to give a vivid picture of the world in which he lives, the relationship of phenomena and objects, mutual assistance, of the diversity of the material and artistic culture. The main focus is on the development of figurative thinking, understanding of causality and logic of events,

self-realization and self-expression, not only students but also teachers. I used in the various types of projects: creative, informational, practice-oriented, and others.

According to the concept of the subject “Foreign Language”, one of the basic tasks which ensures the implementation of the social order, attributed the development of abilities to understand the culture, lifestyle and thoughts of other people; ability to communicate in the communication process their own thoughts and feelings. In my opinion, this provision could prove such an activity in the classroom, how to work with the song. The song, being the product of a brief poetic in condensed form, reveals a certain topic, it carries a certain potential for the development of social competence of students. Based on the work with the song develop oral language skills, are formed skills of perception of foreign speech at the hearing; creates conditions for the development of skills of using authentic musical material, improving linguo-cultural, socio-psychological and cultural knowledge, the formation of a positive attitude to foreign language and culture of another people, the development of ideas about the achievements of the English-language music. [5, p. 3–10] Authentic song, being an important element of the language, deserves attention and is one of the means to increase interest as a country to learn the language and to the language itself. The selection of songs should follow certain principles: the song is to be authentic, must be appropriate to the age, interests and level of students’ language and should correspond to the topics of curriculum. It should also be remembered that not only is interesting lyrics, but the music itself, which can create a good creative atmosphere in the classroom, to stimulate the imagination of students. Thus, I practice a lesson on work was carried out with the song Celine Dion “A new day has come!”. Thus, we can conclude that the integrated use in the educational process of all the above-mentioned technologies stimulate the personal, intellectual activity, develop cognitive processes that contribute to the formation of competencies, which must have a future specialist.

References:

1. Бабинская П. К. Коммуникативно-ориентированное обучение иностранному языку // Замежные языки у Республики Беларусь. — 2010 — № 4. — С. 3–7.
2. Баранова Н. П. Концепция учебного предмета «Иностранный язык» // Замежные языки у Республики Беларусь. — 2009 — № 3. — С. 3–12.
3. Кобышева А. В. Современные методы обучения английскому языку. — Минск: ТетраСистемс, 2011. — 304 с.
4. Пассов Е. И. Коммуникативное иноязычное образование: готовим к диалогу культур. — Минск: ООО «Лексис», 2003. — 184 с.
5. Полат Е. С. Метод проектов на уроке иностранного языка. // Иностранные языки в школе. — 2000. — № 2. — С. 3–10.

About some problems of English teaching methods at high schools

Radjabova D.K.

Uzbekistan state world languages university, Tashkent

In article there are considered about methods of teaching English at high schools. The progress and principle changes of the methods of the study of the language, certainly, are connected with novation in the field of psychologies of the personalities and groups. Presently observable changes are felt at consciousness of the people and development of new thinking appears as a proclaimed need for its actualizations and self-realization. As well as there is analyzed the old and new methods of the foreign language teaching.

Key words: *methods, methods of teaching, fundamental methods, classical approach, lingua-cultural method, communicative approach*

At the end of the XX century in Uzbekistan there was a “revolution” in the methods of teaching English. Previously, all without the rest were given priorities grammar, almost mechanical mastery of vocabulary, reading, and literary translation. Now in order to achieve high social status requires a lot of diligence, perseverance and daily work. Unexpectedly foreign language teachers at the center of public attention: the legions of experts in various fields of science, culture, business, technology, and all other areas of human activity demanded the immediate teaching of foreign languages as an instrument of production.

They are not interested in theory or history of language — foreign languages, especially English — they need only functional for use in different spheres of society as a means of communicating with real people from other countries.

Progress and fundamental changes of language learning methods, undoubtedly related to the innovations in the field of personality psychology and group. Who felt a noticeable change in the minds of people and the development of new ways of thinking: there is proclaimed the need for self-actualization and self-realization. The psychological factor of learning foreign languages promoted to leading positions. The authenticity of the communication, the weighted requirements and claims, mutual benefit, respect for the freedom of others — this is a set of unwritten rules build constructive relations in the system “teacher-pupil” It really is the oldest and most traditional method, on a fundamental technique seriously rely language universities. Translator is never confident in their knowledge of a foreign language, he understands the unpredictability arising speech situations. Catching up on classical technique, the students not only to operate a wide variety of lexical formations, but also learn to see the world through the eyes of “native speaker” — a language carrier.

In this regard, there are transformed several classic approach to the study of a foreign language, but the immutable principles of the “classics” of language techniques are preserved. Sometimes they are used extensively in schools and other educational areas. Classic course is aimed at students of all ages and most often involves the study of language “from zero”. The teacher’s tasks include the traditional, but important aspects of pronunciation performances, forming a grammatical base, elimination of psychological and linguistic barriers to communication. “Classic” has not changed the

goals, but the methods, due to the new approach, already others.

At the heart of the classical approach there is the understanding of language as a real and proper means of communication, which means that all components of language — spoken and written language, listening, etc. for developing students systematically and harmoniously. Classical method partly makes language an end in itself, but it cannot be considered a disadvantage. This integrated approach is aimed in the first place, the fact to develop the students’ ability to understand and create it.

The technique involves exercises with Uzbek teachers, but such an order (though not quite “fashionable”) cannot be considered a minus: a teacher who is not a native speaker, has the ability to analyze and compare two linguistic systems, to compare the structure, communicate better, to explain the rules of grammar, to prevent possible errors. Universal enthusiasm for foreign specialists — a temporary phenomenon, because the Western world has appreciated bilingualism a priority (possession of two languages). The most valuable in the world today are the teachers, the ability to think in the context of the two cultures and to convey to students the appropriate range of knowledge.

Linguo-sociocultural method is one of the most serious and comprehensive methods for the study of a foreign language — involving an appeal to such a component, as a social and cultural environment. Proponents of this method are strongly believed that language loses life when teachers and students aim to acquire a “lifeless” lexical and grammatical forms. Someone remarked that “personality — is the product of culture”. Language — too. [3, p78] And it convincingly confirms our language mistakes. Learning English is grammatically correct to use the expression of The Queen and Her relatives, but the Briton could hardly understand what is meant by The Royal Family; or, for example, a phrase, a hero — spokesman of the ideas of the author has been translated sentence “The hero is the loudspeaker of the author” (“the speaker of the author”) and ideally wanted to use “mouthpiece”.

Such oddities are quite common. Referring to the finer matter: for example, if our compatriot, surfactants know the language, the difference between the expressions “Don’t you want to go?” and “Would you like to go?” not very

large, then for the British, it is fundamental, because first he did not accept as the best tone. Habitual for our business communication “What issues are you interested in?” often translated as “What problems are you interested in?”, not taking into account that in the English word “problems” is steadily negative connotation. That’s right, this question will be heard: “What issues are you interested in.

Most of the methods initially allow such “mistakes”, writing off them to “unawareness of the country”. But at the present stage, when interest in certain cultures and nations constantly increasing, similar errors have unforgivable. Linguo-sociocultural method takes into account the simple fact that 52% of the errors committed under the influence of the native language, and 44% lie within studied. Before watching over the correctness of speech; now, in addition, it seeks to improve its meaningfulness.

What is important here is the meaning of transmitted information that is the communicative level, because in any case, the ultimate goal of communication — be understood.

Linguo-sociocultural method involves two aspects of communication — linguistic and cross-cultural. Our lexicon added a new word bicultural — people easily orient themselves in national characteristics, history, culture and customs of the two countries, civilizations. For the student of language high school is not so much a high level of reading, writing, translation (although this is not excluded), and “Linguo-sociocultural competence” — the ability to “dissect” the language of culture under the microscope.

Scientists of classics in particular Ozhegov understood language as “an instrument of communication, exchange of ideas and mutual understanding of people in society”. Dahl considered to the language easier — as “the combination of all the words of the people and the faithful of their combination, to transmit their thoughts”. [2, p-34]

Today, the language is “not only vocabulary, but also the way a person to express themselves”. It is used for “purposes of communication and is able to express the totality of human knowledge and ideas about the world”. In the West, the language is understood as a “communication system”, which consists of some fragments and a set of rules that are used for the purpose of communication. A very important difference

between the western linguistic thinking — understanding of the language, not only in connection with the definition of the state, but also with a certain part of the country, the area, etc.

In this approach, a language goes hand in hand with the culture of the country, the region, that is, the ideas, the customs of a certain group of people, society. Sometimes the culture of society itself is understood, civilization.

We believe that the definition of supporters of linguo-sociocultural method does not exaggerate the strength and importance of language in the modern world. In their view, the language — “a powerful social instrument forming the human flow in the ethnic group that forms the nation through the storage and transmission of culture, traditions and social consciousness of the verbal complex. With this approach to the language of intercultural communication especially “the adequate understanding of the two interlocutors or people exchanging information belonging to different national cultures”. Then their language becomes a” sign of belonging to a certain of its carriers to the society”. [1, p-169]

Linguo-sociocultural method combines linguistic structure (grammar, vocabulary, etc.) with extra linguistic factors. Then, at the intersection of philosophy on a national scale and the language, that is a kind of thought process (let’s not forget that the person belongs to the same country, which thinks in the language), is born the rich world of language, of which he wrote the linguist Wilhelm von Humboldt “through language diversity offers a wealth of the world for us and the diversity of what we know it”... linguo-sociocultural technique is based on the following axiom: “socio-cultural structures underlie linguistic structures”. We know the world by thinking in a particular cultural field, and use language to express their experiences, opinions, emotions and perception.

The purpose of learning the language with the help of this method is facilitating and understanding of the interlocutor, the formation of perception on an intuitive level. Therefore, every student who has chosen such an organic and holistic approach is to treat language as a mirror, which reflects the geography, climate, and history of the people, their living conditions, traditions, and way of life, everyday behavior, and creativity.

References:

1. Galskova N. D., *Modern methods of teaching foreign languages*. M., 2000.
2. Milrud R. P., Maximova I. R., *Modern design principles of communicative teaching*. // *Foreign languages at school*, № 4, 2000.
3. Pavlov I. Y., *Methodology of teaching foreign languages lectures in English*): Review of modern teaching methods — 2nd ed., St. Petersburg. Univ., 2003.

Culture of speech: the subject and discipline problems in foreign language learning

Turaeva M.A.

Uzbek state world languages university, Tashkent

This article considers the culture of speech as an academic discipline. As well as the analysis of the study of speech in higher education as an integral part of the cycle of humanitarian disciplines, designed for students of all disciplines.

Key words: *higher education, culture of speech, ethical standards, scientific discipline, social atmosphere, interpersonal relations*

In the modern era of higher education it is particularly important for sustainable development of society along the path of economic reform, building a legal state and the humanization of social relations.

This special role of higher education contains not only the training of qualified personnel who are able to effectively manage the economy and legal institutions in today's rapidly changing world, but also in creating a favorable social atmosphere, in improving the culture of social and interpersonal relations. This problem can be solved only if the university graduate will receive the necessary knowledge and skills model of ownership literary literate and beautiful speech at the national speech.

The subject of the culture of speech as an academic discipline is the norm of the literary language, types of communication, its principles and rules, ethics of communication, functional styles of speech, the foundations of the art of speech, as well as the difficulties in applying the rules of speech and the problems of the current state of speech culture of the society. [2, p.78]

The most important tasks of discipline are: strengthening and improving the skills of ownership norms of the national literary language; the formation of the communicative competence of the expert; training to professional dialogue in the chosen specialty; the development of skills in searching and evaluating information; development of verbal skills to prepare for difficult professional situations of communication (negotiations, discussions, etc.); improve the culture of speaking, voice training means to establish and maintain friendly personal relations.

The main objective of the course is the formation of speech culture model of the language of person — highly educated professionals, it is corresponds to the accepted standards in the medium formed is different expressiveness and beauty.

Course of speech is aimed at the formation and development of a future specialist — member of professional communication of complex communicative competence in the native language, which is a combination of knowledge, skills, abilities, personality initiatives necessary to establish interpersonal contact in the socio-cultural and professional (educational, scientific, manufacturing, etc.) spheres and situations of human activity.

Culture of speech includes three aspects: the normative; communicative; ethical. The normative aspect of speech is one of the most important but not the only one. It presupposes knowledge of literary norms and the ability to apply them in a speech. However, the effectiveness of communication

is not always achieved a correct speech. It is important to take into account, to whom is addressed the text, taking into account the knowledge and interests of the recipient. Language has a rich arsenal of tools allows you to find the right words to explain the fact to anyone. Among the linguistic resources necessary to select those that most effectively fulfills its communication objectives.

Among the linguistic resources it's necessary to select those that most effectively fulfill its communication objectives. Skills selection of such funds constitutes the communicative aspect of speech.

Compliance with codes of conduct, respect for the participants of the dialogue, kindness, tact and sensitivity make the ethics of communication.

Ethical standards are a necessary part of speech, and in turn, is an important part of the human culture. "So, the culture of speech — it is a choice and an organization of language means that in a certain situation of communication in compliance with modern standards of language and ethics of communication allow for the greatest effect in achieving communicative tasks' — defines the concept of speech known contemporary linguist. [4, p-46]

The term culture of speech has many meanings. Among its main values are the following: "Culture speech — a combination of knowledge, skills and abilities, providing the author of speech which not labored construction of speech utterances for the optimal solution of problems of communication. Culture of speech — a set of system properties and qualities of speech, speaking about its perfection; Culture of speech — is the area of linguistic knowledge about the system of communicative qualities of speech" [5, p-15].

Culture of speech as a special scientific discipline began to emerge in the 20s of the 20th century thanks to the work V.I. Chernyshov, L.V. Scherby, G.O. Vinokur.

Among the most important works of the time should be called work G.O. Vinokur "Language Culture" (1929), A. Gornfeld "New words and old words" (1922), A.M. Selischev "Language of revolutionary era.)" (1928). These works have been devoted to the study of the factors leading to the destruction of the norms of the literary language, the identification and description of the areas of the language system, the most sensitive to disruption of the literary norms and methods of literacy, the dissemination of knowledge about the language, fostering respect for the right of speech.

Culture of speech is investigated in several sections of linguistics. Functional style studies features of speech norms

in connection with the various functional styles of language, possession of styles, stylistic changes in language and speech.

The theory of speech acts studies the speech acts of the speaker and the listener, and the rules of effective dialogue and monologue preparation.

Linguistic pragmatics studies the target participants of communication and methods of achieving them, the relationship of man to his own and other people's speech.

Text Linguistics deals with the rules of construction of the whole text and the role of text-to-human communication, structural and stylistic features of texts.

Sociolinguistics explores the linguistic situation in the society, the influence of social factors on the culture of speech and culture of speech on public life.

The field of scientific and practical research of speech includes an explanation of the existence of linguistic norms and speech errors, and to develop recommendations for strengthening and overcome speech deficiencies. Therefore, the problem of speech covers both monographs addressed to linguists as well as in educational and practical guide, intended for the general reader. This practical advice based on the theoretical elaboration of the problems of speech and theoretical conclusions — on the knowledge of the speech practices of society.

Since social life is not in place, the professionals of speech is required to constantly monitor the ongoing social and linguistic processes and quickly take into account the problem of verbal interaction of people in their recommendations. Therefore, the work of researchers in the field of speech combines the accumulation of objective data on the state of speech culture of the society, the explanation of the data using the latest linguistic methods and the development of teaching methods and standards of speech skills to communicate effectively the broad of social layers. [2, p. 68]

This work is based on the systematic updating of evidence and methodological tools that makes the culture of speech and constantly updated scientific and practical research.

In order to understand the ways and means of self-development of speech culture, you need a clear understanding of the content and scope of the concepts of the discipline.

The central concept of this discipline is the concept of language. Language — “naturally occurring in the human society and developing system clothed in sound form of the iconic pieces that can express the totality of the concepts and thoughts of a person and intended primarily for communication purposes” [1, p. 652).

The ability relating sound and meaning are the main characteristics of the language. Language in the same time — a system of signs, replacement items and of speech and a set of values, concentrated in itself the spiritual experience of the people.

Since language is closely related to the concept of speech. Speech — it is “specific speaking, flowing through time and clothed in a sound (including internal pronunciation of) or in writing under the speech is commonly understood as a process of speaking itself, and the result of this process, i. e.,

speech and activity, and voice work, recorded by memory or by letter” [1, p. 417].

This perceptible, concrete and unique, intentional and directed towards a specific purpose, it is due to the situation, is subjective and arbitrary. The speech in language functions are manifested in various combinations with the predominance of one of them.

Communication between people is a social and psychological interaction and information transmission channel. Therefore, in the textbooks of speech communication culture, the term is used. Communication — an interaction between people, information exchange process, a process that supports the functioning of society and interpersonal relations. Communication consists of communicative acts involving communicants (the author and the message, the recipient), generating utterances (texts) and interpreting them. The communication process begins and the speaker's plan aims to understand the statements by the addressee.

The result of a speech activity of speaker is text. Text — is the finished product of the speech (written or oral), which are the basic properties of wholeness and connectedness. The validity of the text is in conformity with the requirements of external connectivity, internal meaningfulness, the timely perception of the necessary conditions for communication. Correct perception of the text is provided not only linguistic units and their connections, but also necessary general background knowledge.

The important thing is the concept of speech quality. Speech quality is the properties of speech to ensure the effectiveness of communication and culture characterizing level of the speaker's speech.

The philology distinguish speech culture of personality; speech culture of the society.

Speech culture of the personality is individual. It depends on erudition in the field of speech and culture of the society is the ability to use this erudition. Speech culture identity borrows the voice of the culture of the society, but at the same time it is wider than speech culture of the society. The correct use of language requires its own sense of style, a true and sufficiently developed taste.

Speech culture of the society has the selection, collection and storage of the best examples of speech activity, the formation of literary classics and adherence to the norms of the literary language. This understanding of speech culture adheres Yu. V. Rozhdestvensky [3, p. 14]

Of course, as part of the science the speech culture is considered not only as examples of the high level of knowledge of literary norms and rules of communication, but also as violations of the rules in the voice of the individual activities and speech practice in society.

Successful communication between people requires communicative competence of the participants of such communication. Communicative competence is a combination of knowledge, skills and adequate reflection of reality perception in a variety of communication situations.

The basic concepts of the culture of speech are also such things as a literary language, language standards, style, locale, language personality, types and forms of speech, speech etiquette.

References:

1. Arutyunova N. D., Language // Russian language. Encyclopedia. M., 1997. P. 652.
2. Golovin. B. N., Fundamentals of speech. — M., 1980.
3. Rojdestvenskiy Y. V., General Philology. M., 1996.
4. Shiryaev E. N. (What is the culture of speech// we will preserve you, Russian speech. M., 1995, p. 9–10.
5. Sokolov V. V., The culture of speech and culture of communication. M.: Education, 1995.

Реализация технологии CLIL в условиях полилингвального обучения

Усманова Зарина Фиратовна, магистр, старший преподаватель;

Заяц Татьяна Валерьевна, магистр, старший преподаватель;

Мукажанова Гульнар Жилкайдаровна, магистр, старший преподаватель

Кокшетауский государственный университет имени Ш. Уалиханова (Казахстан)

CLIL (Content and Language Integrated Learning) — термин, описывающий обучающие методики, где предметы преподаются на иностранных языках. CLIL преследует две цели, а именно — изучение предмета посредством иностранного языка, и иностранного языка через преподаваемый предмет. CLIL используется в различных образовательных контекстах — от старшей группы детского сада до высшего образования.

Сам термин был придуман Дэвидом Маршем (Университет Ювяскюля, Финляндия) еще в 1994 году он писал, что «CLIL имеет отношение к ситуациям, в которых учебные предметы или часть учебных предметов, изучается на иностранном языке и имеет двойную цель изучить предмет, изучая при этом иностранный язык» [1].

С английского языка она расшифровывается как *Content and Language Integrated Learning*. Где Content — это содержание обучения (или предмет попросту), а Language — язык. Соответственно в русском варианте данный термин звучит как *предметно-языковое интегрированное обучение*.

Использование данной технологии в полилингвальных группах, является наиболее целесообразным. Прежде всего, нужно рассмотреть саму модель урока с использованием данной технологии, то есть его компоненты [2]. Каждый урок состоит из четырех «С», таким образом он включает в себя следующее:

- content (содержание) — это развитие знаний, умений и навыков в определенной предметной области;
- communication (общение) — использование иностранного языка при обучении, при этом изучая то, как пользоваться языком;
- cognition (познание) — это развитие познавательных и мыслительных способностей, которые формируют общее представление;

— culture (культура) — представление себя как части культуры, а также осознание существования альтернативных культур (а также межпредметные связи, воспитание гражданства и так далее).

Когда студентов знакомят с уроком CLIL используются все четыре аспекта изучения языка: письмо, аудирование, чтение и говорение, для того чтобы изучить информацию и обсудить ее. Более того, урок CLIL подразумевает со стороны студента анализ и оценку полученной информации, с использованием критического мышления [3]. Это позволяет обучающимся понять и усвоить информацию лучше. Также многие CLIL уроки устроены так, чтобы погрузить студентов в различные культуры, развивая также и межкультурные навыки. Наверно, самое важное в уроках CLIL это то, что они связывают язык с реальностью. Таким образом студенты усваивают лексику, грамматику естественно, просто задавая вопросы как в реальной жизни и находя на них ответы, все так как и на уроках на своем родном языке. Хотелось бы отметить, что CLIL уроки успешно работают как в полилингвальных группах, так и в специальных языковых.

CLIL уроки можно строить по-разному в зависимости от содержания обучения. Но можно выделить несколько этапов, которые помогут в планировании урока CLIL:

1. Выбрать тему по интересу (для языковых специальностей), для других предметов это будет обусловлено программой.
2. Выбрать лексику, на которую преподаватели хотели бы обратить внимание студентов. Примерно от 6 до 10 слов на начальном этапе, впоследствии можно увеличить до 20, в зависимости от уровня студентов.
3. Выбрать определенные грамматические структуры.
4. Использовать текст. Вообще в любом уроке CLIL, несмотря на то, что задействованы все аспекты изучения

языка, особое внимание уделяется чтению и аудированию, т. к. они предполагают использование готовых текстов по определенной тематике (книжных, журнальных статей, статей из интернета и т. д.), в которых и представлена вся информация. Именно эти тексты определяют выбор лексик и грамматических структур.

5. Следующий важный шаг в разработке уроков CLIL это графический органайзер. Что такое графический органайзер?

Графические (синоним *визуальные*) органайзеры представляют собой инструментарий письменной коммуникации, использующий графическую нотацию для репрезентации знаний, концепций, идей, а также взаимосвязей и отношений между ними. Как дидактическое средство, выполняющее иллюстративную, коммуникативную и когнитивную функции, графические органайзеры применяются не только в качестве носителя информации, но и для поддержки деятельности обучающихся при планировании образовательных проектов, решении проблем, принятии решений, проведении исследований. Существуют разные виды графических органайзеров. Они, во-первых подразделяются на *последовательные органайзеры* (шкалы времени, блок-диаграммы), *графические сравнения и сопоставления* (диаграммы с логическими взаимосвязями), *иерархические органайзеры* (пирамидальные диаграммы, диаграммы дерева и так далее), *концептуальные органайзеры* (концепт карты). То есть цель со стороны учителя визуализировать всю полученную информацию, чтобы студенты смогли проанализировать ее, опираться на данную визуализацию при повторении материала, при подготовке домашнего задания и так далее.

6. Шестой шаг — использовать информацию креативно. Это может быть связано непосредственно с домашним заданием, или выполнению на уроке в зависимости от времени. Здесь имеются в виду различные письменные и устные задания. Проекты, кейсы, эссе — то есть все, что позволит студентам персонализировать информацию, что естественно, с точки зрения психологии, позволит усвоить информацию еще лучше.

Рассмотрим также различные формы работы на уроке CLIL, а также некоторые приемы обучения, способствующих эффективной организации уроков с использованием данной технологии.

Название первого способа организации деятельности на уроке CLIL на английском языке звучит как «*5 Minute Interview Activity*», и на русский переводится

как «пятиминутное интервью». Обычно данный прием используют на самых первых уроках, когда студенты еще мало знакомы друг с другом. Такой способ организации деятельности позволяет создать на уроке хорошую атмосферу, а также подготовить студентов к дальнейшей работе. Суть данного приема заключается в том, что каждый из присутствующих студентов пишет на стикерах вопросы на английском языке, те вопросы, которые они хотели бы задать своим одноклассникам или даже учителю (о работе, учебе, семье, увлечениях и так далее). Все стикеры с вопросами помещаются на лист бумаги, либо на доску. Каждый из студентов по очереди отрывает стикер и отвечает на заданный вопрос. Данная методика помогает «раскрепостить» студентов, развивает навыки слушания и говорения, а также развивает внимание.

Следующий прием обучения называется «*ABC dictation*», или попросту «диктант». Несмотря на такое простое название, ничего общего между обычным диктантом и данной методикой нет. Используя данный подход, участникам показывают рисунок на доске и задают вопрос: «С чем вы ассоциируете данный рисунок?». Все участники легко догадываются и отвечают, например: «Чарли Чаплин». Далее участников каждой группы делят, присваивая буквы А, В, С и D. Каждому участнику А, В, С и D из каждой группы преподаватель читает по два предложения из текста про Чарли Чаплина. Ученики возвращаясь к своим группам обсуждают то, что они услышали, обмениваются фактами из жизни данного артиста и пытаются выполнить задания (с вопросами или пропущенными словами, датами) по содержанию текста. Преподаватель может использовать любые тексты и изображения по определенной тематике урока. Данный подход позволяет улучшить лексические и грамматические навыки, а также, при условии грамотно подобранного материала, знакомит с культурой страны изучаемого языка.

Следующий прием называется «*Grab it!*» — «Хватай!». Данный тип предназначен в основном для групповой работы. Преподаватель раздает студентам карточки, где написаны некоторые термины по определенной теме урока. Все карточки расположены на столе лицом вверх. Из группы выбирается один спикер и ему учитель дает определения этих понятий или терминов. Спикер читает определения, а другие участники группы быстро находят слова и хватают карточки. Лидером группы становится тот, кто соберет больше всего карточек с терминами. Примером могут послужить следующие математические определения:

Таблица 1

Термины	Определения
Rectangle	I have 4 sides and 4 right angles
Rhombus	My opposite sides are parallel and diagonals are perpendicular
Parallelogram	I have 4 sides where opposite sides are parallel
Diameter	Starts at one side of the circle, goes through the center and ends on the other side
Triangle	I am a 3 side polygon

Еще один прием, который успешно можно использовать на уроках, основанных на технологии предметно-языкового интегрированного обучения, называется «*Post it!*» — «Нарисуй!». Учеников делят на группы. Для каждой группы раздаются листы, которые полностью заклеены стикерами. За всеми стикерами скрывается портрет какого-либо ученого (либо какой-нибудь предмет, который имеет отношение к теме урока). На каждом стикере учитель располагает по одному вопросу. Каждый из участников группы выбирает стикер, читает вопрос и, если может дать ответ на него, отрывает стикер, тем самым открывая часть спрятанного рисунка. Так продолжается до тех пор, пока портрет полностью не откроется. Выигрывает та группа, которая ответит на все вопросы и быстрее всех откроет портрет (рисунок). Как уже было отмечено, вместо портрета можно использовать то, что будет наиболее соответствовать вашему предмету, по физике это может быть формула, по истории — какое-либо историческое событие и так далее.

Особенно успешно используется методика «*Question Loop*» или «Петля вопросов». Всем студентам раздаются листы бумаги. На одной стороне листа находится вопрос по теме, на другой стороне этого же листа ответ на другой вопрос. Тот, кто читает вопрос первым начинает петлю. Все остальные листочки располагаются ответами вверх. Таким образом, когда один из участников берет листок с правильным ответом, переворачивает его и читает следующий вопрос. Так продолжается до тех пор, пока ученики не дадут ответы на все вопросы.

«*True-False Dictation*» или «Правда или ложь» это еще один прием, который можно использовать на уроке CLIL. Преподаватель зачитывает несколько предложений по теме. Если предложение «истина», то есть правда, то ученики записывают предложение на своем родном языке, если предложение «ложь», то ученики исправляют ошибку в предложении (по содержанию) и записывают его на иностранном языке. При исправлении ошибок учитель может давать подсказки (*scaffolding*), например, если нужно исправить какое-либо слово, можно дать подсказку в виде пропущенных букв. Задания к данному виду работы могут быть оформлены таким образом:

1. *Write the sentence here in your native language if it is true.*

2. *Find the mistake in the sentence and rewrite it here in English.*

Рассмотрим следующий способ организации деятельности на уроке CLIL под названием «*Placemat*», в русском варианте мы используем название «Салфетка». В данном виде организации деятельности подразумевается использование группового метода работы, каждая из групп насчитывает 4 участника. Раздаются листы бумаги, в центре

пишется какая-либо тема. Каждый участник на своем участке бумаги пишет свое мнение, относительно заданной темы. Затем ученики начинают вращать листок, тем самым каждый из них может прочитать мнение другого участника группы. Под каждым мнением одноклассника следующий участник пишет свои комментарии или дополнения. Таким образом, под каждым из четырех мнений должны быть дополнения от следующих 3х участников группы.

Одной из наиболее интересных подходов является «*Balloon Debate*» или «Дебаты на воздушных шарах». Учитель делит учеников на четыре группы и дает имена 4х ученых (по теме урока) каждой группе. В группе идет обсуждение какой ученый, по их мнению, внес более значительный вклад в науку. Затем на воздушном шаре пишется имя этого ученого. Спикер от группы перед аудиторией защищает своего ученого, приводя аргументы, (Для этого учитель может раздать в группы дополнительные карточки со словами и выражениями, это своего рода тоже *scaffolding*-подсказка). При этом выступающий стоит с шариком в руках, что делает, казалось бы, серьезное выступление смешным для других слушателей. Побеждает та группа, которая более убедительно выстроила свои аргументы. Остается один шар, остальные три лопаются участниками группы победителей дебатов.

Одним из основных плюсов данной технологии предметно-языкового интегрированного обучения является повышение мотивации к изучению иностранного языка у студентов. Изучение языка становится более целенаправленным, так как язык используется для решения конкретных коммуникативных задач. Попадая в ситуацию общения на иностранном языке, студенты оказываются неспособны показать свои знания в определенных областях таких как: педагогика, медицина, культура искусство и т.д. без знаний иностранного языка. А значит, они не имеют возможности общения в профессиональном контексте. Таким образом, умение общаться, на иностранном языке в профессиональном контексте становится, в конце концов, приоритетным. Кроме того, обучающиеся имеют возможность лучше узнать и понять культуру изучаемого языка, что ведет к формированию социокультурной компетенции учащихся. Обучающийся пропускает через себя достаточно большой объем языкового материала, что представляет собой полноценное погружение в естественную языковую среду. Необходимо также отметить то, что работа над различными темами позволяет выучить специфические термины, определенные языковые конструкции, что способствует пополнению словарного запаса обучающегося предметной терминологией и подготавливает его к дальнейшему изучению и применению полученных знаний и умений.

Литература:

1. Marsh D. CLIL. The European Dimension: Actions, Trends and Foresight Potential Public Services Contract DG EAC: European Commission, 2002.

2. Wiesemes R. The Final Report for the Content and Language Integrated Project. London: CILT, 2005.
3. Coyle D. Theory and planning for effective classrooms: supporting students in content and language integrated learning contexts. (Ed): Learning Through a Foreign Language London: CILT, 1999.

Formation of pronunciation skills in teaching Russian in the national school

Usmanova Lobar Abduvasilovna
Uzbekistan State World Languages University

Formation of pronunciation skills in teaching Russian in the national school is a process inextricably linked with the formation of listening skills. These two processes, which arise and develop in parallel, have their own specific features and linguodidactic problems.

Practice shows that students, “possessing the stable skills of listening and pronouncing the sounds of their native language, adjust these patterns to their perception and reproduction of unusual sounds of someone else’s speech”.

The work on correct pronunciation without taking into account the peculiarities of perception of the sounds of the speech being studied is doomed to failure, at least, to a long and uneconomical way to the desired result, for “the phonetic system of the native language affects so much the perception of the sounds of someone else’s speech that in most cases incorrect are already those auditory images that the students try to translate into their pronunciation”.

The introduction of sound-letter units at the initial stage, as well as the sound implementation of functionally important units of language on advanced, must necessarily be associated with the development of adequate auditory perception, with the essential distinction of all functionally significant units by ear, in other words, with the well-known phonology of speech hearing. The pedagogical practice of the teacher of the Russian language in the national school is exemplified by auditory anomalies: in distinguish between hard and soft, sonorous and deaf, likening u, i, n, c, etc. Cases of nondiscrimination of sounds, adjustment of sound incarnations of functionally significant units of the Russian language to the sounds of the native are problems of universal, common to all national schools. Changes in different schools only fill their capacity, the concrete material content, the problem, like that, remains. Hence — the unlawful assimilation of the perception of speech in the language studied by the perception of speech in the native language.

Both in practical manuals and textbooks, and in scientific and methodical research, mainly articulatory problems are presented. The acoustic aspect remains on the sidelines.

A Russian language teacher at a national school should approach the development of listening skills to solve articulatory problems as seriously and creatively as possible. So, for example, the members of the class of voiced — deaf, hard — soft consonant pairs are joined by units that are minimally different from each other. To the acoustic

characteristics of a firmly articulated consonant, only one element is added-softness, and this difference in one element differs from each other all the units entering into pairs. On the group of hard — soft consonants, presented as a single object, students must learn to hear softness. In the same way stands out voiced (or deafness, depending on what quality of consonants to take as the original).

The acoustic characteristic is transformed into an articulatory skill gradually, even if it is “audible” for the student.

The laws of mastering the pronunciation side have their own specifics and their own difficulties. However, the preparatory work on listening is a serious factor in overcoming pronunciation difficulties. “The foreign accent”, writes N. S. Trubetskoi,

— does not depend on the fact that one or another foreigner is not able to pronounce a particular sound, but rather from the fact that he incorrectly judges this sound. And this misconception about the sound of a foreign language is due to the difference between phonological structures of foreign and native languages”.

When developing the acoustical-articulatory skills of distinguishing the sounds of the Russian language, it is appropriate to openly compare the subgroups of consonants of Russian and national languages.

Subgroups of consonants of the national language, identical to the subgroups of the Russian language (for example, due to the voiced voicelessness), are a convenient methodological object for comparing filling, detecting special pairs or pairs of pairs in the language being studied, and for training their perception by hearing and articulation. In this case, acoustic-articulatory problems, of course, are not particularly acute; since the main thing — the ability to articulate voiced-deafness — is learned and transferred to sound (adding depth or voicelessness) is a relatively simple task.

A much more complex linguodidactic task is the acoustical-articulatory problems of subsystems of consonants that have no analogues in the national language. So, the assimilation of Russian hard — soft consonants by students, in their native language, this difference is not functional, presents great difficulties. Here, it is methodologically expedient to compare the subsystem of consonants of the native language of students whose members differ in a different differential sign.

The result is not the individual sounds of the two languages, but the differential attributes that have functional significance in these languages. In this case, an open comparison of two languages with analysis and orthoepical exercises seems to be appropriate. "Listening" to one's own language, the ability to see in the pairs of subsystems of consonants what distinguishes between those entering into their units, undoubtedly, work for mastering the Russian language, for understanding hardness-softness as an educational object and an independent educational unit. Such detail is necessary.

The students begin to understand (and the teacher should help them in this), that in Russian hardness-softness is a distinctive feature for groups of consonants. They concentrate their efforts on distinguishing between hard and soft concordant and achieve the desired result in the assimilation of their articulation. The methodological problems of acoustic phonetics extend not only to the articulation of individual sound units, but also to their compatibility. The ear familiar to certain sound combinations treats in its own way both combinations of consonants and vowels, as well as the syllabic structures of the studied language as a whole (for example, inability to hear the combinations of consonants in general, fitting these combinations to groups that occur in their native language).

In the selected Educational phonetic-orthoepical minimum, anomalies of this nature are provided, a dictionary of consonant groups is composed (on the material of a lexical minimum), questions of the structure of the syllable, and the compatibility of sounds within syllables are singled out. To fill in with concrete material with which the teacher of Russian at the national school faces every day. Acoustic stereotypes of the native language cause articulatory abnormalities, because in the perception of speech there is a powerful mechanism of anticipation. It works by receiving a certain speech signal in accordance with the norms of the native language, and then the students "hear in their own way" even the repeatedly repeated speech extract. The student's speech is controlled by the pronounced mechanisms of the native language and after he learns to correctly hear the speech material. But the work on listening will lay the foundations for correct pronunciation, and it, in turn, will correct the listening. The acoustical problems of teaching correct pronunciation in the Russian language textbooks for the national Schools can only be taken into account in general terms. A very large part of this work depends on the creative activity of the teacher.

It is necessary for him to constantly sharpen the attention of those who are learning on those articulatory features that do not catch the student's hearing, to emphasize that seemingly insignificant and therefore not replicating additions to conventional articulation have a functional meaning in the studied language. This circumstance was noted by L. V. Shcherba: "It must be remembered that the pupil's ear is deaf to foreign subtleties, and only by emphasizing these subtleties one can attract the attention of students to them and cause imitation". The relationship

between acoustic and articulatory problems can be shown in all the teaching material on phonetics. The main thing is to take into account the necessity of working out an adequate perception of speech, remembering that "auditory, speech and visual sensations, with the leading role of auditory sensations, constitute the first stage of perception of the sounding speech". In favor of the importance of taking into account the acoustic factor in practical work, also the conclusions of Polivanova E. D.: "The inability to differentiate two phonemes presents more difficulties in school instruction than the inability to articulate a certain sound of the language being studied. These are the facts. The practical conclusion that comes out of them is quite simple: we need mainly acoustic exercises aimed at accustoming ourselves to hearing and distinguishing sounds... "And another:"... acoustic exercises should take at least, if not more time than articulatory exercises... "Thus, the two-sidedness of the speech act and the primacy of the auditory sensation in relation to the articulatory note are noted in the works on the physiology of sounds, according to linguistics and methodology. The skill to listen and hear lays the foundation of the correct articulation. In contrast to the methodology of teaching the Russian language as a native language, in a national school, groups of consonants are educational orthoepic units. If the very possibility of a combination of consonants is excluded for the native language of students, then it is necessary to emphasize this peculiarity of the studied language. If the consonant combinations in their native language are fundamentally permissible, then the methodical efforts are directed to the orthoepic practice of assimilating the articulation of specific consonant groups in the studied Russian vocabulary.

The Russian language syllable thus appears through the prism of some national languages as a specific structure allowing certain combinations Initial and final consonants. The acoustic-articulatory problem of the Russian syllabic structure is the formation of the ability to perceive and reproduce the initial Combinations of consonants (as well as a combination of consonants within the boundaries of the phonetic syllable) as "clean", without inserting vowels, and articulate the pure consonant outcome of the word. The practice of teaching the Russian language in the national school raises the problem of selecting the basic phonetic- orthoepic educational unit, Language phenomena and orthoepic skills are practiced. Impossible to build all the phonetic-orphoepic work in the school within the boundaries of significant units — words, phrases, sentences. It is reasonable to abandon the syllabic technique that still has circulation. On the syllable as a learning object it is difficult to concentrate the student's attention, since a single syllable that does not correspond to an independent meaning and is perceived as a meaningless set of sounds is inferior to an independent word. Like the minimal unit within the boundaries of which the basic phonetic and phonological laws of language, syllables, of course, are a necessary training unit, but from didactic considerations

it is convenient to choose a monosyllabic word from syllabic structures. In this case, the structure of the educational unit is extremely simple and analogous to the structure of a single syllable.

References:

1. Bryzgunova E. I. Sounds and intonation of Russian speech. M., 1977
2. Vinogradov V. A. Consonantism and vocalism of the Russian language. M., 1971
3. Galichinsky A. D., The designation of stress in academic texts, 1979
4. B. S. Gulakyan. Comparative phonetics and the teaching of Russian literary pro-ware in the national school. M., 1978
5. A single phonetic-orthoepic minimum of the Russian language for the national school. M., 1976
6. Lobchuk E. I. Formation of orthoepic skills, 1980
7. General methodology of teaching foreign languages in secondary schools. Ed. A. A. Mirolubov, I. V. Rakhmanov, V. S. Tsetlin, M., 1967.
8. Polivanov, E. D. Experience of a private method of teaching the Russian language. Tashkent, 1968.

Innovative ways of forming the phonetic competence in a foreign language at the secondary schools

Eghamov S.A.

Uzbek state world languages university, Tashkent

This article considers about forming the phonetic competence in a foreign language at the secondary schools by the help of various types of exercises. Here are given the basic requirements for improving the pronunciation skills either. Besides this we tried to offer appropriate phonetic exercises as the innovative ways of forming the phonetic competence of students.

Key words: *language, pronunciation skills, fluency, rhythmic intonation, listening skills, verbal communication, phonetic exercises, training exercises*

Phonetics is a branch of linguistics that studies the methods of education of human speech sounds. Material of phonetics is a combination of all audio equipment (phonemes and intonemes).

Language as a communication tool has emerged as the audio language. The listener will not understand it if he does not know own pronunciation skills. Having solid pronunciation skills ensures the normal functioning of all types of speech activity.

Phonetics is not taught in school as independent and mastering pronunciation skills, it is carried out in the courses of training speaking and reading. Requirements to pronunciation skills determined on the basis of the principle of approximation that is the correct pronunciation.

The followings are basic requirements for pronunciation skills:

1. Phonematicity — suggests the degree of accuracy of phonetic speech processing, it is not hard enough for the understanding of its interlocutor.

2. Fluency — the degree of automation of pronunciation skills, allowing students to speak at the right pace of speech. (110–130 in German language; 110–150 in English language signs per minute.). Students must master the intonation structure for the most common types of sentences.

Selection of the material is done according to the following principles:

1. Compliance with the communication requirements (distinctive feature)

2. Stylistic principle (the literary language or dialect). [5, p-90]

At the initial stage of training focuses on the automation of pronunciation skills, and at the last stage explains the general laws of pronunciation skills in native and foreign language.

Under the speech pronunciation listening skills refers to the skills of phonemic correct pronunciation of all the sounds in the flow of speech, understanding all the sounds with the listening speech.

Under the rhythmic intonation skills refers to the skills of intonation and rhythmically correct execution of speech and understanding the speech of others.

When we talk about teaching phonetics at school there is considered the formation of phonemic articulation, intonation and rhythmic patterns. The program provides the students mastering the sounds of the English language, tone of the narrative (affirmative and negative), imperative and interrogative sentences (Grade 5), intonation offers a frame structure (Grade 6) and intonation of complex sentences (Grade 7).

The sequence of the study of sounds in the practical nature of teaching foreign languages in the secondary school is primarily determined by the two positions:

1) the need to develop an oral-language skills at the outset, already in an introductory course;

2) the need to consider phonetic difficulties. The leading method of mastering the pronunciation is repeated listening and imitative most accurate sound reproduction and subsequent use of it in the speech flow.

Phonetic exercises are the decisive factor in creating pronunciation skills are the followings:

1. Exercises on the perception of a new sound to the ear:
a. speech stream — a first speech sample of a teacher speech, then in mechanical recording.

b. a separate word, in isolation, in combination with the notes master, if the phoneme of the second group;

c. followed by a first repeat reproduction of a single word, then the speech sample.

2. Exercises to reproduce phonetic phenomenon which are used collective and individual forms of work.

a. reproduction of individual students and the teacher correcting possible errors.

b. choral play together with the teacher.

c. choral play unsupervised.

d. The individual playback of individual students in order to control the formation of the right auditory-speech motor sample.

3. Training exercises for the automation of pronunciation of speech skills in conditional phonetic speech directed exercises (e. g., rhymes). These types of exercises are conventionally speech exercises with monological and dialogical nature, which study the phonemes trained in the conditional verbal communication in teaching speech. [1, p-78]

Here we give examples for the exercises for development of phonetic and intonation hearing:

1. Verbally divide the word into sounds and call them. Determine the number of syllables in words heard.

2. Set the number of short and long vowels in the words heard.

3. Locate the column and mark words in the order in which they were heard.

4. Scroll to the ear of a coherent text with the words sound trainees and record them in a spell.

5. Determine the number of words in the sentences listened.

6. Identify and write down at the hearing the last word of each sentence listened segment.

Exercises for formation the pronunciation skills:

1. Listen to a series of sounds and raise your hand when you hear a given sound.

2. Listen to a couple of sounds and raise your hand when you hear the new sound.

3. Raise your hand when you hear the interrogative, declarative, negative sentence.

4. Emphasize the word in a sentence, to which the stress falls.

5. What word containing a certain sound.

6. Speak after the speaker pairs of words, paying attention to the differences in the pronunciation of sounds.

7. Say proverb patten first slowly and then quickly (quietly — loud).

8. Make a phonetic text-based markup on the base of voice teacher or speaker, please read the text aloud. [3, p-103]

While forming the phonetic competence in a foreign language at the secondary schools teaching listening plays the most important role.

Listening is the perception and understanding the speech with hearing. Psychological basis of understanding are the processes of perception, recognition of language, understanding their values, the processes of anticipation (guessing) and interpretation of information, processes of the information groups, their synthesis, retention of information in memory, reasoning processes.

Listening from a psychological point of view is a complex hierarchical structure, in which the three levels can be identified:

— causative — motivation;

— research — oriented (analysis of listened text, singling out the information);

— executive (student's responding to a speech verbally and nonverbally).

The motive for listening is a cognitive-communicative interest (or a vital necessity) at the information contained in the audited text. Listening process involves the predicting phase on the semantic level:

1. Phase of the establishment of relations at the level of supply (connection between the elements of the proposal)

2. On the paragraph level (semantic level);

3. At the level of the text (semantic links between the ligatures);

4. Phase of meaning formulating.

The nature of forecasting and understanding depends on the level of language proficiency and, accordingly, the level of development of verbal hearing at this stage, the auditor's experience, awareness of the subject (subject audited the text).

All these components of listening allow a person to actualize the hearing samples of linguistic phenomenon (speech and intonation patterns), its generalized paradigmatic and syntactic structures, thus ensuring the correct prediction and subsequent meaning forming.

With the lack of formation of these components listening process occurs with more or less difficulty.

By the psychological factors there are some of the features of auditory memory, its "capacity" — the ability to hold a listening text (sentence, paragraph) of a certain length and depth (i. e., syntactic complexity). It was found that the proposals of the same length, but the difference of structured formedness present unequal difficulty to read and understand by hearing that determined by the characteristics of short-term verbal (auditory) memory.

The more complex are the syntax proposals (the larger inserts, syntax, sentence components), the more difficult to keep it in memory until the end of the perception.

After all, for understanding the meaning of the entire sentence the audited must keep the beginning of sentences in memory. Psychological difficulties of audition are caused as audited speech (live or referred in the manual recording), situational dialogic or contextual monologue speech, speech of acquaintance or a stranger (speaker), etc. Experience shows that the quality of listening depends on the nature of speech: speech in direct communication is better understood (*ceteris paribus*), than are in the manual recording. Because understanding the live speech is facilitated by extra-linguistic factors such as the situation, gestures, facial expressions, articulating.

Situational dialogic speech in the manual recording is generally understood with great difficulty than the speech of contextual monologue. Situational speech, followed by the visual side, is understood much more easily than contextual. Among the factors complicating listening, are also features of the speaker voice data (voice, height) and rate of speech. By linguistic difficulties of audited text refers, first of all, the presence in the text of a certain number of unknown and incomprehensible words, language material.

With regard to the difficulty of understanding the text due to ignorance of the language, it is important as the nature of

language itself, and the location of unknown words in the text. Unfamiliar words in the beginning of the text are difficult to understand or properly orient the listener with respect to the subsequent detention of the audited text. The least negative impact on understanding occurs when the unfamiliar word is in the middle of the text or at the end of it, when its value is easily determined by the context. Grammatical phenomena may also be different in understanding the degree of the difficulties. [2, p-78]

Grammatical phenomena may also be different in the degree of understanding of the difficulties. “Non-essential” for understanding may be, for example, the end of adjectives; personal endings of verbs, if properly understood personal pronoun or a noun; the order of words in the interrogative sentence, and others.

For language difficulties should also include stylistic features of the text (figurative means, dialect, colloquial expressions, names, realities) and phonetic features of the audited speech: strangeness of pronunciation of native speaker, inappropriate or promiscuous of pronunciation and others.

The methodical literature in terms of content and composition distinguishes between “favorable”, “neutral”, “difficult” contexts. Favorably it will be interesting for the class the simple, clear language, and logical in its development of plot or fable context.

References:

1. Lyubimov N. A., Phonetic aspect of communication in a foreign language. — L., 1988.
2. Porojnyak N. F., Development of phonetic skills of students of non philological high schools // Young scientist. — 2014. — № 9. — S. 556–559.
3. Shamov A. N., Methods of Foreign Language Teaching: general course — M.: AST: AST-Moscow: East — West, 2008.
4. Volskaya N. B., Relevant signs of interference intonation (experimentally-phonetic research on a material error accent of Russian students in the English language). Diss. Cand. Philology. Sciences. — L., 1985.
5. Witt N. V., Emotional factor in learning a foreign language //M.: MGPI 1971, p.124.

The role of home reading in foreign language teaching and its organization at the English lessons

Yusupova N.K.

Uzbek state world languages university, Tashkent

The issue that we consider in this paper — the role of home reading in foreign language teaching and the organization of foreign language lessons — is one of the most important up-to-date problems. I would like to make a reservation at once, the concept home reading — a reading of the work in a foreign language in the original. It seems to us only the language of art works by matching usually standards of modern literary language is not replaceable as a model for the study of a foreign language, and the role that the sample is especially great, as is taught as secondary linguistic community.

Key words: *extra-linguistic information, linguistic competence, introductory reading, studying reading, reading for viewing, search reading, reading for comprehension, skinning, scanning*

Reading the book the child has the opportunity to observe the existence of the language in the speech of the author and his characters to follow the ways of presentation thoughts in a foreign language, and directly perceive the meaning to read. The book also creates a reliance on the visual perception of the message, which is especially important for those with visual perception developed better than auditory.

Being an indispensable and inexhaustible source of diverse extra-linguistic information, literary works expand the overall outlook of the students and informing material for independent conclusions and generalizations creates a natural basis for the development of their thinking.

Touching on the most interesting and important issues of our time, illuminating the historical events being rich plot associations, literary work does not cause alone mental operations, and require "exit" in the communication, and it is on this as the basis for the development of skills of oral speech, for creating psychological preconditions for speaking, communicative orientation of teaching. [4, p-79]

More recently, the reading was given little importance in the teaching of a foreign language. And if earlier it was believed that reading — is only a source of income of new words in the vocabulary of the pupil and the starting point for a variety of statements of dialogical and monological character; now reading began to be perceived as one of the main goals of education — a new source of intellectual and aesthetic information, which significantly enrich the identity of the student, if the training process will develop his ability and habit to use this source.

Reading today is the most real form of usage acquired in school language competence. In order to apply received in school oral communication skills, the student need at least one companion, with whom he will meet regularly, which is very difficult in our environment. The student of any school (gymnasium, lyceum) can do it by you, alone with a book; magazine, newspaper, and this will open new perspectives in the educational, professional and personal improvement for him.

Today, methodists, depending on the target installation define the following kinds of reading: skimming, scanning, close reading. Only home reading combines all these kinds of reading. As for its goals and objectives, it should be noted that on the one hand is to impart students the skills and abilities of reading literature in a foreign language, and on the other hand, the development of skills and abilities of speech and writing. [1, p-45]

Taking into account the interests of students and the level of knowledge of a foreign language, the availability of reading material, as well as some of the tips available in the methodological literature, the following basic options for home reading can be offered to mid-level students:

Overall class home reading, when the whole class read the text common to all the students but with different tasks and volume settings for reading, depending on the language capabilities of students.

From the goal of the organization of home reading now designated two trends:

- reading in order to understand the text that is individual reading;
- reading as a preparation for an interview on the read material.

The second direction is not a major and constant characteristic of reading as a form of speech activity. It is brought into the reading of the practical orientation of the educational process of teaching foreign languages in the development of spoken language.

Based on the purpose of teaching foreign languages in the modern school, in the organization of home reading in view of the above, it is necessary to distinguish two stages. The first step is the individual reading as the process of obtaining information from the text. This step is required to work on any text. However, at this stage, there should end the work of most of the texts proposed by the pupils for self-home reading. The second stage is interview about home reading material. This phase of work is to be selective and apply only to the part of the most suitable for the practice of speech texts or fragments thereof. [2, p-57]

At home reading lessons there should strive to use all kinds of speech activity: speaking, listening, writing, and translating. At every lesson there are present two major elements of the work with the text:

- Checking the reading comprehension;
- Development of speech on the basis of reading (monologue, dialogue, debate).

These methods (dialogue, discussion) are the development and improvement of students' speaking skills. Speaking applies when discussing reading, exercises and assignments based on the text that is under the control of reading comprehension.

Teachers work on the home reading lesson begins with the selection of literary material. His right choice largely determines future results. While selecting there should be considered the following characteristics of students:

- interests, determined by age, cultural level;
- degree of mastery of the language.

Literary material should be interesting to students, and available to them for understanding, but not primitive. As such material it is better to choose short novels, short stories, or novels, divided into separate chapters. In every lesson there can be seen all sides of selected literary works, to carry out all kinds of works on it. [3, p-90]

A fundamental requirement for reading text is their passivity and accessibility to students. However, the text does not mean stronger ease. Excessive simplification of the text reduces its training value. Psychologists say that the most effective training in any activity that requires a high voltage of the individual psyche is to mobilize his will and attention. It is known that intensely psychic functions when the performance of activities associated with difficulties.

In addition, reading amenable to self-regulation, that is, the reader himself can facilitate conditions for the fulfillment

of activities and thus ensure the implementation of the task before the information retrieval. It should also be noted that the stronger word reading is determined not only linguistic and student life experience is also the view of reading, which is designed for text. So reading texts for gist as a whole, as indicated by the methodists, should be much easier for the student to read the texts.

The texts of the home reading can be difficult for the student reading in class. A student in the work on the home text is not limited in time, is able to use a dictionary or additional literature on your own.

Another important requirement to texts is a requirement of learning the value of the text. Learning the value of the text refers to its upbringing, educational and practical value. The practical value is determined by the efficiency of the text as a means of formation of reading skills. Requirements for the linguistic form of texts for reading varies depending on the type of reading. By this, although the feasibility of text for reading is determined by the number of hard-to-understand language material and unstudied linguistic phenomena, but the implementation of this requirement will be different.

First of all, the difficulty of recognition of linguistic phenomena will be determined not by the sound and graphic form. For example, such a difficult phenomenon for listening as homophones, easily identified by a reader, thanks to the peculiarities of their graphic form: [tu:] — to, two, too. On the contrary, homographs, which do not obstruct listening, may complicate the understanding of the text reading: read- [ri:d] and [red]. Accounting for these difficulties for recognition when the visual perception of linguistic phenomena and their graded introduction to the texts are particularly important at the initial stage, when the reader has not the language of experience in foreign language, and he can not use the language reasonable guess.

Number of non-studied in the texts, used in the advanced stages, also depends on the type of reading. The texts for reading for a gist can only be used by those unfamiliar words, the importance of which can be guessed, or those whose understanding is not essential for the general meaning of the text. Their number can be up to 8–10%, and even be adjusted to 20–25% according to some authors. With regard to studying reading, this type of reading does not preclude the use of a dictionary; the number of unknown words in the text may be greater.

Text selection of texts will vary depending on the stage of training. Thus, at the initial stage it is recommended to offer students only entertaining texts; at the middle and senior — and those and others, but in the middle stage of desirable requirements entertaining texts on older (according to the author — informative). The author is highly recommended to use an informative, educational texts, keeping in mind that the main thing that determines the text from the point of view of the communicative value, this information is contained in it.

Using literary texts in the course of home reading there established firmly in the practice of teaching foreign languages

in high school. At the same time, the search is being continued for the most rational ways of organizing the selection of fiction material. There are a number of special benefits, supplements to textbooks, collections of short stories, fairy tales for home reading. These texts are adapted to the high school level. But not always, the anthologies, collections of short stories are enough to create in students a complete picture of the wealth and diversity of the literary fund of the country the language is spoken. There is a need to expand the literature choices for home reading lessons.

Selivanova N. A. advises to apply a systematic approach to the selection of literary texts for home reading, which will allow to create in students a clearer and deeper understanding of the literature of the country of studied language due to familiarity with the works included in the golden fund of the national literature: children's, youth and so-called "adult" literature, beloved by teenagers. [3, p-89]

As I mentioned above, for home reading it's appropriate to choose novels and stories for a more complete and thorough acquaintance with them. However, a three-dimensional works, novels, should also not be bypassed attention, with familiarity with the entire product is not necessary.

The holistic approach can be achieved by reading the complex product parts, which does not lose the feeling of the whole. These parts can be named by text fragments. When selecting text fragments should take into account students' interest in the storyline of the behavior of literary heroes. It is desirable that each text correspond to meaningful disclosure of the plot of the conflict point. Such key moments, as you know, are five: exposition, plot, peripeteia (development actions), climax, denouement.

The main episodes of the selection criteria may include the following:

— The significance of the episode in the overall design of fiction development;

— Problem, that is, the presence of an episode of a problem situation, which serves as an effective incentive to penetrate the essence of the conflict, promote reading motivation, creates a certain mental attitude, contributing to the speech activity of pupils;

— Extra-linguistic informative (we are talking about the subject of art). In this case, under the theme of the event is meant not a circle, forming the lifeblood of products, and the phenomena of reality, which constitute the essence of what is happening with the characters: the moral and ethical themes of good and evil, friendship, love, and justice;

— Cultural value which in some parts enables possible episodes, revealing to students certain aspects of reality that is characteristic of the language is spoken.

It is important to emphasize that the home reading texts can be of different styles and each style is characterized by its special scheme.

Thus, the availability of texts or parts of them for the lesson home reading and speech practice with them may be determined by this criterion:

- Colorful and entertaining story line of text, or a passage;
- Emotional and imaginative presentation;
- The relevance of the material;
- Thematic proximity of the object to the presentation of life experiences and interests of students;
- The possibility of a variety of situational transformations of the content aspect of the text or passage.

Depending on the purpose and nature of speech practice, in some cases to determine the suitability of the text may be sufficient to comply with just two or three of these criteria.

So we can conclude that the study of a foreign language contributes to the development of cognitive functions of the human psyche. In the process of mastering a foreign language the different memorization techniques are practiced, philological thinking is formed, knowledge of reality is expanded. Particularly the home reading helps to develop these skills.

Teaching reading is learning, first of all, letters correlating with certain sounds, and then learning the sound image of

the word with the visual (i. e., called the subject). Thus, it allows you to articulate specific content (context) in the form of phrases, sentences, more common expression. Reading is closely connected with the pronunciation of human skills, which help to form the fugitive reading technique.

Reading plays a major role in the process of learning a foreign language. It is always directed to the perception of the finished voice message (and not on its creation), to receive information, so it is considered to be receptive types of speech activity. The peculiarity of reading is that the evaluation of the success of its implementation is subjective and is reflected in the satisfaction of reading with the result — achieved a degree of completeness and accuracy of understanding. Reading is the purpose and means of learning a foreign language.

The purpose of training home reading is to give students the ability to read a foreign language, which is one of the practical purposes of studying this discipline.

References:

1. Bychkova N. A., Organizing home reading lessons at the senior stage of training // FLS. 2003. № 6.
2. Galskova N. D., Modern methods of teaching foreign languages. Allowance for teachers. — M.: ARKTI, 2004. — 192 p.
3. Lyakhovitski M. V., Foreign Language Teaching Methodology. Toolkit- M.: Bustard, 2006. — 369 p.
4. Milrud R. P., Goncharov A. A. Theoretical and practical training of communicative problems of understanding the meaning of foreign language text // FLS. 2003, № 1.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Международная научная конференция
г. Москва, июнь 2017 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е. А. Шишков*
Верстка: *О. В. Майер*

Издательский дом «Буки-Веди», г. Москва

Подписано в печать 24.06.2017. Формат 60x90 1/8.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,1. Уч.-изд. л. 12,3. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.